

БОЛЬШАЯ ИГРА

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ • РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ

ВЛАДИМИР ШИГИН

БИТВА ЗА СТЕПЬ

ОТ НЕУДАЧ
К ПОБЕДАМ

Большая Игра

Владимир Шигин

**Битва за Степь. От
неудач к победам**

«ВЕЧЕ»

2023

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)47

Шигин В. В.

Битва за Степь. От неудач к победам / В. В. Шигин — «ВЕЧЕ»,
2023 — (Большая Игра)

ISBN 978-5-4484-8932-7

С окончанием последней Русско-персидской войны 1826–1828 годов в Закавказье и после инсценированного англичанами убийства нашего посла в Тегеране А.С. Грибоедова закончился период военного противостояния между Россией и Персией. Однако настоящая Большая Игра (геополитическое противостояние России и Англии) еще только разворачивалась, и все ее главные события были впереди. Отныне гроссмейстерам Игры как с одной, так и с другой стороны было очевидно, что новым полем противодействия России и Англии станут степи, пустыни и горы Средней Азии. Россия контролировала степи вокруг Оренбурга, а англичане только вышли к предгорьям Гиндукуша. Противостояние переходило в стадию атак, защиты, позиционного маневрирования, комбинаций и жертв...

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)47

ISBN 978-5-4484-8932-7

© Шигин В. В., 2023
© ВЕЧЕ, 2023

Содержание

Предисловие	7
Часть первая	9
Глава первая	9
Глава вторая	19
Глава третья	30
Глава четвертая	36
Глава пятая	40
Глава шестая	45
Глава седьмая	52
Глава восьмая	57
Глава девятая	68
Глава десятая	76
Глава одиннадцатая	85
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Владимир Шигин

Битва за Степь. От неудач к победам

*Памяти моего учителя Валерия Николаевича Ганичева,
открывшего мне путь в русскую литературу, посвящаю.*
Автор

Когда все умрут, тогда только кончится Большая Игра...
Редьярд Киплинг

Проект «Большая Игра» издается при участии Института стран СНГ в городе Севастополе (исполнительный директор Сергей Павлович Горбачев)

© Шигин В.В., 2023

© ООО «Издательство «Вече», 2023

Предисловие

С окончанием последней Русско-персидской войны 1826–1828 годов в Закавказье и после инсценированного англичанами убийства нашего посла в Тегеране Грибоедова закончился период военного противостояния между Россией и Персией. Обе державы согласились с новыми границами, и в Закавказском регионе воцарился мир. Что и говорить, на данном этапе глобального противостояния с Англией, известного ныне как Большая Игра, ее первый Закавказский этап остался за Россией.

По Гулистанскому миру 1813 года Россия получила от Персии почти все Закавказье и, таким образом, приблизилась к Британской Индии еще на двести пятьдесят миль. В прямой пропорции усилению России мгновенно усилилась и английская русофобия. В Лондоне смертельно боялись, что, усмирив Персию и перешагнув через Каспий, Россия двинет свою армию прямо в индийские пределы.

По этой причине в глазах английских дипломатов и генералов сразу же увеличилось до невероятных размеров значение еще вчера никому не нужного Афганистана. Внезапно обнаружилось, что все сухопутные вторжения в Индию – начиная с древних ариев, Александра Македонского и Великих Моголов – проходили исключительно через афганские перевалы – Хайбер и Балан. Отныне в высоких кабинетах Калькутты и Лондона Афганистан представлялся гигантской воронкой с двумя узкими горлышками, через которые захватчики могли в любой момент ворваться в Индию, чтобы отобрать у английской короны ее драгоценнейшую жемчужину...

Впрочем, настоящая Большая Игра (геополитическое противостояние России и Англии) еще только-только разворачивалась по-настоящему, и все ее главные события были еще впереди. Отныне гроссмейстерам Игры как с одной, так и с другой стороны было очевидно, что новым полем противодействия России и Англии станут степи, пустыни и горы Средней Азии. При этом оба игрока к третьему десятилетию XIX века находились лишь на подходах к этому огромному региону. Мы контролировали степи вокруг Оренбурга, а англичане только-только вышли к предгорьям Гиндукуша. Теперь успех в Игре зависел уже не только от политических интриг друг против друга, но и от конкретных действий генералов, дипломатов и разведчиков, кто первым сможет покорить огромный Среднеазиатский регион, склонить к союзу его политическую элиту, направить в свою сторону торговые потоки и вызвать симпатии населения. Большая Игра вступала в самую горячую фазу.

Если противостояние России и Англии в Закавказье можно представить как дебют Большой Игры, то теперь обе стороны, обменявшись первыми фигурами, вступали в т. н. миттельшпиль, который является основной стадией любой шахматной партии, когда развиваются основные события – атака и защита, позиционное маневрирование, комбинации и жертвы...

* * *

...После окончания Наполеоновских войн император Александр I наконец-то обратил внимание на упорядочение торговли в Средней Азии. Тогдашнему оренбургскому военному губернатору генералу Эссену было приказано избрать из служащих в Оренбурге чиновников надежного человека и отправить к хивинскому хану для установления пограничных отношений.

Для поездки в Хиву был определен коллежский советник Мендияр Бекчурин. Он должен был передать хану письмо российского министра иностранных дел Нессельроде и ходатайствовать о возмещении убытков наших ограбленных купцов за украденные у них товары. Бекчурин

был выбран по двум причинам. Во-первых, он был мусульманином, а во-вторых, ему было уже за семьдесят. Однако ставка на уважение к престарелому единоверцу не оправдалась. В Хиве российский чиновник был принят с большим раздражением. Четыре месяца его продержали под крепкой стражей, а затем отправили в Россию без всякого ответа, посетовав, что не могут отрубить ему голову...

Все последующие попытки вразумить Хиву также остались без ответа. Посланцев грабили, сажали в зинданы, напоследок брили головы и с позором изгоняли.

Почему император Александр I терпел такие выходы хивинского хана, непонятно. Историки считают, что после Наполеоновских войн он испытывал глубокое отвращение к любой войне. Кроме этого, во главе внешней политики России стояли в то время иностранцы, во главе с графом Нессельроде, которым были чужды и непонятны не только торговые интересы России где-то на Востоке, но и государственная честь, так дерзко оскорбляемая каким-то полудиким ханом. Впрочем, было очевидно, что бесконечно такое положение дел продолжаться не может. Россия не могла позволить себе такое унижение. Россия не забыла и зверского уничтожения отряда князя Бековича-Черкасского в петровские времена.

Помимо всего прочего, к скорейшему освоению степи и подчинению себе среднеазиатских ханств Петербург толкали и известия о начавшемся проникновении в эти области английских разведчиков. Было совершенно ясно, что вслед за разведчиками придут английские купцы, а за ними и английские солдаты. Тревожные перспективы Средней Азии требовали срочного вмешательства. Противостояние России и Англии вышло на новый уровень. Это значило, что в ходе нарастающего противостояния будут и победы, и потери.

Герои и жертвы Большой Игры... Их портреты сегодня можно увидеть, прежде всего, в кабинетах географии. Они были картографами и этнографами, ботаниками и зоологами, геологами и археологами, исследователями, торговцами, а порой и просто авантюристами, но все они, прежде всего, были разведчиками, отважными и дерзкими солдатами своих империй. Любопытно, что английские участники Большой Игры путешествовали не под своими именами. По легенде все они имели какой-то местный рабочий псевдоним, соответствующий текущей легенде, – вымышленное имя какого-нибудь купца или дервиша. При этом письма резидентам разведчики подписывали уже своим постоянным оперативным псевдонимом. Например, известный английский разведчик Артур Конолли имел оперативный псевдоним «Хан Али»... Наши разведчики обходились тогда без рабочих и оперативных псевдонимов, играя с противником в открытую...

Ну что ж, уважаемый читатель, впереди у нас новое увлекательное путешествие в мир сражений и политических интриг, подвигов и трагедий, в мир Большой Игры! Итак, мы начинаем...

Часть первая

Рокировки перед схваткой

Глава первая

Еще в 1808 году в Индии появился некто Уильям Муркрофт, прибывший по приглашению компании, чтобы управлять ее конными заводами. Муркрофт был человеком ответственным и инициативным. Через некоторое время до него дошли слухи, что где-то на севере в дебрях Центральной Азии или Тибета можно найти породу лошадей, отличающихся большой прытью и выносливостью. Речь шла о знаменитых туркменских скакунах. Как бы то ни было, но Муркрофт задался целью найти эту породу и с ее помощью освежить кровь английских лошадей. Для начала он добился приема у генерал-губернатора Индии.

Генерал-губернатором в то время был граф [Уильям Амхерст](#) – представитель одной из лучших британских фамилий, начинавший свою карьеру посланником при неаполитанском дворе, а затем неплохо зарекомендовавший себя в Гонконге. Амхерст слыл остроумным человеком. Именно он как-то обронил знаменитую фразу: «Есть три способа разориться: самый быстрый – скачки, самый приятный – женщины, а самый надежный – сельское хозяйство». Остроумная фраза запомнилась англичанам, и они до сих пор ее цитируют. При этом Амхерст был законченным интровертом, предпочитавшим созерцать свой огромный сад, чем общаться с людьми. Такой же была и его супруга Сара, профессионально увлеченная поиском новых сортов индийских растений. В честь Сары Амхерст был впоследствии назван сорт деревьев из [Бирмы](#) – Амхерстия, с очень красивыми крупными цветками, похожими на [орхидеи](#). Злые языки при случае употребляли в отношении чета Амхерстов известную английскую идиому: «Let the grass grow under feet», дословно переводящуюся как: «Позволить зарастить травой». В переносном смысле это значило, что, если ничего не делать, даже протоптанная тропинка зарастет травой. В отношении Амхерстов это звучало так, что те предпочитают созерцать цветы, вместо того чтобы заниматься вопросами управления компанией.

Рассказ о поисках лошадей Амхерста не впечатлил. Зачем улучшать и так прекрасных английских скакунов? И тогда Муркрофт зашел с козырей:

– Ваше сиятельство! Лошади – лишь одна из задач моего путешествия, причем не главная! Главную же свою задачу я вижу в поиске неизвестных высокогорных цветов, которые могли бы стать украшением вашего сада!

После этого разрешение, разумеется, было получено.

Первая поездка в Гималаи ничего не дала. Муркрофт привез несколько новых видов цветов (и чета Амхерстов осталась довольна), но нужной ему лошади не нашел. Поэтому вскоре он снова отправился в горы, туда, где еще не ступала нога европейца.

Во время одного из своих переездов, в районе знаменитой горы Кайлас, Муркрофт остановился переночевать в доме зажиточного тибетца. Едва англичанин вошел в дом, как к нему навстречу выбежали две собачки, начавшие визжать от радости и лизаться. Муркрофт глянул на собак и оцепенел – перед ним были терьер и мопс!

Дело в том, что таких собачьих пород в Центральной Азии никогда не было. Откуда они взялись? При этом собаки явно отличали его – европейца от местных жителей, выказывая радость, какую собаки демонстрируют лишь хозяину! Помимо всего прочего, собаки четко выполняли основные команды европейской дрессировки: «Сидеть», «Лежать», «К ноге» и т. д., когда слова подкреплялись соответствующими жестами рук. Причем с наибольшим удовольствием собаки исполняли команды, которые любили давать своим питомцам именно солдаты

европейских армий! Ответ напрашивался сам собой – собаки ранее принадлежали какому-то европейцу или европейцам. Но Муркрофт точно знал, что в данном районе, кроме него, не было ни одного англичанина. Значит, хозяин собак был европейцем из другой страны? Но из какой?

Муркрофт начал расспрашивать у хозяина о появлении собак. Тот ответил, что получил их от своего друга, а тот от русских торговцев, но Муркрофт был уверен – собаки принадлежали не купцам, а русским военным разведчикам, проникшим в сердце Тибета.

Вернувшись в Калькутту, бдительный Муркрофт засыпал своих начальников множеством взволнованных рапортов о коварных планах русских в Центральной Азии.

– Я убежден, – горячо убеждал Муркрофт генерал-губернатора Амхерста, – что Петербург намерен захватить огромные рынки Центральной Азии. Поэтому Ост-Индская компания должна решить, будут ли коренные жители Туркестана и Тибета одеваться в ткани из России или из Англии? Станут ли они покупать железные орудия, произведенные в Петербурге или Бирмингеме?

– Если речь идет только о качестве продукции, то русские нам не конкуренты, – передернул плечами граф Амхерст, которому уже изрядно поднадоел сверхинициативный коневод.

– В том-то и дело, что вопрос стоит совсем не о торговле! – еще больше распалился посетитель. – Русские стремятся к территориальным захватам. Сначала это будут ханства Центральной Азии, а потом и сама Индия!

– Ну, это плод вашего воображения! – уже начал злиться генерал-губернатор. – Занимайтесь лучше своими лошадьми!

– Ваше сиятельство! – вошел уже в раж Муркрофт. – Я ставлю вас в известность, что намерен письменно известить о моем открытии министерство иностранных дел.

– Ничего не имею против! – сухо кивнул головой Амхерст и отвернулся, давая понять, что визит закончен.

Муркрофт удалился, а граф, взяв в руки миниатюрную лейку, занялся уходом за капризной азалией Индика, вырастить которую в домашних условиях мог лишь очень опытный садовод.

В своих письмах в Лондон, которые Уильям Муркрофт слал десятками до самой своей смерти в 1825 году, он без устали описывал двух несчастных собак, свои догадки и объяснял, что всего лишь несколько толковых английских офицеров, командующих местными нерегулярными воинскими частями, могут остановить стремящуюся через перевалы на юг русскую армию, завалив ее огромными каменными глыбами с окружающих высот.

Первое время Муркрофту на письма отвечали, потом просто читали и подшивали, затем перестали даже читать. Что взять с сумасшедшего коневода! Ведь Россия слишком далеко от Тибета, и поэтому далекая горная страна никак не может входить в круг интересов российского императора.

Между тем Муркрофт затеял новую экспедицию. Амхерст поначалу не хотел давать деньги на очередную авантюру сумасшедшего, но потом сдался. Дело в том, что, встретившись с супругой генерал-губернатора, Муркрофт пообещал ей найти гималайское чудо – белоснежный цветок Махамеру, который цветет один раз в 400 лет.

При этом на сей раз Муркрофт решил добраться до Бухары, к неведомому и загадочному Оксусу (Амударье). Там было больше шансов найти вожака туркменского скакуна, а также больше разузнать о тайных кознях русских. Кроме этого, путешественник намеревался открыть новые рынки сбыта для британских товаров и опередить, таким образом, русских, которые, по его убеждению, вынашивали аналогичные планы.

Однако вскоре о Муркрофте и о его собаках вспомнили. Теперь то, о чем писал радеющий за Англию ипполог, уже не казалось таким фантастичным.

* * *

Весной 1819 года Уильям Муркрофт получил одобрение и финансовую поддержку своей третьей экспедиции. По предварительным подсчетам ему предстояло пройти более двух тысяч миль.

Фактически путешествие в Бухару Муркрофт начал одновременно с поездкой капитана российского Генерального штаба Николая Муравьева в Хиву (об этой экспедиции мы подробно писали в третьем томе «Большой Игры»). При этом, если поездка Муравьева была официальной дипломатическо-разведывательной миссией, а сам Муравьев имел статус посланника российского наместника на Кавказе, то Муркрофт никакого официального статуса не имел и действовал исключительно на свой страх и риск. Впрочем, несмотря на частный характер поездки, денег в нее Ост-Индская компания вложила немало.

Перед отъездом Муркрофта официально предупредили, что, если его визит в столь далекий от индийских границ город вызовет протест со стороны Петербурга, от него могут отречься.

– Что ж, я буду рассчитывать только на себя! – невозмутимо ответил храбрец.

Если бы Муркрофт только знал, что его ждет впереди, может быть, он был бы не столь самоуверен. Но никому не дано знать свое будущее...

16 марта 1820 года Муркрофт с несколькими спутниками пересек границу контролируемой Ост-Индской компанией территории, присоединившись к большому каравану, груженному британскими товарами – фарфором, пистолетами, ножами и хлопком. Товары тщательно отбирал лично Муркрофт, чтобы затмить по качеству товары русских. Ближайшими спутниками Муркрофта в этом дальнем походе были молодой джентльмен Джордж Требек и индеец Джордж Гутри. Охранял караван небольшой отряд гуркхов. По опыту своих предыдущих экспедиций Муркрофт знал – самая короткая дорога в Среднюю Азию проходит через Афганистан. К несчастью, в то время там разгорелась ожесточенная война между двумя претендентами на трон в Кандагаре братьями [Али-шахом](#) и [Аюб-шахом](#).

Надо ли говорить, что богатый караван мог стать лакомой добычей для многочисленных шаек. Поэтому Муркрофт решил обогнуть Афганистан, выйдя к Бухаре с востока, со стороны Кашгара в китайском Туркестане. Для этого следовало пройти через Каракорум от столицы гималайского княжества Ладакх Леха. Направляясь к Бухаре с этой стороны, Муркрофт надеялся заодно открыть для английских товаров и рынок китайского Туркестана (Синьцзян).

После многочисленных остановок в Пенджабе караван Муркрофта прибыл в Лех, важный караванный центр на пути вдоль [Инды](#) между [Тибетом](#) на востоке, [Кашмиром](#) на западе, а также Индией и [Китаем](#). Муркрофт и его спутники были первыми англичанами, которых увидели тибетцы.

В Лехе каравану пришлось остановиться, так как на дальнейший путь следовало получить разрешение у китайцев. Учитывая неторопливость и подозрительность китайцев, на получение разрешения могли уйти долгие месяцы. Смотри на унылые каменные горы вокруг поселения, Муркрофт коротал время, лакомясь кашей из ячменной цампы, сдобренной маслом [яка](#), и жирным соленым чаем-часуймой.

Следующим пунктом маршрута Муркрофта был китайский Яркенд, тот самый Яркенд, к которому так настойчиво, но, увы, безрезультатно стремился Петр I, пытаясь овладеть его золотыми приисками. И вот теперь Яркенд снова появился на карте Большой Игры. Но добраться до Яркенда из Леха было не менее сложно, чем сто лет ранее подполковнику Ивану Бухгольцу из Тобольска... Яркенд находился в трех сотнях миль к северу от Леха за почти непроходимыми перевалами. Кроме этого, местные купеческие кланы, издавна обладавшие монополией

на караванную торговлю между Лехом и Яркендом, не горели желанием впускать в свою вотчину англичан.

Не видя иного выхода, Уильям отправился к главам купеческого сообщества.

– Я уполномочен назначить вас представителями Британской Ост-Индской компании со всеми вытекающими отсюда правами: беспошлинной торговлей с Индией, защитой английской армией и другими преференциями! – заявил он.

До сих пор неизвестно, имел ли Муркрофт на то полномочия или откровенно блефовал. Впрочем, тибетских купцов его предложение не заинтересовало.

Как стало известно позднее, китайцы предупредили купцов остерегаться вероломных англичан, так как только стоит им получить разрешение на проход через перевалы, они немедленно приведут с собой солдат. В данном случае не согласиться с китайцами сложно.

Пока Муркрофт ждал в Лехе решения своей судьбы, он, к своему ужасу, узнал, что в здешних краях у него есть русский соперник – некто Мехти Рафаилов. Вскоре Муркрофт твердо знал, что Рафаилов уполномочен распространить влияние России до границ с Британской Индией, а по пути производить политическую и географическую разведку территорий... Особенно потряс англичанина тот факт, что караван Рафаилова по казахским степям сопровождали вооруженные казаки.

– Вот и доказательство начала вооруженной экспансии в сторону Индии! – потирал он руки. – Это не какие-то несчастные солдатские собачки!

В письмах в Калькутту Муркрофт писал, что вслед за торговыми русскими караванами уже идут страшные казаки! А купец Рафаилов – это хитрый разведчик, исследующий маршрут и готовящий почву для будущей военной экспансии.

От вернувшихся с севера через перевалы людей Муркрофт теперь требовал всю информацию о передвижении опасного конкурента.

– В Кашгаре русский купец тайно обещал местным вождям поддержку своего царя, если те попытаются сбросить маньчжурское иго, – докладывал ему очередной агент.

– А что же вожди? – напрягся Муркрофт.

– Они ответили, что направят в Петербург законного претендента на кашгарский трон, чтобы тот вернулся во главе обученной русскими армией и вернул все земли, принадлежавшие его предшественникам!

– Я не могу понять, почему местные вожди и население так радуются при известии о благорасположении к ним русского царя и совершенно равнодушны к щедротам Ост-Индской компании? – сетовал Муркрофт.

Именно так случайно состоялся самый первый контакт двух разведчиков стран – соперниц по Большой Игре в Центральной Азии.

* * *

Напомним, что к началу XIX века Англия владела фактически всей Индией, за исключением ее севера, где в княжествах Пенджаб и Синд жили воинственные сикхи, и Кашмира, номинально входившего тогда в состав Афганистана. В 1799 году махараджей Пенджаба стал талантливый и энергичный правитель Ранджит Сингх, прозванный подданными «Львом Пенджаба». Понимая, что рано или поздно ему предстоит столкнуться с англичанами, Ранджит Сингх реорганизовал на европейский манер свою армию и деятельно занимался объединением пенджабских земель. Известный российский ученый и дипломат Е.П. Ковалевский так характеризовал его: «Ранджит Сингх – одно из тех немногих лиц в Азии, на котором отрадно отдохнуть душой, как взором на роскошном оазисе посреди дикой пустыни». К 1811 году Ранджит Сингх завершил объединение Пенджаба, создав сильное централизованное государство

с достаточно боеспособной 60-тысячной армией. Именно с Ранджитом Сингхом российское правительство и решило установить полезный и взаимовыгодный торговый контакт.

Лучшим исходным пунктом для торговых караванов, следовавших в Восточный Туркестан и далее в Северную Индию, являлся Семипалатинск – крепость и город, лежащий на Иртышской (Сибирской) пограничной линии, основанный в 1718 году полковником Иваном Бухгольцем. Оттуда караваны отправлялись в ближайшие города западно-китайского Синьцзяна. Экспедиции же в Северную Индию были опасны не только в силу географических условий. Банды грабителей и провокации англичан были обычным явлением. Поэтому, несмотря на заманчивость большой прибыли, семипалатинские купцы решались на такие мероприятия не часто – раз в несколько лет. В свою очередь, иностранные купцы завозили в Семипалатинск кашемировые шали – товар, бывший тогда в большой моде, изящный, а для торговцев очень прибыльный. Если стоимость пухового тибетского платка составляла до тысячи целковых за штуку, то шальями торговали по 15 тысяч рублей!

Одним из самых удачливых торговцев кашемировыми шальями был Мехти Рафаилов, приказчик крупного сибирского купца Семена Мадатова. В 1807 году он вместе с купцами Артемовым и Шарголовым совершил весьма удачную поездку в Кашмир и доставил большую партию сверхдефицитного товара в Петербург. Уже через несколько дней после появления Рафаилова в Петербурге им заинтересовались в Министерстве иностранных дел.

Что нам известно о Рафаиле? Сам он сообщал о себе в одном из документов, что приехал в Россию в 1802 году. Сведений о Рафаиле, относящихся до его появления в России, практически нет. В архивных делах упоминается, что он – «кабульский житель» или «кабульский еврей». По английским данным, Рафаилов являлся выходцем из Персии, его мать была рабыней, а отец – купцом. Родители рано умерли, и мальчика воспитали друзья отца. Он был слугой, разносчиком, приказчиком, затем сам начал торговать и уже как купец попал в Россию, где крестился. При этом у Рафаилова были все данные, необходимые настоящему разведчику. Он был умен и хитер, хорошо образован, разбирался в большой политике и географии, знал многие восточные языки, в том числе турецкий, татарский, персидский, кашмирский и пенджабский. Надо ли говорить, что Рафаилов стал настоящей находкой для нашего Министерства иностранных дел!

Вскоре Рафаилова и его товарищей принял сам министр иностранных дел Николай Румянцев и предложил снова отправиться с товарами в Западный Китай и Северную Индию. Но теперь, помимо торговых дел, купцам было велено заняться и разведывательными делами. 21 февраля 1808 года Румянцев подписал указ о свободном пропуске Рафаилова, Артемова и Шаргалова в Индию и обратно. Кроме этого, новое предприятие было профинансировано государством. Уже в августе 1808 года купцы выехали из Семипалатинска с новыми товарами.

За три года они побывали в Кульдже, Аксу, Кашгаре, Яркенде и Кашмире и возвратились в Семипалатинск в марте 1811 года. По этому поводу командующий войсками Сибирской линии барон Григорий Глазенап отправил канцлеру графу Николаю Румянцеву отчет, составленный со слов Мехти Рафаиловым: «...Еврей Махти Рафулла препровожден с караваном нашим до китайского города Кулжи, отколе пустился по границе китайской к достижению Кашмира. Махти Рафулла исполнил свое предприятие, был в Кашмире довольно время, испытав ход тамошней торговли, и ноне возвратился в пределы наши к Семипалатинской крепости. Я, осведомясь о сем, вытребовал его ко мне в Омск, дабы получить от него сведения о тех отдаленных китайских городах и владениях, в коих он успел быть во время своего путешествия, с тем намерением, чтобы с точностию воспользоваться такими известиями на распространение в Сибирском крае торговли послушающее... Еврей сколько был в силах удовлетворил требуемое от него, и с его показаний составлена записка, кою я за долг вменил себе представить к усмотрению Вашего сиятельства. Рассмотрел я также товары, приобретенные им в Кашмире. Они состоят из одних шалей тамошней выработки, но превосходного достоинства,

все эти вещи повез он с собою, таможеню запечатанные в тюки, до Санкт-Петербурга, ноне по приказанию моему должен явиться Вашему сиятельству...»

От себя Глазенап отметил, что «Мехти Рафаилов, сколько был в силах, удовлетворил требуемое от него». Записка, составленная со слов Рафаилова, была весьма обстоятельной, содержала подробное описание его путешествий, разведывательных, географических и этнографических данных. Фактически до Рафаилова столь развернутого описания Кашмира и прилегающих к нему областей в России еще никто не делал.

26 ноября 1811 года император Александр пожаловал «кабульскому жителю Мехти Рафаилову» золотую медаль с надписью: «За полезное» для ношения на шее на красной ленте. В марте 1812 года Рафаилов подал министру иностранных дел Румянцеву свой «Проект на открытие путей, ведущих из России в Индию». Документ был большой по объему и насыщен важной информацией. Для себя Рафаилов просил классный чин, имея который ему было бы гораздо легче решать все торговые вопросы в России.

Но получить чин Рафаилов не успел. В сентябре 1813 года он был послан с караваном товаров на 160 тысяч рублей в города Северного Китая. Губернатор Глазенап сообщал в Петербург, что поручил Рафаилову доставить письмо к «тибетскому владетелю, приглашая того вступить с нами в торговые сношения. Самому ж Рафаилову поручил... делать путевые замечания свои насчет удобства таковых сношений и прочем». Кроме Рафаилова, в Кашмир отправились: грузинский дворянин Семен Мадатов, еврей Мехтира Фулло и тифлисские жители Захар Шаргилов и Егор Артемов, а также учитель омского военного сиротского отделения Дешев, хорошо знающий инженерное дело. Так как Дешев не знал местных языков, он должен был изображать немого, а переводчиком при нем должен был состоять урядник сибирского казачьего войска Белевцов, бывший уже несколько раз на границе Китая. По приказу губернатора Глазенапа оба отрастили себе длинные бороды. Фактически это была настоящая разведывательная экспедиция, имевшая стратегические задачи.

Караван Мехти Рафаилова выступил из Семипалатинска под прикрытием отряда из сотни казаков. Миновав Семиреченский край, озеро Иссык-Куль, караван достиг Турфана. Затем Рафаилов отправился в Аксу. Там он продал часть товаров, получив взамен ямбовое серебро (ямба имела форму «подковы с круглой китайской печатью»), после чего выехал в Кашгар, где также вел торговлю, но менее удачно, так как менял свой товар не на серебро, а на местные товары, которые намеревался впоследствии продать на Нижегородской ярмарке. В Кашгаре Рафаилов оставался на протяжении 13 месяцев. За это время к нему прибыл с новыми товарами из Семипалатинска приказчик. Затем Рафаилов направился в Яркенд, а оттуда в Тибет. Там он встретился с раджей Агбар-Махмудом и передал ему письмо генерал-губернатора Западной Сибири. Агбар-Махмуд принял Рафаилова со всей возможной любезностью, разрешив беспопытно торговать и обещая впредь покровительство русской торговле. Из Тибета Рафаилов намеревался направиться к главной цели своего путешествия – в Кашмир, чтобы там купить шали, но по случаю купил их в Тибете. Поэтому от поездки в Кашмир Рафаилов отказался. Перед возвращением в Россию Агбар-Махмуд дал российским купцам аудиенцию и вручил ответное письмо генералу Глазенапу, написав в нем о своем большом желании вступить в торговые сношения с Россией, а также о намерении отправить туда своего посланника. Из Тибета Рафаилов уехал в Кульджу и через восемь месяцев возвратился в Семипалатинск.

Вся поездка продолжалась более двух лет. Результатом ее стало фактическое установление дипломатических отношений России и Тибета, а также новый отчет Рафаилова. Из отчета Рафаилова: «В бытность мою в вышепомянутых городах, по короткому знакомству моему с индейскими, ауганскими, кашемирскими и персическими знатными купцами узнал, что они охотно желают завести на границах российских и внутри оных постоянной торг и учредить купеческие конторы, даже на таких условиях, какие предложит российское правительство...

Не смею умолчать, чтобы не доложить... что владетель индийской провинции и города Лагора Ранджицын Бадша (Ранджит Сингх. – *В. III.*) ищет покровительства, но не знает, где его найти». В последней фразе Рафаилов говорит о противостоянии властителя Пенджаба с Британской Ост-Индской компанией и поиске союзников в борьбе против нее.

Наградой Рафаилову стал чин надворного советника, что соответствовало 7 классу в табели о рангах, приравнялось к армейскому чину подполковника, т. е. давало право на личное дворянство. Таким образом, заслуги Рафаилова были оценены весьма высоко.

А сам Рафаилов уже готовился к новой поездке. На этот раз задание у него было куда более сложное – пробраться гораздо дальше к югу – в независимое государство сикхов Пенджаб. Там ему следовало попытаться установить дружеские контакты с правителем Ранджитом Сингхом. Ему Рафаилов должен был доставить письмо нового министра иностранных дел Карла Нессельроде. Аналогичное письмо было написано и независимому властителю одной из частей Тибета радже Акибету. Письма содержали предложения о взаимовыгодной торговле, а также об установке прямых и постоянных государственных контактов, а также приглашали властителей посетить Петербург. В качестве подарка для Ранджита Сингха Рафаилову были выданы несколько крупных и дорогих рубинов и изумрудов. Фактически Россия руками Рафаилова начала свою первую геополитическую интригу в Центральной Азии.

Написанные по-персидски письма были уложены в мешочки из красной узорчатой парчи и вручены Рафаилову. Кроме этого, ему было поручено купить шесть лучших туркменских жеребцов для государственных конных заводов, а также несколько кашмирских коз для разведения этой породы.

На встрече с министром финансов Гурьевым, известным гастрономом и любителем путешествий, Рафаилов поделился своими планами:

– Я хочу ежегодно закупать в Тибете козий пух и устроить в Петербурге казенную фабрику для выделки собственных кашмирских шалей. На первый случай я найду в Тибете и в попутных городах надежных торговых агентов. В самом же Тибете думаю закупить не менее 50 пудов пуха и убедить кашмирского владетеля отменить запрет на вывоз пуха и шерсти из Тибета в Россию.

– Насколько я знаю, тамошние владетели очень ревностно охраняют свою монополию? – засомневался Гурьев, разглядывая в лорнет своего собеседника.

– Это так, но у меня есть надежные люди – прежде всего, визирь кашмирского правителя, который обещал содействие. Кроме этого, я хочу привезти с собой в Петербург несколько тибетских мастеров по выделке и ткани, и шерсти, закупив необходимые станки, а также самому ознакомиться с техникой ткачества шалей. Если все пойдет как надо, то в обозримом будущем предполагаю устроить фабрику, на которой, кроме кашмирских шалей, могли бы производиться изделия из козьего пуха.

– Мне определенно нравится ваш план! – потер холеные руки Гурьев. – Если все получится, то это обещает России неисчислимые выгоды! Что же до злобы со стороны англичан, когда они прознают, что мы опередили их в Кашмире и Тибете, то тут пусть расхлебывает мой коллега граф Нессельроде! От себя обещаю вам за каждый пуд привезенного пуха по сотне голландских червонцев, а за каждого нанятого ткача по тысяче!

После этого Рафаилов, вместе со своими помощниками Зариповым и Муса-ханом выехал из Петербурга в Семипалатинск.

30 апреля 1820 года Рафаилов выехал из Семипалатинска с новым караваном. Его вел опытный караван-баши ташкентец Мулла-Мансур Мамасеитов, а до ближайшего пограничного поста Бадельдован караван сопровождал отряд из сотни казаков под командой хорунжего Мокшина. На пути караван подвергся нападению кочевников-киргизов, но конвойные казаки сумели разогнать нападавших. Затем караван благополучно прибыл в город Турфан, что в Восточном Туркестане, а оттуда через Аксу в Яркенд. Там Рафаилов в течение двух месяцев успешно тор-

говал, после чего с оставшимся товаром двинулся на Лех. Первые недели путешествие протекало нормально, но на подъезде к Леху Рафаилов неожиданно заболел. Неизвестная болезнь длилась всего три дня, и от «опухоли всего тела» он умер.

* * *

О причине смерти Рафаилова на высоких перевалах Каракорума, поднимавших путников порой почти на шесть километров над уровнем моря, остается только догадываться. Возможно, просто не выдержало сердце, возможно, это была т. н. «горная болезнь». Однако, возможно, что разведчик умер и не своей смертью... Известно только то, что Рафаилова похоронили прямо у дороги.

После смерти Рафаилова караван возглавил его помощник Мухамед Зугур Зарипов, который распродал оставшиеся товары и вернулся в Семипалатинск. Узнав о смерти Рафаилова, генерал-губернатор Западной Сибири Капцевич немедленно известил об этом министра иностранных дел Нессельроде. Тот был искренне опечален, сказав:

– Найти достойную замену умершему просто невозможно. Теперь о Тибете и Кашмире на какое-то время придется просто забыть!

Известно, что российское правительство взяло на себя заботу о малолетнем сыне Рафаилова. Что касается секретных писем, бывших у разведчика, то они... пропали. Спустя некоторое время одно письмо к Ранджиту Сингху неожиданно оказалось в руках... у Муркрофта. По признанию самого Муркрофта, он давно знал о разведывательной деятельности Рафаилова, собирал о нем информацию, следил за передвижением и в нужный момент выкрал (или перекупил) крайне важное для англичан письмо. Поэтому подозрение, что смерть Рафаилова не была случайной и естественной, а российский разведчик был отравлен агентами Муркрофта, имеет веские основания.

Сам Муркрофт обвинения в свой адрес возмущенно отрицал.

– Да, я знал о вредной деятельности русского шпиона, но убивать его не собирался, – говорил он с деланной печалью. – Наоборот, я намеревался встретиться с Рафаиловым и кое-что узнать у него лично и поэтому очень расстроился, узнав о его внезапной смерти.

Среди своих Уильям Муркрофт был, впрочем, куда более откровенен:

– Мы можем только радоваться неожиданной кончине русского шпиона, так как проживи он еще несколько лет, мог бы реализовать такие сценарии, от которых содрогнулись бы многие кабинеты Европы и в первую очередь английский!

– Как хорошо, что Господь на стороне англичан! – поддакнул ему один из соратников.

– Как хорошо, что Господь на стороне предусмотрительных! – загадочно улыбнулся в ответ Муркрофт...

И сегодня в искренность официальных заверений чиновника Ост-Индской компании о печали по поводу смерти Рафаилова верится слабо. Тем более что для Муркрофта со смертью Рафаилова все сложилось на редкость удачно. Во-первых, найти достойную замену умершему в Петербурге так и не смогли, а, во-вторых, теперь в руках англичанина был реальный документ о политическом интересе русских к Тибету и Кашмиру, т. е. о том, чего больше всего боялись в Калькутте и Лондоне. Впрочем, официально Петербург и Лондон относительно письма российского министра к Ранджиту Сингху промолчали. Таковы были негласные правила набравшей все большие обороты Большой Игры.

Сегодня имя Мехти Рафаилова – одного из пионеров Большой Игры – практически забыто. Кому какое дело до судьбы некого купца из кабульских евреев! А ведь именно Рафаилов был нашим первым разведчиком на Тибете и в Кашмире, став и одной из первых жертв в начинавшейся битве.

* * *

Впрочем, смерть Рафаилова не избавила Муркрофта от жуткого страха перед коварными русскими. Не имея никаких полномочий, он поспешил от имени неких «английских купцов» начать переговоры о заключении торгового договора с правителем Ладакха Цэпал Намгьялой. На вопросы членов миссии, не слишком ли он рискует, Муркрофт отвечал:

– Неужели вы не понимаете, что я одним мастерским ударом открываю для Англии все рынки Центральной Азии!

Однако в Калькутте его энтузиазма не одобрили.

– Я не верю бредням Муркрофта, которому всюду мерещатся заговоры русских. На сегодняшний день русские еще слишком далеко от Центральной Азии, не говоря уж об Индии! Поэтому следует приструнить зарвавшегося коневода, чтобы он не вспугнул Ранджита Сингха, который пока для нас слишком ценен, – заявил генерал-губернатор [Уильям Амхерст](#).

– После захвата Кашмира Ранджит Сингх ревниво считает Ладакх своей территорией, и самостоятельные переговоры Муркрофта с властителем Ладакха для нас чреваты проблемами, а может, и войной! – продолжили мысль генерал-губернатора члены совета компании.

– Боже! – схватился за голову Амхерст. – Как трудно иметь дело с инициативными идиотами, особенно если эти идиоты конюхи! Отзовите Муркрофта в Калькутту немедленно!

Но от Калькутты до Ладакха более тысячи миль. Пока послание от генерал-губернатора о запрещении каких бы то ни было сношений с правителем Ладакха достигло цели, деятельный Муркрофт уже объявил Цэпалу Намгьялу, что Англия подтверждает его независимость, и обещал... британское покровительство.

Спасая ситуацию, генерал-губернатор был вынужден срочно выслать своего представителя в Лахор, чтобы принести уничижительные извинения Ранджиту Сингху за глупый проступок Муркрофта и отозвать подписанный им договор из Ладакха.

Но было уже поздно. Узнав о происках англичан в Ладакхе, Ранджит Сингх пришел в неопишемую ярость.

А вскоре началась череда таинственных покушений на жизнь Муркрофта и двух его спутников. Вначале неизвестный стрелял вечером через окно в работавшего за столом его спутника Джорджа Требека, но немного промахнулся. Видимо, убийца по ошибке принял его за Муркрофта. Потом последовали еще два покушения на Муркрофта, причем одного из убийц он застрелил. Тогда вместо пуль в дело пошел яд. Вскоре Муркрофт и его спутники почувствовали странные боли, которые приписали лихорадке, и им стало совсем плохо. Впрочем, у Муркрофта нашлись друзья, которые принесли ему противоядие, и смерть отступила. Но от гнева начальства спасти Муркрофта уже не мог никто.

До поры до времени руководство компании терпимо относилось к затеянному коневодом бесконечным поискам новых лошадей. Однако после трех безрезультатных дорогостоящих экспедиций, а также развивающейся у Муркрофта мании русофобии, его вмешательства в отношения Ост-Индской компании с могущественным суверенным правителем терпеть выходки авантюриста уже никто не желал. В Ладакх было послано два письма. Первое с уведомлением об увольнении Муркрофта со службы компании и второе с приказом немедленно вернуться в Калькутту. Получив письма, Муркрофт оскорбился.

– Я, как никто другой, пекусь о безопасности моей страны! – кричал он в истерике. – Я пекусь о расширении нашей торговли на Туркестан и Китай, а вместо благодарности получаю черную метку! Но я не отступлю от своих планов!

Упрямый Муркрофт и не подумал возвращаться в Калькутту, где его не ждало ничего, кроме позора. И он решил действовать на свой страх и риск!

Весной 1824 года Муркрофт и его спутники, пройдя через Кашмир и Пенджаб (поставшись обойти как можно дальше к северу столицу Ранджита Сингха Лахор), переправились через Инд и добрались до Хайберского перевала. За перевалом лежал Афганистан, а дальше пустыни и таинственная Бухара...

Глава вторая

Если бы можно было окинуть взглядом в начале XIX века с высоты всю огромную Азию, то взору предстали бы тысячи и тысячи караванных троп.словно огромная кровеносная система, пронизывали они огромные просторы, питая их жизнью. Караванные пути являлись основой жизни Центральной Азии. Им было подвластно все: ханства и царства, народы и цивилизации. Порой кажется, что им было подвластно само время.

В начале XIX века главным объектом внимания участников Большой Игры стала Бухара. Эмират привлекал к себе внимание России и Англии, прежде всего, из-за удачного геостратегического расположения. Именно Бухара была главным посредником между Индией, Афганистаном и Китаем, и Российской империей. Владеющий Бухарой автоматически становился хозяином всей Центральной Азии.

В то время Бухарский эмират был самым большим и могущественным ханством в Средней Азии. В его состав, кроме долины Зеравшана, Кашка-Дарьи, входил и Мервский оазис. Также Бухаре же принадлежала значительная часть современного Афганского Туркестана, а также ряд районов нынешнего [Таджикистана](#), а также города [Ходжент](#), [Ура-Тюбе](#) и некоторые мелкие горные владения в верховьях [Зеравшана](#).

Помимо этого, Бухара являлась признанным центром всей азиатской торговли, ибо караванные пути пролегали от нее на юг и север, на запад и восток. Хива и Коканд, Самарканд и Карши, Шахрисабз, Термез и Хорезм начисто проигрывали торговую конкуренцию Бухаре.

Надо сказать, что правители Бухары традиционно вели очень разумную торговую политику. Например, это касалось торговых пошлин, которые собирали все и везде. Поэтому купцы и странствующие торговцы, приезжая в любой среднеазиатский город, вынуждены были задира́ть цены на свои товары, и это никого не удивляло. А в Бухаре, в отличие от всех других ханств и княжеств, пошлина традиционно была самая маленькая. Мудрые бухарские эмиры давно смекнули, что, уменьшая пошлину и увеличивая число торговцев, они всегда останутся с барышом. Потому и купцов в Бухаре всегда было тьма-тьмуша́я.

Самая оживленная торговля в Бухаре начиналась в январе и продолжалась до начала мая. В это время в городе работало до десятка больших караван-сараев и столько же базаров. Помимо этого, в разгар торгового сезона открывалась и большая ярмарка, на которую съезжались купцы со всего эмирата, а также из Персии и Афганистана, из Индии и Бадахшана, из России и Тибета и даже из далекой Аравии. В это время казалось, что в Бухаре торгуется, продает и покупает весь мир! По этой причине именно бухарские купцы всегда лучше всех были осведомлены в торговой конъюнктуре, чем с успехом и пользовались. Часть индийских товаров предприимчивые бухарцы сразу же везли в Кашгар, где меняли на слитки серебра, которое, в свою очередь, тоже продавали. У прикаспийских туркмен бухарцы покупали войлоки, ковры и паласы, торгуя взамен тканями. Степные казахи продавали бухарцам овечью и верблюжью шерсть, войлок, кожи и арканы. Кроме этого, казахи покупали в Бухаре местные товары для последующей их перепродажи в Оренбурге. В торговле с казаками посредническую роль играли каракалпаки, поставлявшие в Бухару скот и пушнину. Эта торговля приносила хорошую прибыль и первым, и вторым, и третьим.

Среди прочих товаров в начале XIX века взлетел в цене хлопок, который шел не только на текстиль, но и на изготовление пороха, а значит, был товаром военным и стратегически важным! Главным рынком хлопка в Азии также была Бухара.

Через Герат в Персию бухарцы вывозили овечью шерсть, сухофрукты, кошениль (для получения кармина) и другие местные товары, взамен которых приобретали кожи и мешхедский опиум. Из Кабула везли самый лучший – серый, с синеватым отливом, каракуль. Из Индии – кашмирские ткани, пряности, индиго, сахарный песок, лекарственные зелья и самоцветы

и конечно же английские товары. Кроме этого, эмират имел большое количество природных ресурсов, в частности золота, бирюзы, ляпис-лазури, а по ряду источников и других драгоценных камней. Из Бухары в Россию традиционно везли, прежде всего, шелковую и полушелковую алачу, плетеную саранжу, крашеную и белую бязь. Обратно – меха, красители и воск, ну и конечно же русское сукно.

Английская экспансия в Индии серьезно ударила по Бухаре, как и по другим торговым азиатским центрам. Если раньше индийские товары в Европу шли только через Бухару, то теперь англичане доставляли их в Европу морем. Что касается самих английских товаров, то они также вносили диссонанс в давно сложившуюся систему торговли.

В бухарских караван-сараях и на базарах по этой причине кипели нешуточные страсти. Индийские купцы предлагали, помимо всего прочего, английское сукно. Товар был действительно хорош, но и цена соответствующая. Поэтому, чтобы убрать конкурента, торговавшие нашим сукном оренбургские и астраханские купцы немедленно снижали цену. И пусть наше сукно было несколько хуже качеством, чем английское, но теперь покупатели предпочитали именно его. В далекой Калькутте только щелкали зубами от злости. Но сбивать цену на свое сукно не могли, так как тогда его продажа просто не покрывала затраты на производство и доставку. Убытки же были столь ощутимы, что чиновники Британской Ост-Индской компании готовы были двинуть в Бухару вместе с купцами свои колониальные полки.

Что касается торговли Бухары с Россией, то она всегда была нелегка и опасна из-за постоянных степных междоусобиц, во время каждой из которых враждующие стороны с особым удовольствием грабили попавшихся под руку купцов как бухарских, так и русских.

* * *

Вторая половина 30-х годов XIX века характеризовалась всплеском активности в Средней Азии как со стороны России, так и Англии. При этом обе стороны подозревали конкурента в тайных операциях и, в свою очередь, организовывали свои собственные.

Надо сказать, что каждая из сторон к этому времени выработала в тактике Большой Игры собственный почерк. Так, российская сторона неизменно легендировала свои экспедиции как научно-географические, что избавляло Петербург от упреков Европы в экспансии. К тому же географические исследования не слишком различались тогда со сбором военно-политической разведывательной информации.

Россия с самого начала подошла к освоению закаспийских степей со всей серьезностью и государственным размахом. Все организуемые экспедиции в виде посольств и поездки отдельных разведчиков, как правило, тщательно готовились. В этом деле не было места самодеятельности.

Англичане всем этим не заморачивались. Своих агентов они просто отправляли на свободную охоту, переодевая то купцами, то дервишами. Ну, а там уже как кому повезет. При этом в случае неудачи Лондон и Калькутта зачастую от своих агентов просто отрекались.

Любопытно, что в российской военной и дипломатической переписке английских агентов именовали английскими путешественниками. Рисковали английские разведчики отчаянно и гибли неоднократно. Если же «путешественники» добивались успеха, то следом за ним уже шли караваны с английскими товарами, а за караванами – полки Ост-Индской компании.

Сравнивая два подхода к тактике Большой Игры, следует признать, что Петербург действовал в этом плане гораздо основательнее, чем Лондон, хотя и более затратно. При этом наши разведчики обычно находились под надежной охраной казаков и солдат, а если появлялись в одиночку в столицах ханств, то всегда в ранге официальных послов или переговорщиков, что обеспечивало им определенную неприкосновенность.

* * *

К 30-м годам XIX века главным источником сведений о Бухаре оставались все же полу-грамотные купцы или их приказчики, а также столь же малообразованные странники, поэтому не случайно в их рассказах экономика, политическая и культурная жизнь восточных стран представлялись порой в самом фантастическом свете. В 1816 году в Петербурге вышла первая карта «земель киргиз-кайсаков, каракалпаков, трухменцов и бухарцев» с градусной сеткой, то есть с привязками географических объектов к координатам. На карте были показаны горы и реки. Данные для нее собирались по крохам торговцами, купцами и дипломатическими миссиями. Все это было, насколько возможно, проанализировано и нанесено на бумагу. Разумеется, карта была весьма неточной. Однако начало картографии Средней Азии было положено, и в этом мы обошли наших соперников по Большой Игре.

Поэтому в 1820 году одновременно с отрядом Рафаилова была организована куда более серьезная разведывательная экспедиция, причем именно туда, куда так пытался попасть английский разведчик Муркрофт, – в Бухару.

Летом 1820 года в Оренбурге царило большое оживление, несвойственное этому заштатному городу. Полным ходом шла подготовка первого официального российского посольства в Бухару.

Как мы уже говорили, на тот момент Бухарский эмират являлся самым могущественным из среднеазиатских ханств, и установление с ним дипломатических контактов было важной задачей на пути продвижения России на юго-восток. Помимо этого, посольство являлось ответом императора Александра I на неоднократные обращения бухарского хана с пожеланием установить дружественные отношения между государствами.

Возглавить дипломатическую миссию поручили 38-летнему чиновнику внешнеполитического ведомства, действительному статскому советнику Александру Негри. Статский советник (из константинопольских греков) был на хорошем счету, знал турецкий и персидский языки, считался знатоком Востока.

В качестве основной задачи Негри поручалось заверить хана Бухары Хайдара в «непременном желании» России «не только утвердить, но и распространить торговые связи» с его ханством, изыскав для этого все возможные средства.

Статс-секретарь министерства Карл Нессельроде, близоруко щуря глаза, инструктировал главу миссии:

– Ваша главная задача не только утвердить, но и распространить торговые связи между Россией и Бухарией. Для этого решите вопрос о тарифах, по которым взимаются пошлины на бухарские товары, и попытайтесь изыскать меры к доставлению прямой пользы российскому купечеству. Одновременно изучите состояние тамошней промышленности и торговли и пути улучшения нашей торговли. Не скрою, что задача не только сложная, но и опасная. В случае вашего успеха я гарантирую вам прекрасную карьеру, хотя знаю, что любой карьере вы предпочитаете изучение древностей.

– Приложу все усилия! – скромно ответил Негри.

Еще одной немаловажной задачей миссии Негри являлось освобождение многочисленных русских пленников, обращенных в рабство как в самой Бухаре, так и в союзной им Хиве.

Секретарем миссии был назначен коллежский асессор Павел Яковлев, уже известный к тому времени литератор и приятель Пушкина.

Состав дипломатической миссии и общее руководство Петербург оставил за собой. Организация же была поручена оренбургскому генерал-губернатору Петру Эссену.

Прибыв в Оренбург, Негри первым делом явился к губернатору. Генерал от инфантерии Эссен был человеком деятельным и толковым. Опытный военачальник, прошедший все Напо-

леоновские войны, он три года назад был направлен на дальнюю границу империи с заданием ее укрепления и подготовки продвижения в южные степи. Никаких недомолвок между Негри и Эссеном не возникло.

– Можете, Александр Федорович, рассчитывать на меня полностью! – сразу же заявил генерал. – Я приму все средства к обеспечению прохода вашей миссии через казахские степи.

Вскоре Негри уже имел двух толковых толмачей-переводчиков. Одновременно закупались лошади и верблюды для перевозки вещей. Помимо этого, Эссен позаботился и о казачьем конвое при двух пушках.

– У меня к вам, Александр Федорович, есть и личная просьба – договориться с бухарцами по обеспечению безопасности наших караванов в степи, уж больно много хивинских шаек там нынче рыщет. Хивинский хан побаивается Бухару как по могуществу, так и по делам веры. Может, что и получится, – попросил Негри на следующей встрече губернатор.

– Всенепременно обращаю на это внимание эмира! – заверил генерала посол.

* * *

Немаловажной была и разведывательная задача миссии, поэтому в ее состав были включены инженерные капитаны Генс и Рене, поручики Тимофеев и Вольховский, во главе с офицером Генерального штаба Мейендорфом.

Весьма удачным выбором являлся и штабс-капитан барон Егор Мейендорф по кличке «Рыжий» из остзейских немцев. Выпускник знаменитого училища колонновожатых, он прошел всю кампанию 1812 года и Заграничный поход, проявив себя талантливым картографом, получив несколько орденов и шпагу «За храбрость». Как свидетельствует его формулярный список, «Рыжий» знал русский, немецкий и французский языки, а также «часть математических наук». Интересно отметить, что в 1818 году он получил бриллиантовый перстень «за сочинение плана города Павловска». Два года назад любознательный барон поступил в Геттингенский университет и вот теперь был неожиданно отозван в экспедицию.

Большой удачей стало назначение в миссию капитана-инженера Генса (из эстляндских немцев). Генс был блестяще образован, имея за спиной Дерптский университет и Петербургский военный инженерный корпус. Карьеру начал инженером в Оренбурге, быстро обратив на себя внимание губернского начальства. При этом во время миссии, помимо инженерной деятельности, Генс проявил большую склонность к разведывательной деятельности.

Перед отъездом Мейендорфу было вручено «Наставление... касательно обозрения Киргизской степи во время следования... с посольством в Бухару». Помимо всего прочего, ему предлагалось исследовать пути от Троицка до ханства, течения рек, изучить возможность заселения обширных просторов к югу от Оренбурга. Кроме этого, Мейендорф должен был «назначить места, удобные для крепостей вдоль по дорогам от крепостей Орской и Троицкой... до реки Сырдарьи, на коей равномерно назначить место, удобное для крепости». Необходимость получения этой информации обосновывалась важностью обезопасить караванные пути в Бухарию и Хиву. Капитану Генштаба Генсу надлежало также провести астрономическое определение долгот и широт, составлять маршруты путей, на основании чего подготовить «Общую генеральную карту», а также вести журнал «путешествования в Бухару и обратно».

Забегая вперед, скажем, что впоследствии Генс станет выдающимся организатором российской разведки в Центральной Азии и очень серьезной фигурой в Большой Игре.

Что касается Вольховского, то в истории он остался только благодаря тому, что являлся однокашником Пушкина по Царскосельскому лицей. Это о нем писал поэт:

...Спартанскою душой пленяя нас,
Воспитанный суровою Минервой,

Пускай опять Вальховский сядет первый,
Последним я, иль Брогльо, иль Данзас...

Офицеры должны были производить картографическую съемку местности и составить детальное описание пути через степи в Бухару. Чтобы не привлекать к себе лишнего внимания, все они числились гражданскими чиновниками. Мейендорф, например, должен был вести подробный журнал событий, производить астрономические наблюдения, а также составить общую генеральную карту казахских степей и Бухарии.

В качестве натуралиста-минералога, который должен был составить научный обзор степных областей, в состав миссии был принят Христиан Пандер, впоследствии известный академик и палеонтолог.

Вторым натуралистом, включенным в миссию, был Эдуард Эверсманн, являвшийся одновременно доктором философии и доктором медицины. Эверсманн был выпускником Дерптского университета, талантливым врачом, пытливым ботаником и зоологом. В экспедиции он значился... купцом. В помощь последнему был назначен оренбургский гарнизонный лекарь Пономарев. Как оказалось, в дальнейшем Эверсманн проявил явную склонность к разведывательной деятельности.

Посольским священником с причетом и походной церковью был определен священник Уфимского кафедрального собора отец Петр (Ильин), а с ним пономарь.

В целом, как мы видим, подготовка к экспедиции была весьма серьезной, состав был просто блестящим. Поэтому в Петербурге от нее ожидали и соответствующих результатов.

* * *

10 октября 1820 года миссия двинулась в путь. Караван из 358 верблюдов и 400 лошадей сопровождался военным отрядом, который состоял из сотни казаков, роты солдат и всадников-башкир под командой капитана Циолковского.

Путь путешественников пролегал от Оренбурга до реки Эмбы. Затем на юго-восток к Урачаю – поселению на северном берегу Аральского моря, затем до Ялтар-Куля, стоящего у Сырдарьи, и от реки уже строго на юг, через Казулкумы до Бухары.

В дороге охотились за сайгаками, вкусное мясо которых было кстати.

Достигнув становища казахского султана Арунгазы, Негри представился ему по всей форме, чем доставил предводителю кочевников огромное удовольствие. В ответ Арунгазы сопровождал миссию до Сырдарьи, засвидетельствовав этим свою приверженность к России.

За горой Бассагой местность стала более безводной. Степной ковыль, который прежде встречался в изобилии, сразу исчез. Теперь повсюду была растрескавшаяся от летней жары голая глинистая почва, лишь кое-где покрытая корявым саксаулом. Не обошлось без падежа лошадей.

Встречные бухарские купцы, узнав, куда едут русские путешественники, только качали головами:

– Может статься, что никто из вас, христиан, не вернется домой. Если даже хивинский хан разрешит вам пройти, то уж наш эмир не совершит ошибки, дозволив отправиться обратно. Эмир не хочет, чтобы христиане знакомились с нашей страной!

В один из дней участники посольства увидели десятки валявшихся в песке трупов, над которыми кружили стервятники. То были следы уничтоженного кочевниками очередного каравана...

В четырех днях пути до Бухары посольство встретил предусмотрительно посланный эмиром отряд, доставивший свежие фрукты, хлеб и корм для их лошадей. При этом возглавлял

встречавших сам кушбеги (первый министр) Хаким-бек с почетным эскортом из нескольких сотен бухарских всадников. Проявление такого внимания обнадеживало.

Дорогой до Бухары кушбеги неожиданно начал кланяться:

– Если бы вы подарили эмиру две наши пушки, он был бы очень доволен.

Удивленный Негри почесал затылок:

– Будь моя воля, я подарил бы эмиру тысячу пушек, но пушки являются собственностью моего царя, и я не имею права их отдавать.

– Ай! Ай! Ай! – закивал кушбеги чалмой из белого кашемира и тут же принялся выклянчивать для эмира рессорную коляску главы миссии.

На это у Негри козырей не осталось, и он обещал подумать. Когда кушбеги отъехал, посол в сердцах сказал Мейендорфу:

– Кажется, они готовы обождать нас до нитки. И это при том, что у нас несколько верблюдов, нагруженных подарками для бухарского двора.

Верблюды были гружены мехами и фарфором, хрусталем и ружьями. Помимо этого, Негри вез и огромные напольные бронзовые часы с красивым боем, украшенные золотым павлином.

18 декабря отряд достиг Бухары. К удивлению участников миссии, Бухару окружала не безжизненная пустыня, а аллеи деревьев и многочисленные сады. Так как вначале посольство разместили вне города, доктор Эверсманн предпринял крайне рискованную попытку проникнуть в Бухару, чтобы, смешавшись с местными, выведать все новости. Переодевшись купцом, Эверсманн отправился на свой страх и риск в Бухару...

Через два дня состоялся торжественный въезд посланника в столицу ханства.

Из воспоминаний Мейендорфа: «Наши солдаты маршировали в величайшем порядке и были в полной форме. Звуки барабана вызвали возгласы удивления жителей. Таким образом, мы продвигались вперед среди шума и выражений общего веселья, возбужденного нашим прибытием».

Сама Бухара поразила прибывших: купола мечетей и минареты, дворцы и пруды, бесконечные махали с плоскими кровлями глинобитных домов, мраморные бани и шумные пестрые базары. По улицам шныряли грязные дервиши в плащах, с посохами и сосудами из тыкв, куда собирали подаяние. Всюду соседствовали великолепие и нищета, богатство и грязь...

Из воспоминаний Мейендорфа: «Мы испытывали тягостное чувство, заметив среди азиатского населения русских солдат, доведенных до печального состояния рабов. Большею частью это были 60-летние немощные старики; при виде своих соотечественников они не могли удержать слез и, невнятно бормоча несколько слов на родном языке, пытались броситься к нам. Чрезмерная радость оттого, что они снова увидели наших солдат, вызвала у них большое волнение. Эти трогательные душераздирающие сцены не поддаются описанию».

Местные жители сбегались посмотреть русское посольство. Столько русских они еще никогда не видели. Это вызывало не только интерес, но и страх.

* * *

Эмир Бухары Хайдар являлся четвертым правителем узбекской династии [Мангытов](#). По матери он считал себя чингизидом, а по отцу – потомком Мухаммеда. Будучи наследником, Хайдар правил в Каршах, а после смерти отца, прискакав в Бухару, был поднят на белой кошме, концы которой держали вельможи, – таков был обряд вступления в ханство у чингизидов. Затем Хайдар короновался в [Самарканде](#), взойдя на тронный камень [Кукташ](#) как потомок Мухаммеда.

Правителем Хайдар оказался разумным и жестоким. Взойдя на престол, он перво-наперво прекратил раздоры и племенные междоусобицы, усмирил старшин племен. Головы летели с плеч одна за другой... После чего стал править уже размеренно и спокойно.

Полководцем Хайдар не был. Зная это, лично воевать не любил, посылая в походы своих военачальников. Сам же увлекался богословием и слыл большим ученым в этой области. При дворцовой мечети Хайдар открыл [медресе](#), где сам и преподавал. Главной страстью эмира было возведение мечетей и открытие медресе. И тех и других он построил и открыл десятки. У хана имелся личный астролог, который получил образование в Исфагане (что считалось очень престижным). Если в молодости эмир был охоч до своего гарема, то позднее поменял его на вино. Так как правоверным пить было нельзя, эмир напивался втихую. Водку гнал для него живший при дворце армянин.

Следует сказать, что инициатором установления отношений с Россией явился именно Хайдар. В 1815 году он прислал в Петербург своего вельможу Мухаммада Юсуфа, чтобы поздравить российского императора с победой над Наполеоном.

* * *

Эмир Бухары принял Негри и сотрудников миссии на следующий день после приезда. Члены миссии въехали в ворота дворца эмира между двумя башнями. На вершинах сторожевых башен вместо стражи в гнездах сидели аисты...

Сам эмир Хайдар встретил миссию в приемном зале, сидя на расшитых золотом красных подушках.

Приблизившись к эмиру на десять шагов и произнеся речь на персидском, Негри вручил кушбегу верительную грамоту (также написанную на персидском) и сел на отведенное ему место. Кушбегу немедленно представил письмо императора хану, и тот прочитал его вслух.

Пока эмир читал, члены миссии разглядывали Хайдара. На вид ему было около пятидесяти, лицо венчала красивая борода, но красный нос и обвислые щеки выдавали любителя выпить. На эмире был черный бархатный халат, украшенный драгоценными камнями, и муслиновая чалма, увенчанная султаном из перьев цапли.

Закончив читать, Хайдар вопросительно посмотрел на Негри, мол, а что дальше? Поняв намек, Негри встал и громко хлопнул в ладоши.

После этого казаки внесли в приемную подарки российского императора. Оглядывая их, эмир от удовольствия цокал языком. Особенно понравились ему часы с павлином. После обмена дежурными любезностями Хайдар заявил:

– Непременно нужно, чтобы с той и другой стороны торговцы и караваны часто приезжали! Я готов, чтобы мои войска охраняли идущие на север караваны до Сырдарьи, а оттуда до Оренбурга их должен оберегать уже русский конвой.

– Очень любезно с вашей стороны! – склонил голову Негри.

Однако, когда Негри завел речь о необходимости обмениваться постоянными консулами (бухарским в Оренбурге и русским в Бухаре), эмир заупрямился. Иметь официального русского шпиона в столице ему явно не хотелось. Поняв, что пока этот вопрос не решаем, Негри более не настаивал.

Большое впечатление из подарков на эмира произвели две подаренные пушки. Когда, демонстрируя их возможности, наши артиллеристы произвели выстрел в глинобитную стену и та разлетелась в куски, Хайдар вначале пришел в восторг, а затем в ужас. После этого с Негри он стал еще вежливее...

В целом переговоры шли без затруднений, посланнику и членам миссии оказывалось должное уважение и внимание.

После ряда переговоров Негри удалось выкупить из плена семь русских невольников (еще восемь человек тайно пришли к нам сами) и добиться обещания эмира запретить впредь покупку похищенных российских подданных.

В Оренбург Негри доносил: «До сих пор не имею еще верного известия о числе всех русских, находящихся здесь в неволе. Иные говорят, что мужчин не более шестисот; другие сказывали, что обоего пола с детьми несравненно более. Участь их ужасна и достойна всякого сожаления. Исключая небольшое число, они ведут мучительную жизнь, страдая от жестоких владельцев своих, которые часто или убивают их палочными ударами, или просто режут горло. Небольшое число откупилось, но им не позволяют возвратиться в Россию. Другие же, несмотря на то, что прослужили уже своим мучителям более двадцати лет, до сих пор в неволе. Их содержат более по деревням, особенно со времени нашего приезда сюда».

Тем временем Мейендорф делал заметки по административному устройству Бухарского ханства, нравам и обычаям бухарцев, природно-географическому устройству, изучал торговые отношения Бухарии с другими странами, вычислял количество отправляемых грузов в пудах, каких, куда, сколько и по какой цене. Не сидели без дела и все остальные участники миссии.

Результатом посольства явилась устная договоренность о том, что бухарцы будут охранять до Сырдарьи выходящие из ханства торговые караваны, а оттуда до Сибирской линии их должны сопровождать уже русские конвои. Кроме этого, бухарский хан обещал запретить покупку похищаемых в России людей. Однако никаких официальных документов подписано не было.

На прощание визирь эмира подсластил пилюлю:

– Когда к вам поедет наш посол, то у него будет письменное подтверждение ваших договоренности с Хайдар-ханом!

На это Негри, как опытный дипломат, отреагировал в соответствии с местными традициями:

– Мой государь будет счастлив лицезреть бумагу, подписанную его величеством!

* * *

Что касается храброго Эверсманна, то его рискованная импровизация оказалась не лишней, так как членов миссии весьма ограничивали в их передвижениях по городу и всюду сопровождали соглядатаи кушбеги.

Нелегально проникнув в Бухару, доктор целые дни проводил на базарах, в чайханах и на улицах, собирая полезную информацию, а вечерами, запершись в каморке караван-сарая, писал в дневнике об увиденном.

Эверсманн выяснял, что знают купцы о торговых путях, в особенности через афганские перевалы, информацию об истоках и устьях рек, рудников и шахт, добывающих полезные ископаемые. Ненавязчиво расспрашивал о соседних государствах – какое вооружение у тамошних воинов, где стоят крепости, насколько умны их властители, каковы системы управления, безопасности и т. д. Кроме этого, Эверсманн собирал сведения и по местному фольклору и легендам, что тоже для разведки было не лишним. Собираемая информация была весьма ценная, но и опасная. За такую любознательность могли и на кол посадить.

Маскировка Эверсманна оказалась такой убедительной, что даже тайная полиция эмира, повсюду имевшая своих информаторов, за его трехмесячное пребывание в городе ничего не заподозрила.

Правда, в один из вечеров к Эверсманну в караван-сарай внезапно нагрянули двое нищих дервишей, которые с порога возопили, требуя денег:

– Разве у тебя нет Бога?

Дело в том, что для любого мусульманина такой вопрос был самым главным в жизни, и, задавая его, дервиши твердо знали, что посетитель караван-сарая обязательно ответит, что он истово верит в Аллаха, после чего кинет несколько монет. Но с Эверсманном этот трюк не прошел. На вопрос дервишей он коротко ответил:

– Бога у меня нет!

Услышав это, нищие впали в ступор. Чтобы человек вслух отказался от Бога – такого в их жизни еще не было! Пятясь, они молча покинули жилище, тихо затворив за собой дверь...

Увидев на следующий день Эверсманна на улице, они поспешили перейти на другую сторону, чтобы не встречаться с человеком, у которого нет Бога.

Однако успешная разведывательная деятельность Эверсманна внезапно оборвалась. В один из дней доктора случайно опознал купец, лечившийся у него в Оренбурге. Полиция хотела было схватить шпиона, но Хайдар этого сделать не разрешил. А вскоре друзья предупредили Эверсманна, что полиция хочет его убить, едва тот покинет пределы города. После этого доктор предпочел вернуться на территорию посольства и сменить халат купца на сюртук врача.

23 марта 1821 года русская миссия покинула Бухару. Из записок барона Мейендорфа: «...Чтобы преодолеть за два месяца пустыню, требовалось по 150 фунтов сухарей на каждого солдата и по 4 центнера овса на каждую лошадь, кроме того, крупы для отряда, двойного запаса снарядов для наших двух пушек, 15 кибиток, или войлочных палаток, 200 бочек для воды, наконец, немалое количество бочек водки. 320 верблюдов были нагружены провиантом для конвоя и 38 – багажом членов посольства и продовольствием для них... Миссия прошла 1590 верст в 72 дни, прибыла в Бухару 20 декабря, и, оставшись в сем городе до 22 марта, предприняла в Оренбург обратный путь, который и совершила в 55 дней. Военные люди будут уметь ценить скорость сего похода; они с удивлением услышат, что ни одна верховая лошадь не погибла в пути, и что из 470 человек, составлявших конвой, померло только восьмеро, несмотря на чрезвычайные тягости, претерпенные войском, а особенно пехотой».

Вначале предполагалось, что вместе с Негри и его спутниками в Россию направится ответная миссия Хайдара, но она отправилась в путь только спустя четыре года.

16 мая миссию Негри торжественно встречали в Оренбурге.

* * *

Генерал-губернатор Оренбурга Эссен еще до возвращения Негри сообщил Александру I и министру иностранных дел, что переговоры в Бухаре принесли хорошие результаты. На самом деле восторженный тон Эссена был не совсем обоснованным. Хотя эмир Бухары принял все сделанные им предложения, эти договоренности, как мы говорили, не были оформлены и закреплены документально.

Понятно, что осуществить в ограниченный срок очень серьезные переговоры с реальным результатом, а также одновременно сбор разведданных по самым разнообразным вопросам было не под силу даже опытному Александру Негри. Впрочем, никто его ни в чем и не обвинял. Миссия сама по себе уже была серьезным успехом. К тому же эмир обещал прислать в ответ и свою миссию, так что налаживание дипломатических отношений хоть и очень медленно (а кто в Азии торопится?) все же началось.

Результаты миссии Негри имели и реальные результаты. Впервые русские профессиональные разведчики проникли столь далеко в степи и пустыни Средней Азии, обследовали огромную местность и караванные маршруты. За время поездки офицеры составили подробные карты, где отображались все пути, колодцы, места стоянки разбойников, пункты таможенников, крепости и оазисы, рудники и реки, сады и сельские поля. Составленные карты пути в Бухару имели стратегическое значение, так как на многие десятилетия станут главным ориентиром для наших войск и разведчиков в Средней Азии.

Богатейшие ботанические и зоологические коллекции, собранные Пандером и Эверсманном, содержали немало ранее неизвестных видов растений и животных. Сам Негри о результате поездки говорил так:

– Если целью миссии было узнать Бухару и изъяснить бухарцам благодетельные виды российского императора, то эта цель достигнута. Что касается остального. Эмир весьма легко принимал почти все мои предложения, но я уверен, что он отнюдь не склонен проводить их в жизнь, по крайней мере, сейчас.

Надо сказать, что миссия Негри вызвала огромный интерес российской общественности и уже в 1821 году несколько периодических изданий – «Сибирский вестник», «Отечественные записки», «Исторический, статистический и географический журнал», «Вестник Европы» предоставили свои страницы для публикации сведений о посещении Бухарского ханства русскими дипломатами.

В награду за труды Александру Негри был пожалован [орден Анны 1-й степени](#) – награда, даваемая обычно только генералам.

Помимо секретных карт, участникам экспедиции было разрешено составить собственные описания путешествия в Хиву и издать их в виде книг. Уже в 1823 году в Берлине на немецком языке вышла и книга Эдуарда Эверсманна «Путешествие из Оренбурга в Бухару», дававшая представление о географии, геологии, климате, флоре и фауне зауральских степей. Три года спустя, в 1826 году в Париже вышла и книга Егора Мейендорфа, которая впервые познакомила европейцев с Бухарским ханством. В качестве приложения в нее включена «Натуральная история Бухары», основанная на материалах Пандера и Эверсманна, и карта Бухары, составленная Мейендорфом, Вольховским и Тимофеевым.

Впрочем, этим все результаты русской миссии и ограничились на два последующих десятилетия. Несмотря на то что в последующие двадцать лет бухарские посольства еще пять раз приезжали в Россию, никаких конкретных договоренностей так и не было достигнуто. На все просьбы бухарцев обеспечить «режим наибольшего благоприятствования» для бухарской торговли и обуздать разбойников-хивинцев Петербург отвечал лишь общими декларациями. Отвечали так вовсе не потому, что не хотели дружить с Бухарой (наоборот, очень даже хотели!). Увы, чтобы исполнить просьбы эмира, пока у Петербурга не было ни сил, ни средств. Время серьезного освоения Средней Азии еще не пришло.

Надо ли говорить, что этой паузой незамедлительно воспользовалась Британская Ост-Индская компания.

В 1837 году в Петербург стала поступать информация, что что англичане, «старающиеся с некоторого времени войти в ближайшие торговые связи с бухарцами, недавно опять присылали к ним своих агентов, убеждая заключить условия, по которым англичане стали бы доставлять им все нужные товары самым выгодным для бухарцев образом».

Это был очень тревожный звонок! На него надо было реагировать и чем быстрее, тем лучше. В противном случае, можно было остаться, что называется, у разбитого корыта. Что-то, а прибирать к рукам азиатских властителей англичане умели.

* * *

В 1825 году генерал-губернатор Оренбурга князь Григорий Волконский (отец декабриста Сергея Волконского) добился учреждения Оренбургской пограничной комиссии. И пусть читателя не вводит в заблуждение ее название. Комиссия вовсе не занималась мелкими приграничными конфликтами и ловлей казахов-контрабандистов. С этим успешно справлялись местные казаки. Задачи перед новым учреждением стояли куда более серьезные. Комиссия, которая являлась штатным подразделением Министерства иностранных дел, должна была заниматься

как дипломатической, так и разведывательной деятельностью в огромном регионе Среднего Востока и Центральной Азии.

На должность начальника экспедиции был назначен участник миссии Негри 38-летний Григорий Генс, получивший к тому времени полковничьи эполеты. Выбор Волконского был на редкость удачным, так как Генс был человеком во всех отношениях незаурядным. Имея опыт участия в миссии Негри, он знал, как следует поставить дело. Генс был выдающимся дипломатом и не менее выдающимся разведчиком. А в свободное время занимался архитектурой, оставив о себе добрую память в Оренбурге и в этом качестве.

Полковник (а затем и генерал-майор) Генс руководил пограничной миссией более двадцати лет, раскинув огромную разведывательную сеть в казахских степях и среднеазиатских ханствах. Все это время Генс вел дневниковые записи, занося на страницы огромных рукописных книг рассказы караван-башей из Бухары и Коканда, купцов, пришедших из Индии и Тибета, выкупленных в Хиве русских пленных, путешественников и дипломатов, вернувшихся из глубин Азии. Все эти сведения он суммировал и анализировал. К моменту смерти Генса в 1846 году его архив составил многие сотни рукописей, папок и портфелей.

Под стать начальнику комиссии были и ее сотрудники первого набора, подобранные уже лично Генсом. Так, заместителем председателя комиссии – начальником первого «стола» исполнительного отделения стал подполковник Андрей Селянский – ученый-востоковед и талантливый разведчик, слывший даже среди персов знатоком персидской поэзии и имевший определенный огромный авторитет не только среди среднеазиатских купцов, но и элиты Бухары и Коканда.

Заместителем начальника «первого стола» стал выпускник Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса поручик Салахеддин Батыршин – способный офицер, знавший, помимо родного башкирского, еще четыре восточных языка. Офицером по особым поручениям был назначен поручик Фарид Субханкулов, имевший большие личные связи не только среди киргиз-кайсаков, но и среди хивинцев, что было особо ценно. А должность старшего переводчика с арабского и фарси занял выпускник Московского Лазаревского института коллежский асессор Сергей Янин. Именно эта команда разведчиков и контрразведчиков и дала первый бой англичанам в Средней Азии.

Глава третья

Тем временем упрямый Муркрофт все не терял надежды добраться до таинственной Бухары. Для этого ему надо было преодолеть Афганистан. Провести неохраняемый и груженный ценными товарами караван через погрязшие в междоусобицах афганские княжества было весьма рискованно. Но иного пути просто не существовало.

Как бы то ни было, но Муркрофт со своими верными товарищами с невероятным трудом преодолели Хайберский перевал и добрались до берегов легендарной реки Оксус (Амударья). Муркрофт остался самым собой. Встав на берегу реки, он заявил соратникам:

– Я уже вижу, как через Оксус переходят орды бородатых казаков, чтобы скакать в нашу Индию!

Переправившись через Оксус, экспедиция через пять дней достигла города Карши, второго по величине в Бухарском ханстве. Губернатором Карши был второй сын эмира Тора Бахадар, почти ребенок с садистскими наклонностями. Впрочем, принял Бахадар Муркрофта вежливо и даже выделил охрану до Бухары.

25 февраля 1825 года Муркрофт со спутниками увидели вдалеке Бухару – частокол минаретов и куполов. Но радость англичан была недолгой. Едва они въехали в город, как их окружили толпы босоногих мальчишек, бежавших рядом и кричавших:

– Урус! Урус! Урус!

Прибывших англичан бухарцы приняли за... русских!

Известие, что за четыре года до англичан в Бухаре побывала большая русская экспедиция, доставившая эмиру письмо от российского императора и щедрые подарки, а также договорившаяся с ним о сотрудничестве, повергло англичан в уныние. Но и это не все! К ужасу Муркрофта, базары Бухары оказались буквально забиты русскими товарами!

Опасность возвращения русских с армией представлялась Муркрофту достаточно реальной, и описанию русского коварства он посвящал многие страницы своего дневника.

Эмир Хайдар, впрочем, Муркрофта принял весьма радушно, но на этом все и закончилось. Никакого продолжения от эмира не последовало, так как англичанина посчитали частным путешественником.

А вскоре Муркрофт сделал еще одно неприятное открытие – быстроногих и выносливых скакунов, о которых он столько мечтал, в Бухаре не оказалось.

Удрученный неудачами, Муркрофт решил вернуться домой до того, как перевалы в Северную Индию занесет снегом. Однако, уже переправившись через Оксус, Муркрофт решил предпринять еще одну, последнюю попытку купить вожаемых лошадей в отдаленном кишлаке, расположенном где-то в Каракумской пустыне. Кто-то ему сказал, что там разводят прекрасных скакунов. Оставив Требека и Гутри в Балхе, Муркрофт с горсткой людей отправился в путь. Больше его никто живым никогда не видел. Спустя некоторое время тело Муркрофта привезли в Балх, где и погребли как христианина за городской стеной. Более того, вскоре один за другим умерли его спутники Гутри и Требек, а вслед за ними и переводчик экспедиции. Впоследствии это стало основанием для версии, что Муркрофта и его товарищей устранили... русские агенты. На самом деле такое развитие событий сегодня представляется весьма маловероятным, так как борьба между противниками по Большой Игре к тому времени еще не достигла ожесточения, тем более в столь отдаленном районе. Да и не в русской традиции было травить конкурентов!

По наиболее правдоподобной версии, Муркрофт и его товарищи умерли от какой-то эпидемии. К тому же Муркрофт был весьма немолод по тем временам (ему было под 60) и давно жаловался на боли в сердце.

Позднее появилась легенда, что Муркрофт вообще не умер, а сфальсифицировал свою смерть. Сам же якобы отправился в далекую Лхасу, где выдавал себя за кашмирца. Там он впоследствии и умер, а после его смерти некие миссионеры нашли у покойного многочисленные карты и планы запретного города.

Сегодня Муркрофт в большом почете у англичан. В Лондоне считают его отцом исследований Гималаев. При этом английские историки не придают значения неудачам Муркрофта в поиске скакунов и провале его попытки наладить торговлю с Бухарой. Для них его заслуги состоят исключительно в сфере геополитики, прежде всего в том, что именно Муркрофт первым из английских разведчиков в Средней Азии поднял тревогу из-за приближения русских к Индии.

* * *

Как известно, итогом последней русско-персидской войны 1826–1828 годов стал Туркманчайский мирный договор, согласно которому Персия отказывалась от своих претензий на Грузию и азербайджанские ханства. А после последовавшей затем русско-турецкой войны от претензий на Грузию и свои бывшие владения на Южном Кавказе отказалась и Турция.

Это вызвало озабоченность правительства Англии, возглавляемого герцогом Веллингтоном. Ведь русские не только поочередно стремительно разгромили две главные азиатские державы, значительно усилив свое присутствие на Кавказе, но и близко подошли к тому, чтобы захватить Константинополь, ключ к господству на Ближнем Востоке и кратчайшим путем в Индию. В результате русские генералы искренне поверили в предстоящую войну с Англией, а фельдмаршал Паскевич говорил открыто:

– Начав войну с англичанами, нам вовсе не будет нужды нападать на их остров. С нас хватит и захвата Индии. После этого британский лев сам приползет на задних лапах!

Отражая опасения британского истеблишмента относительно коварных русских, полковник и памфлетист Джордж де Ласи Эванс опубликовал достаточно противоречивую книгу, озаглавленную «Замыслы России», в которой утверждал, что Петербург давно планирует напасть на Индию и прочие британские владения. Книга появилась в 1828 году и сразу стала весьма популярной. Когда же Россия разгромила Турцию, осенью 1829 года засвидетельствовать почтение императору Николаю в Петербург прибыли афганский владыка и посол Ранджита Сингха, которого англичане считали своим другом, Эванс выбросил на рынок второе свое сочинение «Осуществимость вторжения в Британскую Индию», восторженно встреченную в высших правящих кругах Англии.

Эванс старался доказать реальность русского удара по Индии.

– Я уверен, что главной целью Петербурга является не завоевание и оккупация Индии, а попытка дестабилизировать там британское правление! – говорил он своим почитателям о главной идее книги.

– Каким же образом они могут проникнуть в Индию, когда на пути неприступные горы! – задавали почитатели глупые вопросы.

– Джентльмены, вы слишком наивны! – снисходительно ухмылялся полковник. – Вы знаете, что сейчас Персия теперь в кармане у русского царя!

– Значит, русские пойдут в Индию через Персию? – оживились почитатели.

– Как бы не так! – деланно вздыхал Эверт с видом главного эксперта по русским делам. – Русские выберут другой маршрут. Ведь пойдя они через Персию, фланги и коммуникации окажутся уязвимы для атаки британских войск, которые могут высадиться в Персидском заливе. Куда более вероятно, что русские двинутся с восточного побережья Каспийского моря на Хиву. Оттуда они поднимутся по Амударье до Балха, а далее через Кабул к Хайберскому перевалу, ну и затем уже в Индию!

– Какой ужас! – пугались почитатели. – Не дай бог дожить до этих страшных времен!

И Эверт, и его многочисленные единомышленники совершенно не представляли себе всех трудностей походов по Средней Азии, необозримости безводных Каракумов, заснеженных перевалов Гиндукуша, враждебности местных племен и многих других отрицательных факторов, до которых дилетантам нет никакого дела.

* * *

Особенно сильное впечатление произвели книги Эванса на лорда – хранителя малой печати Эдварда Лоу (первого барона Элленборо), совсем недавно возглавлявшего контрольный совет по Индии. Ныне Лоу являлся ближайшим помощником герцога Веллингтона и рассчитывал в ближайшее время занять пост министра иностранных дел.

Встревоженный намерениями русских на Ближнем Востоке, Лоу нашел книгу Эванса пугающей, но убедительной и немедленно разослал ее экземпляры представителю Британской Ост-Индской компании в Тегеране Джону Киннейру и недавно ставшему губернатором Бомбея Джону Малкольму.

Выступая в парламенте, Лоу нагонял страх как на тори, так и на вигов.

– Я убежден, что нам вскоре придется сражаться с русскими на берегах Инда! – кричал он театрально с трибуны, вскидывая руки.

Парламентариев от таких слов бросало в ужас. А Лоу, набрав в легкие побольше воздуха, продолжал:

– Но я боюсь не этого! Я боюсь захвата русскими Хивы, который может остаться нам неизвестным, а ведь всего через три-четыре месяца после выхода из Хивы враг может оказаться уже в Кабуле.

По залу заседаний пронесся стон ужаса, а лорд продолжал дожимать ситуацию:

– Не пугайтесь! Я убежден, что в этой кампании мы можем победить. Но нужно одержать победу до того, как враг достигнет Инда. Если 20 тысяч русских подойдут к Инду, схватка будет тяжелая. Поэтому мы должны предъявить Петербургу ультиматум, предупреждающий, что любое новое вторжение в Персию и в закаспийские ханства будет рассматриваться как враждебный акт!

Однако все воинственные предложения Эдварда Лоу были отвергнуты его коллегами по кабинету. Министры убеждали активного лорда:

– Не имея возможности начать войну, мы не видим способа подкрепить подобный ультиматум силой.

В ответ Лоу обвинил коллег чуть ли не в измене. Началась большая склока.

Пришлось встрять даже премьер-министру Веллингтону, давнему специалисту по Индии.

Я убежден, что русскую армию, наступающую к Индии через Афганистан или через Персию, легко можно разбить задолго до того, как она достигнет Инда, – несколько остудил премьер пыл своего министра-русофоба. – Если что-то меня беспокоит со стороны русских, то это возбуждающее воздействие на местное население, которое может оказать сама весть о приближении русской «освободительной» армии. По этой причине жизненно важным является уничтожение русских как можно дальше от индийских границ.

Как бы то ни было, но Веллингтон запросил карты путей, ведущих через Афганистан в Индию. К его удивлению, существующие карты оказались весьма примитивны и неточны, да и чертились они, основываясь большей частью на слухах.

Пригласив к себе Лоу, он поручил ему заняться данной проблемой.

– Вы инициировали данный вопрос, поэтому вам и карты в руки, причем как в переносном, так и в прямом смысле! – напутствовал премьер-министр лорда.

Надо отдать должное Эдварду Лоу, к поручению Веллингтона он отнесся со всей серьезностью. Вначале из всех возможных источников он кропотливо собирал военную, политическую, топографическую и коммерческую разведывательную информацию относительно окружающих Индию стран. Лорда интересовало все – от количества судов русской Каспийской флотилии до объема русско-бухарской торговли.

Он по крупицам собирал информацию о маршрутах русских караванов, их количестве и частоте отправления. Особо интересовал Лоу боевой потенциал Хивы и Бухары, Коканда и Кашгара, в силах ли будут они противостоять нападению русских.

При этом единственным источником реальной разведывательной информации являлся английский посол в Петербурге лорд Хейтсбери. Как оказалось, Хейтсбери перекупил одного из чиновников восточного отдела русского Министерства иностранных дел, который делал ему копии сверхсекретных документов. Эти копии диппочтой переправлялись в Лондон и попадали в руки Эдварда Лоу.

В конце концов, антирусская истерия замучила и Хейтсбери. В очередном письме своему адресату посол прямо написал, что Россия с военной и экономической точки зрения ближайшие десятилетия не в состоянии предпринять поход на Индию. В ответ оскорбленный Лоу публично обозвал посла законченным русофилом.

Явившись к Веллингтону, он заявил, что больше не доверяет документам Хейтсбери.

– Кому же тогда можно доверять? – удивился премьер-министр.

– Я должен получать информацию из первых рук, через своих собственных людей в Хиве и Бухаре! Действия одиночек ушли в прошлое со смертью Муркрофта. Теперь все должно измениться.

– Где же мы найдем вам столько квалифицированных агентов? – еще больше удивился Веллингтон.

– Множество амбициозных молодых офицеров индийской армии, разбирающихся в топографии, должны отправиться в нужные нам регионы Центральной Азии. Они будут наносить на карты перевалы и пустыни, проследивать реки вплоть до их истоков, отмечать стратегически важные участки, выяснять, какие дороги пригодны для передвижения артиллерии, изучать языки и обычаи племен, а также стараться завоевать доверие и дружбу их правителей.

Глядя на вошедшего в раж Лоу, Веллингтон мысленно прикидывал, во что обойдется масштаб будущей разведывательной работы. Большая Игра разворачивалась всерьез.

* * *

Именно в то время, когда Эдвард Лоу взвалил на свои плечи тяжкую борьбу против российских козней, его личная жизнь превратилась в ад, где перепуталось все: измены, скандалы и разведка... Дело в том, что Лоу угораздило жениться на дочери английского адмирала Генри Дигби. Джейн Дигби была одной из самых неординарных женщин тогдашней Британии. Избалованная и взбалмошная красотка из невероятно богатой семьи (адмирал разбогател на призовых деньгах от захвата французских и испанских торговых судов) была весьма умна, прекрасно образованна, невероятно любвеобильна и склонна к авантюрам. Именно Джейн Дигби англичане считают родоначальницей современного гламура, немыслимого без сексуальных скандалов, оглушительных разводов и, конечно, без больших денег. Джейн было всего шестнадцать, когда ее в 1824 году выдали за перспективного молодого политика Лоу, считавшегося в свои 34 года восходящей звездой парламента.

Будучи влиятельным политиком, Эдвард имел обширные связи в дипломатических кругах. Поэтому в его доме часто бывали зарубежные дипломаты с женами. Особенно часто – австрийский посол граф Эстергази и русский посол граф Ливен. Супруги этих дипломатов и стали ближайшими подругами юной Джейн. Причем обе были значительно старше ее и не

отличались добродетельным поведением. Про графиню Эстергази в Лондоне говорили, что она меняет любовников каждую неделю. А баронесса Доротея Ливен и вовсе являлась... резидентом русской разведки в Лондоне. Будучи родной сестрой шефа российской жандармерии Бенкендорфа, баронесса регулярно поставляла в Петербург сведения государственной важности. Разумеется, мадам Ливен весьма интересовала и разведывательная деятельность мужа ее молодой подруги.

Как и всякий разведчик, баронесса должна была постоянно налаживать новые контакты, что и делала без оглядки на общественную мораль. В Лондоне в те времена ходила шутка: «В мире нет ничего такого, о чем нельзя было бы договориться, включая ночь с мадам Ливен».

Надо ли говорить, что юная Джейн быстро переняла стиль поведения старших подруг, включая отношение к супружеской верности и склонность к эпатажу. Уже через два года после свадьбы она завела любовника... собственного кузена, а вскоре родила от любовника сына. Но это было только начало. В 1828 году на балу в российском посольстве баронесса Ливен целенаправленно познакомила молодую подругу с 27-летним австрийским атташе князем Шварценбергом – аристократом, талантливым разведчиком, который, ко всему прочему, умел «лечить молодых женщин наложением рук». С австрийцем Джейн изменяла мужу уже открыто. Любовники совершенно не заботились о конспирации, и вскоре о любовных похождениях леди Элленборо говорил весь высший свет. Появился даже термин – «элленбориана» как высший уровень сексуальной распушенности. От Шварценберга Джейн родила еще двух детей. В довершение всего Джейн угораздило назначить свидание в доме, хозяйка которого являлась любовницей ее мужа. Что касается Эдварда Лоу, то он, сколько мог, закрывал глаза на похождения своей жены. Но когда все стало слишком скандально, пришлось разводиться.

Развод члена палаты лордов был далеко неординарным мероприятием, по закону дело должно было слушаться... обеими палатами парламента. Слушания были открытыми, и скандал принял общенациональный масштаб. В 1829 году вся пресса страны писала о разводе четы Элленборо, причем смачной фактуры было более чем достаточно. На страницы попадали откровения свидетелей. Слуга из гостиницы, где происходили измены, сообщал судье: «Я услышал, как они целуются, а затем услышал шум, который убедил меня, что за дверью имеет место акт сожительства». Не менее интересными были показания соседа князя с Харлей-стрит, который видел, как в окне напротив Феликс Шварценберг зашнуровывал корсет Джейн. В газетах немедленно появилась карикатура, изображающая эту сцену, с подписью: «Невинное занятие заграничных князей – шнуровка корсетов». Впрочем, сами виновники скандала в это время были уже в Париже.

Скандальный развод пришелся как раз на то время, когда Эдвард Лоу развернул свою деятельность по противодействию России в ее потенциальном продвижении к Индии. Разумеется, некоторое время Лоу было уже не до козней против Петербурга. Надо было срочно погасить скандал, избавиться от беспутной жены, а также сохранить репутацию, должность и влияние в парламенте и правительстве. И здесь сразу возникает вопрос, а не был ли весь скандал с разводом умело организован баронессой Ливен, которая лучше, чем кто-либо другой, знала о семейной жизни Лоу и вполне могла этим воспользоваться? Увы, разведка есть разведка (даже разведка первой половины XIX века!), и многие ее нюансы нам никогда не будут известны. Однако такой эффектный удар по инициатору антироссийской разведывательной деятельности со стороны баронессы вполне реален. Насколько серьезными были последствия бракоразводного процесса для Лоу, мы в точности не знаем. Формально он остался на плаву, но какие-то репутационные потери все же понес. Неизвестно нам и то, понял Лоу, кто именно нанес ему столь болезненный удар, или так и остался в счастливом неведении.

Что касается неукротимой Джейн Дигби (баронессы Элленборо), то она еще не раз потрясет Англию своими похождениями, чередуя мужей и любовников, среди которых будут короли, герцоги и албанские разбойники. Из-за нее будут сходить с ума, биться на дуэлях и стреляться.

Любопытно, что в Греции Джейн примет... православие и останется верной этой вере до конца жизни.

После многих приключений светская львица окажется в Сирии, где выйдет замуж за шейха Меджуэля-аль-Мезраба – вождя бедуинского племени мезрабов, который был на двадцать лет младше ее. Влюбленный шейх разогнал свой гарем и оставался верен Джейн до самой ее смерти.

Но Джейн занималась не только сексуальными утехами. Известно, что через британского консула в Дамаске она наладила поставки мезрабам новейших английских ружей, что резко повысило военную мощь племени в конфликтах с соседями. Взамен англичане получили политическое влияние в данном регионе. По-видимому, уроки баронессы Ливен не прошли для Джейн напрасно... Есть версия, что именно благодаря Джейн Дигби европейцы получили «Камасутру». Джейн перевела на английский язык попавшее к ней в руки индийское пособие по интиму, после чего отправила в Лондон друзьям через британского консула. Джейн Дигби умерла в Дамаске в возрасте 74 лет, после чего шейх Меджуэль от горя едва не сошел с ума.

Но это лишь внешняя сторона жизни неукротимой Джейн. Учитывая ее близость с такими китами международной разведки, как собственный муж Эдвард Лоу, графиня Эстергази и баронесса Ливен, вполне разумно предположить, что любовный флер был лишь прикрытием реальных дел любящей приключения аристократки. Появление Джейн именно в Греции, а затем в Сирии, демонстративный переход в православие дает определенные основания предположить, что она являлась далеко не последним игроком Большой Игры. И как знать, может Эдвард Лоу вовсе не являлся униженным рогоносцем, как было представлено публике, а был циничным профессионалом, задействовавшим в своих разведывательных комбинациях собственную жену...

Глава четвертая

Прошло совсем немного времени после начала работы бюро Эдварда Лоу, и в Среднюю Азию был отправлен английский кадровый разведчик самой высокой квалификации – лейтенант Артур Конолли, официально числящийся в 6-м полку легкой бенгальской кавалерии. Именно Конолли стал первым сотрудником неофициального разведывательного бюро лорда Лоу. Именно ему и было доверено начать серьезную разведывательную работу в Средней Азии. В Большую Игру вступили английские профессионалы.

Что известно о первом профессиональном британском разведчике в Средней Азии? Родом Артур Конолли был из большой семьи чиновника средней руки и в 12 лет остался круглым сиротой. Окончив школу в Регби, он добрался до Индии, где в 16 лет поступил в кавалерийский полк корнетом. Высокий и крепкий, Конолли отличался хорошим здоровьем и завидной силой. Внешне современники описывали Конолли как застенчивого и чувствительного юношу. Однако вся его дальнейшая карьера офицера продемонстрировала присущие ему стойкость, решительность и храбрость, а также любовь к приключениям и опасностям.

Еще по пути в Индию Конолли познакомился и подружился с назначенным епископом Калькутты Реджинальдом Хебером и уверовал от него в цивилизующую миссию христианства и, прежде всего, англичан, которые просто обязаны нести спасение другим людям, оказавшимся не столь счастливыми, как они сами. Британское правление Конолли искренне считал высшим благом, дарованным варварским народам. Считая себя миссионером, Конолли скрупулезно изучал местные обычаи и языки.

Отслужив несколько лет в Индии и вернувшись в отпуск в Англию, Конолли попал в цепкие руки лорда Лоу. Быстро оценив большой потенциал молодого офицера, лорд Лоу начал готовить Конолли к будущей разведывательной миссии.

К лету 1829 года подготовка была окончена. Задача, которую Эдвард Лоу поставил перед двадцатидвухлетним лейтенантом, была запредельно сложной – добраться до Хивы и произвести разведку как самой Хивы, так и русских возможностей в достижении ее пределов.

Согласно официальной легенде, Конолли, страдая морской болезнью, возвращался из отпуска в Индию по суше через Россию. Прибыв на торговом судне в Петербург, Конолли затем отправился в Москву, откуда осенью 1829 года выехал на Кавказ. Англия и Россия официально все еще оставались союзниками, хотя отношения двух держав с каждым годом становились напряженнее.

При этом возникает вопрос, поверили ли в Третьем отделении [Собственной Его Императорского Величества канцелярии](#), возглавляемой родным братом баронессы Ливен генералом от кавалерии Бенкендорфом, в достаточно наивную легенду лейтенанта Конолли? Тем более что присмотр и слежка за прибывающими в Россию иностранцами (прежде всего, за кадровыми военными!) являлось одной из главных задач данной организации. К тому же было бы просто нелепо, если бы опытная разведчица-сестра не известила своего брата о секретной миссии Конолли.

Поэтому можно с большой долей уверенности предположить, что за английским лейтенантом с первого его дня пребывания в России наблюдали и все передвижения отслеживали.

В Тифлисе английского лейтенанта тепло приняли русские офицеры, среди которых были, разумеется, и офицеры штаба кавказского наместника, уже извещенные о разведывательной миссии Конолли.

Будучи приглашенным в местное офицерское собрание и подвыпив, Конолли откровенничал:

– К сожалению, русские – это не англичане, и самый лощеный русский аристократ никогда не станет истинным джентльменом!

– Неужели у нас в России все так плохо? – придвинулся к нему майор Казумашвили, накрывший для дальнего гостя щедрый стол.

– Я признаю, что правление русских при условии, что вы останетесь в сегодняшних ваших границах, все же предпочтительнее правления мусульманских тиранов, – отвечал Конолли, макая горячий лаваш в сациви. – Ведь вы, по крайней мере, все же христиане.

– Обижаешь, генацвале! – нахмурил брови грузинский князь. – Ну а то, что среднеазиатские ханы держат у себя русских рабов? Как бы смотрел Лондон, если бы рабами были англичане?

– О, мы бы просто растерли их по пустыне! Поэтому я симпатизирую желанию Петербурга освободить своих подданных и людей других вероисповеданий от рабства.

После этих слов горячий князь, хотевший уже было вызвать англичанина на дуэль, несколько поостыл и налил еще по полному бараньему рогу вина.

Духанщик принес истекающий соком шашлык по-карски.

– Чтобы русские, грузины и англичане никогда ничего не замыслили друг против друга! – поднял свой рог Казумашвили.

– За честность и открытость! – не столь искренне поддержал его Конолли.

На следующий день Конолли покинул Тифлис, направившись в Астрабад. При этом гостеприимные русские офицеры обеспечили англичанину до персидской границы казачий конвой. С одной стороны, казаки как бы оберегали Конолли от местных абреков, с другой же – приглядывали, чтобы никуда не сбегал и лишнего не увидел. При этом, опережая Конолли, в Астрабад уже полетели соответствующие указания тамошнему резиденту русской разведки.

* * *

Проезжая по России, Конолли все же успел немного изучить русскую армию, оценить офицеров и солдат, вооружение, выучку и моральную стойкость. Общая его оценка была неутешительной – русские вполне реально могут дойти до Индии.

Особенно большое впечатление на Конолли произвело то, что русские солдаты малым числом громили огромные персидские армии, легко преодолевали Кавказские горы и в случае необходимости могли спать прямо в снегу. Как на кавалериста большое впечатление произвели и казаки, которых Конолли назвал лучшей конницей мира.

Простившись на границе с русским конвоем, Конолли направился в находящийся на южном берегу Каспийского моря Астрабад, где должен был встретиться с местным купцом Хашимом (английским резидентом). Хашим встретил соотечественника со всем персидским радушием.

Встал вопрос, под какой легендой ехать дальше в неблизкую Хиву? Вначале Конолли хотел прикинуться итальянским врачом, так как немного разбирался в медицине.

– Ну, а, если вашего умения не хватит, чтобы вылечить очередного страдальца? – задал вполне уместный вопрос Хашим.

– Скажу, что такова его судьба! – пренебрежительно пожал плечами Конолли.

– Ну а есть ли у вас лекарства или какие-то европейские медицинские инструменты, которые вы могли бы продемонстрировать сомневающимся? – не унимался английский резидент.

На это Конолли вновь пожал плечами:

– Разумеется, нет!

– Ко всему прочему, все же европейский врач посреди пустыни слишком заметная фигура. Лучше путешествовать под видом купца, причем не слишком богатого, чтобы не привлечь внимания грабителей.

На том и порешили.

Через пару дней Конолли приобрел вид заурядного персидского базарного торговца шелковыми тканями и платками. Наняв проводника, слуг и верблюдов, он отправился в Хиву.

Был ли купец Хашим связан только с английской или еще с русской разведкой, мы не знаем. Для купца такой вариант вполне был возможен, куда лучше получать деньги из двух рук, чем из одной!

Как бы то ни было, но судя по развитию дальнейших событий, российский резидент в Астрабаде был полностью информирован о делах Конолли и принял все соответствующие меры.

* * *

Английскому разведчику предстояло проделать на северо-восток по пустыне более пяти-сот миль. Согласно предварительной договоренности, по пути Конолли должен был встретиться с большим караваном, направляющимся в Хиву, и остаток пути продолжить в его составе.

Перед отъездом купец-резидент Хашим предупредил Конолли:

– На Востоке говорят: «Мне не нравятся те собаки, среди которых вы находитесь». Поэтому будьте предельно осторожны с попутчиками, которые легко продадут, перекупят и снова продадут любого, если будет выгода.

Но Конолли лишь отмахнулся.

Первые дни похода прошли без всяких происшествий. Верблюды привычно шагали вперед по зыбучим пескам Каракумов, а сам Конолли каждое утро проверял свои пистолеты. По рассказам опытных людей разбойники-туркмены обычно нападали на караванщиков именно по утрам, когда правоверные погонщики молились.

Но когда до встречи с основным караваном оставалось совсем немного, пришла беда. Однажды утром к каравану подскочили четверо всадников столь разбойничьего вида, что Конолли схватился за пистолеты. Не обращая внимания на англичанина, предводитель разбойников обратился к проводнику. Из их разговора Конолли понял, что прискакавших якобы прислали, чтобы защитить его от неких убийц. И хотя англичанин не поверил ни одному слову, пришлось сделать вид, что верит сказанному.

Через некоторое время проводник шепотом поведал Конолли, что «телохранители» присланы его убить, так как по пустыне пошел слух о некоем русском агенте на службе персидского шаха, который разведывает туркменские земли. К тому же потенциальные убийцы думали, что у Конолли много золота.

Конолли так и подмывало крикнуть разбойникам, что он не русский, а англичанин, но, думается, для головорезов не было в том никакой разницы.

Как мог Конолли заверил головорезов, что никакого золота у него нет, и продолжал настаивать, что он купец из Индии, направляющийся в Хиву, чтобы продать свои товары. Тщательно обыскав его, разбойники ничего не обнаружили, кроме бронзовой астролябии (ее, впрочем, приняли за золотую).

Как оказалось, разбойники никак не могли решить, что им делать с «индийским купцом». Спор шел о том, убить ли Конолли, а потом ограбить или ограбить и продать в рабство.

К счастью для Конолли, известие, что он захвачен в плен, уже дошло до резидента Хашима, и тот отправил своих людей на его розыски.

В конце концов, лишившись большей части имущества и почти всех денег, Конолли удалось сбежать от разбойников и вернуться в Астрабад.

Хотя английскому разведчику так и не удалось попасть в Хиву, он смог собрать много ценной информации о Каракумах и Прикаспии. Ведь именно там, по рассуждениям лорда Лоу, должен был проходить один из основных маршрутов, которым могли воспользоваться русские

агрессоры! Заодно Конолли выяснил, что русские еще не овладели восточным побережьем Каспийского моря, а также еще не достигли Хивы.

Оправившись от перенесенных испытаний, Конолли отправился в Мешхед, расположенный в трехстах милях к востоку у границ Персии с Афганистаном. Оттуда он надеялся проникнуть в Афганистан и достичь стратегически важного Герата, который со времен нелегального визита Кристи двадцать лет назад еще не видел ни один британец. Герат был важен, прежде всего, потому, что Лоу рассматривал его как идеальный отправной пункт русской армии вторжения.

Глава пятая

В сентябре 1830 года Конолли добрался до Герата. Там правил весьма свирепый Камран-шах, и англичанину следовало быть осторожным.

Разведчик провел в городе три недели, на этот раз выдавая себя за врача-хакима, тайно изучая и записывая все, что имело хоть какое-то значение. Особенно интересовали Конолли городские укрепления, а также возможности обеспечения армии продуктами из местной обширной долины. При этом Конолли проявил себя прекрасным конспиратором и не вызвал никаких подозрений у местных стражей порядка.

Затем англичанин решил посетить находящийся в трехстах милях от Герата Кандагар, преодолев кишашую разбойничьими шайками страну. Путешественника пугали, что афганские разбойники не только грабят, но и отрезают своим жертвам уши, что считалось на Востоке позором.

– Давно хотел исправить свою лопухость! – иронично отреагировал на эти страшилки Конолли и смело отправился в путь.

В пути разведчик Конолли присоединился к группе мусульманских паломников, превратившись из хакима в паломника. Расчет оказался правильным, так как к паломникам местные разбойники относились снисходительно.

Несмотря на несколько опасных ситуаций в пути, Кандагара Конолли достиг благополучно. В Кандагаре англичанин серьезно заболел. Однако его вылечил один из паломников.

Однако где-то Конолли все же допустил ошибку, и по Кандагару пошел слух, что он – английский шпион, служащий главному врагу Кандагара – Камран-шаху. Слух был смертельно опасный. Пришлось тайно убежать из города. Пристроившись на этот раз к торговцам лошадьми, Конолли добрался до Кветты – крупнейшего города провинции [Белуджистан](#), расположенного у подножия большого Боланского перевала. Кветта славилась прекрасными розами и огромными фруктовыми садами.

Но в данном случае Конолли интересовали не розы, а Боланский перевал – южный двойник перевала Хайберского, который, как и первый, мог стать удобным маршрутом для русского вторжения в Индию. Преодолев перевал, простиравшийся на 60 миль, Конолли достиг Инда. Теперь он был уже совсем рядом с территорией, подконтрольной Британской Ост-Индской компании.

14 января 1831 года Конолли вышел из пустыни к деревушке Тиббе, стоявшей на северо-западной границе между Британской Индией и Синдом – группой северных самостоятельных княжеств. Увидев патрульных сипаев индийской армии, лейтенант прослезился...

Пограничный британский офицер долго не мог взять в толк, почему заросший бородой оборванец заговорил с ним на правильном английском.

– Откуда ты знаешь английский? – спросил офицер.

– Я лейтенант 6-го полка бенгальской кавалерии Артур Конолли! – представился оборванец офицеру.

– Вы бежали из плена? – спросил тот первое, что пришло на ум.

– Наоборот, – усмехнулся оборванец. – Я еще никогда не был так свободен в своих замыслах и делах, как там за горами!

Невероятное по сложности путешествие протяженностью более четырех тысяч миль было завершено. И пусть Конолли так и не достиг Хивы, все остальные пункты своего задания он выполнил на самом высоком уровне.

Лорд Эдвард Лоу мог быть доволен своим воспитанником, нашедшим ответы на многие мучавшие его вопросы.

* * *

Надо признать, что Конолли оказался не только прирожденным разведчиком, но и прекрасным аналитиком. Помимо официального отчета лорду Лоу, он подготовил весьма любопытную книгу о своих приключениях и злоключениях в Центральной Азии, озаглавленную «Путешествие в Северную Индию сухопутным путем из Британии через Россию, Персию и Афганистан», которая была опубликована три года спустя, в 1834 году. В обширном приложении Конолли детально исследовал возможности, открывающиеся перед русскими, в случае их вторжения в Индию. Надо ли говорить, что вскоре эту книгу уже читали офицеры Генерального штаба российской армии. Кстати, книга оказалась весьма полезной не только для англичан, но и для нас.

В книге Конолли утверждал, что имеются только два пути, по которым русская армия может добраться до Индии: первый – предусматривал захват Хивы, с дальнейшим движением на Балх, затем преодоление Гиндукуша, как это проделал в свое время Александр Македонский, и занятие Кабула. Оттуда гипотетическая русская армия должна была двигаться через Джелалабад на Хайберский перевал, перейдя который взять Пешавар, после чего форсировать Инд возле Аттока. По мнению Конолли, первоначальный захват Хивы русским будет легче предпринять не с восточного побережья Каспийского моря, а с севера (со стороны Оренбурга). Хотя северный маршрут длиннее, зато большая его часть проходит по степи, которая намного лучше обеспечена водой, чем пустыня Каракумы. Помимо этого, степные кочевники будут легче подчинены, чем дикие туркмены. Кроме этого, дойдя до северного побережья Аральского моря, русские могут переправиться через него на плавсредствах непосредственно к устью реки Амударьи и затем двигаться по ней до самой Хивы. В целом захват Хивы и последующее движение в Индию представлялось Конолли весьма продолжительным и дорогостоящим мероприятием, которое должно было состоять из нескольких последовательных кампаний, на проведение которых понадобилось бы не менее трех лет.

Другим возможным маршрутом на Индию для русских мог стать Герат с последующим использованием его как плацдарма для накопления войск. Из Герата русские войска могли двигаться через Кандагар и Кветту к Боланскому перевалу. До самого Герата русские вполне могли добраться по суше через почти уже покоренную ими Персию или через Каспийское море с занятием Астрабада. Как только Герат оказался бы в руках русских или был бы захвачен союзной им Персией, армия императора Николая могла стоять там долгие годы в ожидании удобного момента для решающего удара. При этом уже одно присутствие русских несомненно возбудило бы к мятежам народы Индии. Двойного же удара (с севера от русских и с тыла от мятежников) Британская Ост-Индская компания уже бы не выдержала...

Но и это еще не все! Конолли утверждал, что если русские будут решительны, то смогут атаковать Индию сразу с двух направлений!

Казалось бы, Англия беззащитна от вторжения русских орд, но Конолли выяснил, что не все обстоит столь однозначно. Какой бы путь ни избрали русские, в обоих случаях у них будет одно главное препятствие – Афганистан – огромная природная крепость на границе азиатского и индийского миров.

В своей книге Конолли писал: «Афганцы мало что выиграли бы, если бы русские вошли в их страну, зато им было много чего опасаться... Если афганцы, как нация, решат сопротивляться захватчикам, трудности похода легко смогут стать непреодолимыми».

В этом английский лейтенант был, безусловно, прав. Но он сказал не всю правду об Афганистане, так как афганцы были противниками ЛЮБОГО вторжения в свою страну. Об этом важном моменте Конолли в своей книге промолчал. Если по причине непонимания ситуации

– это простительно. Но если из-за псевдоанглийского патриотизма, тогда Конолли просто преступник. Почему? Об этом мы узнаем немного позднее...

Одним из аргументов разведчика был тот факт, что афганцы традиционно ненавидят персов, от которых, по его мнению, будут зависеть русские. Но ведь с самими русскими афганцы еще никогда не сталкивались. С чего же им их ненавидеть заранее?

В данном случае, по мнению Конолли, у русских был только один выход – действовать старым испытанным английским методом – подкупать и ссорить между собой местную элиту, направляя одну группировку на другую. Такая политика обещала бы успех и поддержку части афганцев. Кроме этого, русские могли пообещать нищим афганцам несметные богатства Индии и привлечь их к себе в качестве вспомогательных войск.

Отсюда Конолли делал два чрезвычайно важных политических вывода. Во-первых, Афганистан в интересах англичан должен быть единым и иметь в Кабуле единого правителя. Во-вторых, этот правитель должен быть лояльным Англии и недоверчивым ко всем остальным. В качестве лучшего кандидата на такого правителя Конолли видел Камран-шаха Дуррани. «Понадобились бы чрезвычайно большие посулы, чтобы соблазнить правителя отказаться от надежного и выгодного союза с нами и вовлечь его в предприятие, которое, будучи в лучшем случае сомнительным, привело бы к его краху в случае неудачи», – писал об афганском шахе Конолли.

Конечно, русские, по мнению разведчика, попытались бы подкупить Камран-шаха, но для этого следовало лишь поднять ставки, а если бы Камран-шах заупрямился, то организовать государственный переворот. В данном случае, делая ставку на одного Камран-шаха, Конолли выдавал желаемое за действительное. Камран-шах действительно был жестоким и авторитарным правителем, но дела его обстояли не лучшим образом. Некогда могущественная империя Дуррани уже давно трещала по швам.

После смерти деда нынешнего правителя Тимур-шаха в 1793 году Афганистан распался на множество частей. После десятилетия всеобщей резни трон занял сын Тимура Махмуд-шах и его фактический соправитель, весьма влиятельный визир Фатех-хан Баракзай. В 1818 году Фатех-хан завоевал для Махмуда Герат, но попал к нему в немилость, после чего Махмуд-шах и его сын Камран зарезали Фатех-хана. Убийство влиятельного визиря спровоцировало новый виток гражданской войны, и падение империи Дуррани ускорилося. После кровопролитного конфликта Махмуд-шах был лишен всех своих владений, кроме [Герата](#). Остальные его земли были разделены между братьями Фатех-хана. После смерти Махмуд-шах Дуррани в 1829 году его гератский трон унаследовал Камран-шах. Поэтому Афганистан был уже фактически разделен на отдельные государства. В этих условиях русским не составляло труда опереться на братьев Фатех-хана и с их помощью решить вопрос с проходом через горные перевалы.

Уже знакомый нам генерал Николай Муравьев (совершивший в 1819 году разведывательную поездку в Хиву) остался очень доволен сочинением своего английского коллеги.

– Теперь мы можем вторгаться в Индию, руководствуясь этими английскими рекомендациями! Лучшего подарка для желающих захватить британские владения невозможно и придумать! Браво, лейтенант Конолли! Ты заслужил от России если не орден, то стакан водки уж точно! – провозгласил Муравьев, прочитав книгу.

* * *

Что касается лорда Лоу и его единомышленников в Калькутте, то за год отсутствия Конолли они продолжали нагнетать истерию вокруг русской опасности Индии.

За время путешествия Конолли кабинет Веллингтона ушел в отставку, и новое правительство заняло более спокойную позицию по отношению к русскому вопросу в Азии. Зато

ушедшие в оппозицию «ястребы» Веллингтона во главе с Лоу продолжали истерить относительно русской опасности для Индии.

– Я каждый день вижу один и тот же сон! – выступая, говорил лорд Лоу. – Что Турция и Персия разгромлены русскими и стали протекторатами Петербурга! Возможно ли это? Конечно, возможно! И что же будет дальше? – вопрошал слушателей Лоу. И сам же сразу отвечал на свой вопрос: – А следующей будет Индия!

– Но ведь Россия так далеко от Индии!

– Увы, Россия гораздо ближе к Индии, чем Британия, и с каждым годом она все больше и больше сокращает эту дистанцию, выводя свою армию для последнего решающего броска через Гиндукуш! Пока вперед идут купцы, но за ними, помяните мое слово, придут русские солдаты.

Впрочем, Лоу верил, что превосходство английских товаров должно остановить продвижение русских купцов.

* * *

Фактически Лоу требовал того же, за что в свое время напрасно агитировал своих начальников покойный Муркрофт. Теперь же, всего пять лет спустя, мечты бедняги Муркрофта стали официальной английской политикой.

Муркрофт мечтал увидеть, как по Инду будут доставлять британские товары к границам Центральной Азии, а там, уже караванами через горы и пустыни, можно было перебросить английскую продукцию на базары древнего Шелкового пути. Однако к страстным доводам тогда не прислушались. Однако известно, что если идея уже витает в воздухе, то ее рано или поздно, но кто-то обязательно озвучит. Так произошло и в этом случае.

На этот раз к планам покойного Муркрофта, помимо оппозиционера Лоу, обратился и новый генерал-губернатор Индии лорд Элленборо. Надо ли говорить, что теперь руководство Ост-Индской компании восприняло его идею с восторгом.

– Какой стратегический ум! – восхищались одни.

– Какой масштаб мысли! – поддакивали другие.

О Муркрофте и его записках никто даже не вспомнил.

Идея Элленборо была действительно хороша. Смущало только то, что отсутствовали надежные сведения о судоходности верховьев Инда. Поэтому логичным было вначале обследовать реку, чтобы убедиться в ее судоходности. Делать это было непросто, ведь Инд протекал по обширным территориям, не контролируемым компанией, особенно в Синде на юге и в Пенджабе на севере. Поэтому Элленборо нашел блестящее, хотя и несколько окольное решение.

Правитель Пенджаба Ранджит Сингх совсем недавно прислал английскому королю несколько великолепных кашмирских шалей. И возник вопрос, что Вильям IV мог бы послать ему в ответ? Совершенно ясно, что служившие любимой забавой стареющего магараджи женщины исключались. Следующим в списке его увлечений были лошади, и у Элленборо родилась идея – подарить Ранджиту Сингху пять лошадей. Но это должны были быть не обыкновенные лошади. Подарить следовало самых крупных лошадей, когда-либо виденных в Азии, – мощных английских тяжеловозов, дюжину кобыл и несколько жеребцов. Было решено, что они послужат эффектным и впечатляющим подарком для азиатского владыки, только недавно отправившего своего представителя в Петербург. Одновременно губернатор Бомбея Джон Малкольм приказал соорудить роскошную парадную карету, чтобы Ранджит Сингх мог запрягать в нее своих огромных лошадей и с комфортом объезжать владения во всем царственном великолепии.

Однако дело было не только в подарке. Было сочтено, что из-за размеров, непривычного климата и местности лошади да и парадная карета вряд ли смогут своим ходом одолеть 700

миль до столицы Ранджита Лахора. Кони могут просто не выжить. Поэтому их предложили доставить... по Инду на борту судна. Это давало возможность скрытно провести обследование реки и убедиться, судоходна ли она, по крайней мере, до Лахора. Для выполнения этой любопытной шпионской миссии был избран молодой толковый офицер Александр Бёрнс.

План Элленборо тайно обследовать Инд поначалу не встретил в Индии поддержки. Одним из самых строгих его критиков оказался Чарльз Меткалф, член всемогущего Высшего совета и бывший секретарь секретного и политического департамента.

– План обследования Инда под видом доставки даров Ранджиту Сингху является трюком... недостойным нашего правительства, – недовольно брюзжал он. – Англичан и так зачастую несправедливо обвиняют в двуличии, а если затею разоблачат, что весьма вероятно, это только укрепит подозрения местных правителей.

Меткалф, которому суждено было стать генерал-губернатором Канады, стремился к консолидации земель компании и укреплению их границ.

А вскоре генерал-губернатор Индии Элленборо был отправлен в отставку и Индию возглавил лорд Вильям Бентинк.

Опасаясь, как потом выяснилось, напрасно, что проект обследования Инда могут отменить, губернатор Бомбея Малкольм настаивал, чтобы капитан Бёрнс отправился как можно скорее. Тот же, будучи сам большим любителем приключений, не нуждался в напоминаниях. Не теряя времени, 21 января 1831 года он в сопровождении топографа и небольшого эскорта отплыл из Кутча с каретой и пятью лошадьми для Ранджита Сингха.

Глава шестая

Итак, на горизонте Большой Игры появилась новая фигура – капитан британской армии Александр Бёрнс – кузен всемирно известного шотландского поэта Роберта Бёрнса.

Провожая кузена в Индию, Роберт Бёрнс написал ему:

На черта вздохи – ах да ох!
Зачем считать утраты?
Мне двадцать три, и рост неплох —
Шесть футов, помнится, без трех.
Пойду-ка я в солдаты!

Своим горбом
Я нажил дом,
Хотя и небогатый.
Но что сберег, пошло не впрок...
И вот иду в солдаты.

Не имея влиятельных родственников и друзей, он мог рассчитывать исключительно на себя. Поэтому Бёрнс стремился быть лучшим из лучших. Толкового офицера заметили и перевели из 1-го Бомбейского полка легкой кавалерии в элитную индийскую политическую службу. Молодой шотландец отличался быстрым умом, склонностью к языкам и здоровым авантюризмом. Уже через несколько лет службы он выучил хинди и фарси, получив затем должность переводчика на запад Индии в Сурат. Помимо этого, Бёрнс был наделен удивительным обаянием, которое также с успехом использовал в своей работе. Отлично зарекомендовав себя в Калькутте, Бёрнс был переведен еще дальше на северо-запад в Кач, где стал помощником британского политического агента. С этого времени он вплотную занялся вопросами разведки, изучая историю и географию Северо-Западной [Индии](#) и сопредельных стран.

Бёрнсу повезло, и он попал в подчинение губернатору Бомбея генерал-майору Малкольму, уже знакомому нам как посол в Персии в 1800 году. Как и Бёрнс, Малкольм был шотландцем, и два земляка быстро нашли общий язык. Именно Малкольм и рекомендовал генерал-губернатору Бёрнса как толкового разведчика, которому можно поручить самые опасные и ответственные дела. Бёрнс не подвел куратора и в 1829 года сам предложил организовать разведывательное путешествие вверх по Инду. До этого англичане в верховьях священной реки еще никогда не были.

Новый генерал-губернатор Бентинк вскоре снова вспомнил о Бёрнсе. 30-летнего лейтенанта немедленно вызвали в Калькутту, и все завершилось. Плывя вверх по Инду и исследуя его на предмет проходимости, Бёрнс должен был достигнуть государства сикхов и установить отношения с правителем Ранджитом Сингхом.

Махараджа Ранджит являлся основателем Сикхской империи на северо-востоке Индии в Пенджабе. В младенчестве он пережил оспу и потерял левый глаз. Впрочем, ему хватало и одного! Свою первую битву Ранджит провел бок о бок с отцом в возрасте десяти лет. После смерти отца участвовал в нескольких войнах, изгнал афганцев и в возрасте двадцати лет был провозглашен махараджей Пенджаба. Империя Сингха росла и крепла с каждым годом, а ее правитель по праву заслужил прозвище «Лев Пенджаба». По этой причине Ранджита Сингха англичане откровенно побаивались и заискивали перед ним. Причины были вескими. Во-первых, Сингх жестко и твердо правил весьма обширным и богатым государством. Во-вторых, у него была большая и весьма неплохо обученная на европейский манер армия. Офицеры ком-

паниии считали ее равной по силе всем военным британским силам в Индии. Поэтому считалось, что с Сингхом лучше дружить и торговать, чем конфликтовать.

Единственной причиной беспокойства в Лондоне и Калькутте относительно Ранджита был его возраст. Правитель сикхов был уже немолод, а его смерть грозила неизбежной борьбой за власть и междоусобицей. Поэтому одной из задач Бёрнса было выяснение здоровья правителя и изучение возможных преемников.

Вскоре в Карачи построили грузовую барку с плоским дном, чтобы подняться как можно выше по реке.

Курировавший будущую экспедицию резидент компании в Дели Чарльз Меткалф (будущий генерал-губернатор Индии), человек умный и дальновидный, был с Бёрнсом предельно откровенен:

– Не скрою, реальная цель вашей экспедиции не будет ни для кого секретом и подозрительные эмиры сразу же начнут препятствовать проходу по их водам.

– Но ведь я везу лошадей для Сингха? – выразил сомнение Бёрнс. – Неужели это не доказательство наших добрых намерений!

– Тем более! – вздохнул Меткалф. – Такой груз выглядит очень странным, ибо никто до нас лошадей по речкам в Индии не возил.

Так все и вышло, весь путь по реке Бёрнс пребывал в напряжении, постоянно ожидая или открытого нападения, или провокации. Насколько раз из прибрежных кустов по судну палили из ружей. В один из дней местный правитель, прибыв на берег и встретившись с Бёрнсом, сказал ему с угрозой:

– Зло свершилось, вы увидели мою страну!

– Я везу подарки Ранджиту Сингху! – ответил Бёрнс. – И если вы нас не пропустите, он будет недоволен!

Связываться с могущественным Сингхом князек не решался, и барку пропустили дальше.

Чтобы меньше привлекать к себе внимания, Бёрнс плыл теперь только по ночам. Днем же предпочитал останавливаться в укромных местах. Увы, не выдержав испытаний, несколько лошадей издохли, и теперь оставшихся берегли как зеницу ока. Не приедешь же к махарадже Ранджиту с одними уздечками!

Спустя пять месяцев после отплытия из Карачи Бёрнс наконец-то добрался до столицы Сингха – Лахора. К этому времени в живых осталось всего пять лошадей.

Помимо составления карты реки, на всем протяжении пути Бёрнс скрытно промерял глубины, убедившись, что Инд судоходен, по крайней мере, до Лахора.

Теперь, в случае согласия Сингха британские товары можно было без проблем доставлять за семьсот миль вверх по реке, а затем уже по суше везти в Афганистан, а дальше через Амударью на рынки Средней Азии.

* * *

В Лахоре Бёрнса ждал радушный прием. Дело в том, что отделенный от Британской Индии несколькими княжествами Лахор чувствовал себя в безопасности от английской экспансии. Вид огромных грузовых лошадей вызвал в нем настоящую сенсацию.

Огромные размеры, толстые ноги и подковы, весившие в четыре раза больше обычных, вызвали неподдельное восхищение местных обывателей. Тяжеловозов лахорцы немедленно окрестили «маленькими слонами».

Не меньшее восхищение придворных вызвала и обитая синим бархатом карета, запряженная этими «маленькими слонами».

Англичане въехали в Лахор через дворцовые ворота. Вдоль улиц были выстроены кавалерия, артиллерия и пехота. Народ заполнял балконы домов. При этом все молчали... Бёрнс и его спутников провели через дворцовый двор к входу в тронный зал. Впоследствии Бёрнс вспоминал: «Когда я нагнулся, чтобы снять башмаки, я неожиданно почувствовал, что меня обнимают чьи-то руки, и оказался в объятиях маленького пожилого человека». Этим старичком оказался не кто иной, как могущественный махараджа Ранджит Сингх, который сам вышел навстречу, чтобы приветствовать гостей. По восточным меркам (да и не только восточным) это было выражение высочайшего почтения.

Затем Ранджит взял Бёрнса за руку, ввел в тронный зал и усадил в особое серебряное кресло, стоявшее перед тронном.

Внешне Ранджит Сингх не производил никакого впечатления. Маленького роста, болезненно худой, с согнутой спиной и иссохшими ногами, с лицом, обезображенным оспой, и одноглазый, он производил впечатление эдакого «дедушки-одуванчика». Но первое впечатление было ошибочным. Несмотря на малый рост и отталкивающую внешность, Ранджит Сингх пользовался непререкаемым авторитетом среди подданных. От одного его взгляда дрожали самые смелые военачальники.

Почему Ранджит Сингх столь добросердечно (если даже не сказать подобострастно!) встретил английскую делегацию? Причины, разумеется, не в его личной любви к англичанам. Будучи опытным и умным политиком, Ранджит помнил, как произошло уничтожение многих некогда могущественных индийских княжеств. До поры до времени от англичан его отделяли большие расстояния и другие государства. Но настал момент, когда между его империей и Британской Индией остались лишь слабые княжества Синда. И теперь предстояло выбирать, что лучше – готовиться к войне с алчными иноземцами или попытаться решить дело миром. Ранджит Сингх хотел второго, надеясь, что ему удастся обмануть англичан и сохранить империю. Забегая вперед, скажем, что мудрый Ранджит оказался все же наивен по сравнению с руководством британской компании. Придет время, и империя сикхов постигнет та же печальная участь, что и все остальные индийские независимые княжества и царства. Пока же англичане только начинали присматриваться к новым землям. Время уничтожения сикхов просто еще не пришло...

...После обмена заверениями в любви и дружбе Бёрнс передал Ранджиту запечатанное в конверт из золотой ткани письмо от английского короля Вильяма IV. Ранджит выразил желание, чтобы ему прочли письмо вслух. В письме король не поскупился на комплименты и заверения в личной дружбе. Махараджа остался доволен и приказал в честь такого хорошего приветствия дать двадцать один залп из шестидесяти пушек.

– Пусть о моем удовольствии узнают все! – заявил он.

Когда канонада отгремела, Ранджит в сопровождении Бёрнса отправился осматривать парадную карету и запряженных в нее тяжеловозов. И карета, и тяжеловозы произвели на махараджу должное впечатление.

На следующий день для Бёрнса и его спутников был устроен военный парад. Мимо англичан промаршировали пять пехотных полков. Солдаты махараджи были одеты в белую форму, перекрещенную черными ремнями. На плече он несли старые фитильные ружья местной выделки. Бёрнс, разумеется, похвалил выправку нестройно протопавших мимо солдат. Затем Ранджит начал долгие расспросы Бёрнса об устройстве английской армии, ее особенностях. Особенно его почему-то интересовал вопрос отражения артиллерией пехотных и кавалерийских атак.

В Лахоре Бёрнс провел почти два месяца. Все это время он провел в созерцании военных парадов и танцовщиц. Весь «танцевальный ансамбль» Ранджита был почему-то одет мальчишками. Из этого Бёрнс сделал вывод, что старый махараджа равнодушен как к тем, так и к другим. Бёрнс тоже любил танцовщиц. Но в данном случае Ранджит оказался не столь любе-

зен. Каждый раз после танца красавиц сразу куда-то увозили на слонах, и Бёрнсу приходилось только вздыхать об упущенных возможностях...

Конечно, нашлось время и для обсуждения политических и торговых вопросов.

Как оказалось, Ранджит, помимо девушек и мальчиков, любил виноградную водку, которую пил по ночам в невероятных количествах. В Бёрнсе он заполучил достойного собутыльника. При этом, по воспоминаниям англичанина, легко его перепивал.

Это вызывало озабоченность Бёрнса. Еще бы, найти столь могущественного союзника и видеть, как тот уничтожает остатки своего старческого здоровья алкоголем. Но Бёрнс ошибался! Ранджит Сингх оказался настолько крепким стариканом, что в режиме еженощных попок протянет еще долгих восемь лет.

В августе 1831 года, получив все заверения в союзнической верности и торговых преференциях, Бёрнс и его спутники направились обратно в Индию.

* * *

В приграничном селении Ладхиана Бёрнс случайно встретился с человеком, который впоследствии окажет большое влияние на его судьбу. Это был афганский правитель в изгнании Шуджи-шах, не потерявший надежды на возвращение утраченного трона и свержение узурпатора Дост Мохаммада. Именно поэтому Шуджи-шах и проживал в британском приграничье, выжидая подходящего момента для предъявления своих прав.

Надо сказать, что потенциальный властитель Афганистана на Бёрнса никакого впечатления не произвел. В своих записках англичанин описывает Шуджи-шаха как человека меланхолического вида, склонного к полноте, достаточно ленивого и не очень умного, чтобы объединить непокорные афганские племена.

Неделю спустя Бёрнс прибыл в Шимлу, город в Северной Индии, имевший особое значение для англичан. Вначале привлеченные привычным европейцам климатом, горным воздухом и лесами в Шимлу начали приезжать в отпуска английские офицеры. Затем город как курорт привлек и руководство компании. А через несколько лет в Шимлу на жаркое летнее время уже официально перебиралась администрация Ост-Индской компании во главе с генерал-губернатором.

Там Бёрнс и доложил результаты своей миссии генерал-губернатору лорду Вильяму Бентинку.

– ... Таким образом, я доказал, что Инд судоходен для плоскодонных судов, как торговых, так и военных, на север вплоть до Лахора! – закончил он свой доклад о первой части поездки.

Бентинк результатом поездки Бёрнса остался доволен и тут же вызвал полковника Генри Поттинджера (героя разведывательной экспедиции 1809 года из Белуджистана в персидский [Исфахан](#)), приказав:

– Разработать план организации судоходства по Инду, чтобы английские товары могли реально конкурировать с русскими в Туркестане и по всей Центральной Азии, а также начать переговоры с эмирами Синда относительно провоза товаров по их территории.

– Ну, а что с Ранджитом? – перешел ко второй части задания Бентинк.

– С Ранджитом Сингхом никаких проблем не будет, – четко доложил Бёрнс. – Помимо того что он дружелюбно настроен по отношению к нам, махараджа хочет извлекать выгоду из нашей транзитной торговли.

Результатами поездки Бёрнса генерал-губернатор остался очень доволен.

– Я восхищен вашим усердием, старанием и сообразительностью, с которыми вы выполнили свою деликатную задачу! – заявил он разведчику в конце аудиенции. – Надеюсь, что теперь вы находитесь на пути к вершине вашей карьеры, которая, по моему мнению, будет самой блестящей.

Казалось бы, после своего успеха Бёрнс мог рассчитывать на достойное место в колониальной администрации, но мечты и планы у него были совсем иные. Бёрнс был уже навсегда отравлен Большой Игрой и другой жизни себе не представлял.

* * *

А поэтому никого не удивило, когда буквально спустя несколько месяцев Бёрнс выдвинул идею еще одной экспедиции. На этот раз Бёрнс предполагал разведать еще не нанесенные на карту пути в Индию к северу от тех, что годом ранее изучал Артур Конолли. При этом Бёрнс хотел по пути завернуть в Кабул, чтобы лично познакомиться с Дост Мохаммадом – главным врагом Ранджита Сингха, а заодно одновременно оценить его армию и укрепления столицы. Из Кабула Бёрнс планировал пройти через перевалы Гиндукуша, а потом, форсировав Амударью, добраться до Бухары. Изучив ситуацию в Бухаре, разведчик надеялся вернуться в Индию через Каспийское море и Персию.

– Если мне удастся хотя бы половина из намеченного, я добуду столько военной и политической информации, что она будет гарантировать нам безопасность от русских! – агитировал он за свою идею влиятельных чиновников компании.

Те кивали, но чесали затылки:

– Уж очень все грандиозно. Может, лучше спуститься с небес на землю и наметить себе более реальные задачи?

– Меньшее мне уже неинтересно! – парировал упрямый Бёрнс.

Недоброжелатели шептались и даже заключали пари:

– Этот шотландский выскочка запредельно честолюбив! Никому еще не удавалось посетить Кабул и Бухару за одну поездку. Ставим один против десяти, что этого не сможет и Бёрнс!

Некоторое время затея не находила понимания. В какой-то момент Бёрнс даже сник, думая, что ничего у него не выйдет. Но в декабре 1831 года генерал-губернатор лорд Бентинк вызвал его к себе:

– Дорогой Александр, твоя идея одобрена, деньги выделены, и ты можешь снова отправляться в путь.

– Насколько я могу быть самостоятелен в принятии решений? – на всякий случай осведомился Бёрнс.

– Насколько пожелаешь. Мы в тебя верим! – было ему ответом. – Готовь подробный план операции и денежную смету.

Как оказалось, положительное решение об экспедиции имело под собой серьезную политическую подоплеку.

Сменившее консервативный кабинет Веллингтона правительство либералов Чарльза Грея начало, как и их предшественники, испытывать проблемы с ростом влияния России. Император Николай I вел себя как глава великой державы, и это очень не нравилось в Лондоне. Поэтому с трибун в очередной раз заговорили о русской опасности, о том, что необходимо как можно быстрее договариваться с азиатскими властителями и остановить русских на пороге пустыни. Проект Бёрнса пришелся как раз кстати. Зачем выдумывать что-то новое, когда все уже придумано! Да и сам Бёрнс вполне профессиональный, толковый и, главное, удачливый разведчик. Ему и карты в руки!

В те дни Бёрнс писал в шотландский городок Монтроз сестре: «Правительство Англии напугано намерениями России и хотело бы отправить какого-нибудь умного офицера для сбора информации в странах, граничащих с Оксусом и Каспийским морем... и я, ничего об этом не зная, выступил и добровольно предложил именно то, чего они хотели».

Надо ли говорить, что Бёрнс с энтузиазмом принялся за разработку плана экспедиции. Одновременно подыскал себе и спутников врача бенгальской армии Джеймса Джерарда,

любившего приключения и уже бывавшего в Гималаях. Вторым был индус-кашмирец Мохан Лал, говоривший на нескольких восточных языках. Еще один индус, Мохаммед Али, был опытным топографом компании и уже прежде сопровождал Бёрнса в поездке по Инду. Кроме них, Бёрнс взял личного слугу. Джентльмен всегда остается джентльменом, и поэтому кто-то должен его обслуживать...

* * *

17 марта 1832 года Бёрнс с товарищами достиг пенджабского города Аттока, где переправился через Инд. Атток принадлежал Ранджиту Сингху, поэтому местные власти приняли англичан весьма радушно. Но далее границы империи сикхов кончались, и впереди был таивший опасности Афганистан.

Бёрнс как опытный азиатский путешественник приказал всем избавиться от лишних вещей, обрить головы, водрузить на них тюрбаны и переодеться в афганские халаты. На пояса все повесили кривые сабли.

– Мы не будем выдавать себя за местных жителей, так как, несмотря на наши одежды, нам никто не поверит! – объявил Бёрнс своим спутникам. – Легенда такая – мы англичане, которые возвращаются в Европу сухопутным путем. Это хуже, чем если бы мы были азиатами, но лучше, если бы нас потом раскрыли как шпионов.

Забегая вперед, отметим, что расчет Бёрнса оказался верным.

Небольшой запас золотых монет путешественники спрятали в одеждах, а паспорта и рекомендательные письма в амулеты. Идти Хайберским перевалом такой маленькой группе было равносильно самоубийству. Поэтому избрали путь по горным тропам. Это было намного труднее и дольше, но зато несколько безопаснее. Миновав Джелалабад, Бёрнс направился караванным путем на запад к Кабулу. Горную дорогу окружали покрытые снегом вершины Гиндукуша. Ночевали где придется, один раз даже в деревенской мечети. Перед Кабулом путешественников обыскала стража, но ничего не нашла. А повертев в руках секстан, их вообще приняли за... волшебников.

Весенний Кабул всегда был красив. Аскетичность глинобитных домов компенсировалась многочисленными садами с фруктовыми деревьями. Чего там только не было: персики и сливы, абрикосы и груши, яблоки и айва, вишни и грецкие орехи, тутовые ягоды, гранаты и виноград... В садах неумолчно пели соловьи...

Уже на следующий день Бёрнс попросил передать Дост Мохаммаду о своем прибытии и письма для него. Через несколько дней Бёрнс был приглашен в крепость Бала-Хиссар, внутри которой располагался дворец властителя.

К удивлению Бёрнса, Дост Мохаммад оказался внешне весьма простым человеком. Англичанина он принял, сидя на ковре в келье аскета, лишенной даже намеков на мебель. Но это впечатление было обманчиво. Дост Мохаммад был признанным мастером интриг, предательства и тайных убийств. Именно эти качества позволили ему уничтожить своих братьев-конкурентов, а затем изгнать из Кабула бывшего шаха Шуджи-шаха (того самого, которого Бёрнс встретил во время прошлой своей поездки в приграничном Ладхиане).

Не зная грамоты, Дост Мохаммад тем не менее властно и твердо держал в руках подвластные земли. Впрочем, эмир контролировал далеко не весь Афганистан, а только его центральную и восточную части. В западной части страны властвовал Камран-шах, на которого, как мы помним, сделал ставку лейтенант Конолли, считавший жизненно важным удержать принадлежащий Камран-шаху Герат от захвата персами.

Выслушав приветствие Бёрнса, Дост Мохаммад пригласил его сесть напротив себя.

– Я никогда не был знаком с англичанами, но слышал, что другие хорошо отзывались о вашей нации! Поэтому расскажите мне о своей стране.

Последующие пару часов Бёрнс отвечал на вопросы афганского правителя, которого интересовало все – от состояния армии до системы налогообложения. Нехорошо прошелся Дост Мохаммад и в адрес своего соседа и конкурента Ранджита Сингха:

– Если захотите свергнуть этого негодяя с трона, моя армия всегда придет вам на помощь!

Ситуация была щекотливой, и Бёрнс ушел от прямых ответов.

Обольщаться союзническим порывом афганского властителя было опасно, так как всего семьдесят пять лет назад афганцы мечом и огнем прошли половину Индии, разграбив все, что только было можно. Вообще же Англии был нужен мощный антирусский щит из дружественных правителей Афганистана и империи сикхов, который бы надежно прикрыл подступы к Индии.

– Мы глубоко ценим ваше отношение к нам. Но пока мое правительство заключило с Ранджитом долгосрочный договор, и мы не можем позволить себе плохих отношений со столь могущественным соседом.

Ответ Бёрнса Дост Мохаммаду явно не понравился.

– Неужели вы предпочтете союз с мерзавцем Ранджитом союзу со мной?

Пришлось выкручиваться.

– Что касается меня, – заявил Бёрнс, – то я считаю, что Англия должна поддержать именно вас, так как вы единственный человек, способный объединить ваш воинственный народ.

После этого разговор снова вернулся в мирное русло.

Решив интересующие его вопросы в Кабуле, Бёрнс со своими попутчиками двинулся на север в сторону перевалов Гиндукуша, за которыми лежал путь на Бухару.

Глава седьмая

Как только Бёрнс покинул владения Дост Мохаммада, начался самый опасный участок его путешествия до Балха. Но Бёрнсу и его спутникам опять повезло, и никаких разбойников по пути они не встретили. В окрестностях Балха Бёрнс не без труда нашел могилы Муркрофта и его сотоварищей, отдав им последний поклон.

Затем англичане благополучно добрались до Амударьи. Там в течение нескольких дней Бёрнс занимался обследованием реки. Ему было важно узнать, смогут ли русские использовать Амударью как транспортную систему от Аральского моря до Балха. Выводы были неутешительными – смогут!

После этого последовал тяжелый десятидневный переход через пустыню до Бухары. Чтобы снизить риски нападения, англичане присоединились к большому и хорошо вооруженному каравану. На подъезде к Бухаре Бёрнс послал вперед своего спутника индуса с письмом к кушбеги (первому министру), в котором просил дать ему возможность увидеть «неземные красоты священного города». При этом в письме Бёрнс даже переборщил с эпитетами в адрес кушбеги, именуя его то «башней ислама», то «драгоценным камнем веры». Но это сработало, и индус вскоре вернулся, доложив, что кушбеги приглашает Бёрнса посетить легендарную Бухару.

– Подумать только, что еще шесть месяцев назад мы были в Дели, а теперь уже въезжаем в загадочную Бухару! – сказал Бёрнсу врач Джеймс Джерард, когда они проехали городские ворота.

Не успели англичане расположиться в караван-сараях, как Бёрнсу передали, что его ждет кушбеги. Соблюдая заведенные в Бухаре правила (не мусульманам категорически запрещалось ездить верхом!), он отправился во дворец пешком в азиатском платье. Кушбеги Султан-ходжа – тщедушный старичок с маленькими глазками и длинной седой бородой сразу же начал расспрашивать Бёрнса о том, что привело его в Бухару, офицер ли он. На все вопросы Бёрнс отвечал по возможности честно. Особенно интересовали кушбеги религиозные взгляды англичанина.

– Веришь ли ты в единого Бога? – первым делом спросил любознательный старикашка.

– Да! – коротко ответил Бёрнс.

– Поклоняешься ли идолам?

– Нет!

– Ешь ли свинину?

Вопрос был опасный, с подвохом.

– Некоторые у нас ее едят, – признал Бёрнс, – но только бедняки!

– Обнажи свою грудь?

Бёрнс обнажил. Не увидев на груди креста, кушбеги заулыбался:

– Вы – люди Библии. Вы лучше русских, которые всегда носят свои кресты! – закивал головой Султан-ходжа.

После визита к кушбеги Бёрнс зашел на рабовладельческий рынок. В своих записках он признался, что испытал там тягостные чувства.

В одну из ночей английский разведчик встретился и с одним из русских рабов. Бёрнс его накормил и как мог подбодрил. Более было уже не в его силах. Что касается русского, то он, как вспоминал позднее Бёрнс, поразил его своей любовью к Родине и преданностью христианской вере.

– При одной мысли о России у меня щемит сердце, – сказал ему русский раб, уходя. – Только бы в последний раз ее увидеть, можно и спокойно помереть!

Несмотря на то что кушбеги весьма радушно общался с Бёрнсом, к эмиру он его так и не допустил, сколько тот ни упрашивал. После месячного пребывания в Бухаре Бёрнс начал готовиться к поездке в Хиву, чтобы уже оттуда добраться до Персии. Но кушбеги отговорил его от этого рискованного мероприятия:

– Живя в священной Бухаре, ты мог убедиться в культуре и доброте нашего эмира и его подданных. В Хиве же живут сущие звери, которые режут людей, как баранов! Хочешь расстаться с жизнью – поезжай туда!

Прикинув, что к чему, Бёрнс решил не испытывать судьбу и отказаться от посещения столь опасного разбойничьего гнезда, а отправиться в Персию через Мерв и Астрабад.

Перед отъездом ушлый англичанин сумел получить от кушбеги фирман с личной печатью эмира, гарантировавший неприкосновенность.

На прощание Султан-ходжа попросил:

– Когда приедешь в свою страну, то молись за меня, так как я человек уже старый. И еще! Если ты, англичанин, когда-нибудь еще раз вернешься в Бухару, привези мне пару английских очков, так как последнее время я стал слаб глазами!

Бёрнс конечно же обещал.

Проделав путь до Персии, в январе 1833 года Бёрнс и его спутники вернулись из Персидского залива морем в Бомбей. К сожалению, верный спутник Бёрнса доктор Джерард к этому времени был уже неизлечимо болен...

* * *

Встретивший Бёрнса в Калькутте генерал-губернатор показался разведчику встревоженным. Ознакомившись с отчетом, лорд Бентинк отложил бумаги в сторону:

– А теперь о главном. Пока ты прохлаждался в горах и пустынях, у нас задули серьезные политические ветры, – сказал он. – Поэтому, милый Александр, немедленно отправляйся в Англию. Кабинет министров и сам король желают лично выслушать от тебя о положении дел в Центральной Азии и, самое главное, о реальности русской угрозы для Индии. В Бомбее тебя уже ждет почтовый пакетбот!

От Бомбея до Лондона путь не близкий, но деятельный Бёрнс не терял времени и за время плаванья написал трехтомное сочинение о своем путешествии!

Оказанный Бёрнсу в Лондоне прием был совершенно немыслим для молодого лейтенанта. К шквалу обрушившейся на него славы юный офицер оказался просто не готов. От всего происходящего у него просто шла кругом голова... Бёрнс выступал в парламенте и в правительстве, его заслушивали в бесконечных комитетах, а журналисты наперебой заманивали в свои редакции на интервью. Но кульминацией стала частная аудиенция у короля. Вильгельм, как и все другие, хотел лично услышать рассказ путешественника. Услышанным король остался доволен и в конце встречи объявил Бёрнса капитаном.

За несколько дней Александр Бёрнс неожиданно стал национальным героем. А круговорот вокруг него все не прекращался. Через день Королевское географическое общество единодушно проголосовало за вручение ему своей золотой медали. Затем Бёрнса пригласили войти в редколлегию «Атенеума» – сверхэлитного журнала, объединявшего сливки бизнеса, науки и литературы, причем без обязательной в таких случаях процедуры выборов. Бёрнса буквально рвали на куски хозяйки светских салонов и потенциальные тещи, объединившись в погоне за знаменитым и перспективным женихом. Отныне в высшем свете Бёрнса именовали не иначе, как «Бёрнс Бухарский», что считалось весьма почетным и звучало почти как титул...

Ведущий издатель Англии Джон Мюррей, подсутившись, получил эксклюзивное право на издание трехтомных записок его путешествий. Книга Бёрнса «Путешествие в Бухару» вышла в столь короткие сроки, что опередила на несколько месяцев намногу раньше сданную

в редакцию книгу Артура Конолли и посмертную книгу Муркрофта, опубликованную вообще семь лет спустя.

Можно утверждать, что именно трехтомник Бёрнса познакомил английскую общественность с загадочными и сказочными ханствами Центральной Азии. Уже в первый день была распродана почти тысяча экземпляров. Для того времени факт просто невероятный!

* * *

Для выступления перед правительством Бёрнс подготовил секретный доклад. В нем Бёрнс утверждал, что переход Кабула в руки русских столь же опасен, как и захват ими Герата. Говорил, что русские могут попасть в Кабул из Балха всего за месяц, что перевалы Гиндукуша не представят серьезных трудностей для русской армии, что разрозненные племена афганцев не смогут противостоять русской мощи и отстоять Кабул. Вывод Бёрнса был категоричен и страшен – если русские захватят Кабул, у них уже не будет серьезных преград для вторжения в Индию...

Премьер-министр Чарльз Грей из вигов был известен любовными похождениями, заботой о неграх и собаках, а также пристрастием к чаю с бергамотом, который впоследствии даже называли в его честь. В политике Грей был более сдержан, чем его предшественник Веллингтон, но и его русская угроза волновала. Выслушав доклад Бёрнса, премьер-министр заинтересовался:

– Но смогут ли русские захватить Балх?

– Что касается захвата Балха, то он расположен в полусотне миль южнее Амударьи, на берегу ее притока реки Балх. Для русских Балх легко достижим. Они могут перевезти туда свои войска по рекам на баржах, буксируемых лошадьми. К сожалению, и Амударья, и Балх судоходны.

– Но ведь русским до Амударьи надо будет еще пройти каспийские степи и пустыни, а также свободолюбивых ханов, смогут ли они это сделать? – задал вопрос граф Рипон, министр войн и колонии, а по совместительству лорд секретной печати.

– Я уверен, что русские начнут свой поход из Оренбурга, а не с восточного побережья Каспийского моря, поэтому у них не будет нужды захватывать Хиву. Бухару они тоже могут оставить в стороне, если удастся склонить к союзу их правителей. При этом оба оазиса могут стать ценными источниками продовольствия и прекрасными тыловыми базами.

– Что мы можем реально предпринять, чтобы этого не случилось? – был логичный вопрос откровенного русофоба, министра иностранных дел Пальмерстона.

– Для этого в притязаниях на трон объединенного Афганистана мы должны поддерживать Дост Мохаммада, а не Камран-шаха, как советует вам лейтенант Конолли. Именно Дост Мохаммад не пустит русских в Балх!

– Но бывший посол в Персии Джон Киннейр, генерал Джордж де Ласи Эванс говорят, что русские никогда не одолеют непроходимые пустыни! – скептически поджал губы Пальмерстон.

– В отличие от Киннейра и Ласи Эванса, я знаю, о чем говорю, так как прошел от Кабула до Балха, а затем до Бухары своими ногами!

Вздыхнув, Пальмерстон больше вопросов не задавал. Зато снова оживился премьер-министр:

– Как же нам добиться верности от Дост Мохаммада?

На это Бёрнс вытащил из папки несколько листов исписанной бумаги, протянул их лорду Грею:

– Очень просто. Для начала надо учредить в Кабуле постоянную миссию, а меня назначить ее руководителем.

– Что вы конкретно планируете там предпринять? – подал слово и генеральный казначей лорд Рассел.

– Помимо поддержания дружеских связей с Дост Мохаммадом и наблюдения за передвижениями русских к югу от Амударьи, я постараюсь обеспечить господство наших товаров на рынках Афганистана и Туркестана. Если Ост-Индская компания сможет использовать преимущества маршрута по Инду, судоходность которого я уже доказал, то английские товары, будучи дешевле и лучше русских, вытеснят последние.

В целом члены правительства остались довольны докладом Бёрнса, но его предложение о создании торговой миссии в Кабуле было отвергнуто. Министры опасались, что она, может быстро превратиться в политическое агентство, что вызовет ответную реакцию русских.

Однако вновь назначенный вместо Бентинка генерал-губернатор Индии лорд Окленд (Джордж Иден) полагал иначе и добился от вновь вернувшегося в кресло премьер-министра после определенной политической чехарды лорда Веллингтона разрешение на учреждение кабульской миссии.

Что касается спутника Бёрнса доктора Джерарда, то он не смог насладиться столь шумным успехом. Его здоровье было подорвано болезнью, которая обрушилась на него и спутников во время последнего перехода до Бухары, и через два года он скончался.

26 ноября 1836 года Бёрнс снова отправился из Калькутты в Кабул.

* * *

Разумеется, что посещение Бёрнсом Бухары и весь последующий ажиотаж вокруг него в Лондоне не остался без внимания российской разведки. Петербург был раздражен активностью английских разведчиков в Центральной Азии. С каждым годом их появлялось там все больше и больше, и действовали они все наглее и наглее. Не могло Петербург не волновать и намерение конкурентов наводнить среднеазиатские ханства своими товарами. Были злы и наши купцы. Самые молодые хотели все решать сами:

– Коли свои бумазеи купцы англичские привезут, надо сразу в морду кулаком, чтобы неповадно на наш рынок лезть было!

Более старые и опытные просили защиты у правительства.

Между тем английские эмиссары неожиданно объявились на Северном Кавказе, который, казалось бы, давно находился не только в зоне российских интересов, но и в составе самой империи.

Из районов на северо-восточном берегу Черного моря в Петербург стали приходить тревожные сведения, что с местными горскими племенами уже вовсю работают британские агенты, снабжают их оружием, побуждая сопротивляться русским, которые идут.

Надо ли говорить, что Николай возмутился:

– Одно дело, когда мы соперничаем в чужих землях, и совсем другое, когда англичане лезут к нам за пазуху! Посмотрел бы я на истерику Лондона, если бы мы начали возить оружие ирландцам!

В Тифлис кавказскому наместнику и в Николаев главному командиру Черноморского флота полетели указания – пресечь военную контрабанду. Вскоре у кавказского побережья Черного моря начали крейсировать сторожевые эскадры, вылавливая английских контрабандистов. В воздухе запахло грозой...

* * *

За более чем годовое отсутствие Бёрнса в Индии в большой политике многое произошло, и из-за этого «многого» российско-английские отношения еще больше ухудшились.

В те дни, когда Бёрнс приехал в Калькутту, Черноморский флот встал на якорь в Босфоре, чтобы поддержать турецкого султана в его противостоянии с мятежным египетским шейхом Мохаммедом Али. Это стало огромной политической победой России на данном этапе Большой Игры и одновременно сокрушительным политическим поражением Англии.

Вернувшегося Бёрнса ждала неприятная новость. Пославший его в Афганистан генерал-губернатор Бентинк уже убыл в Англию, а его должность занял Джордж Иден, он же лорд Окленд. В отличие от своего весьма деятельного предшественника, лорд Окленд был человеком нерешительным, всегда сомневающимся в правильности собственного мнения и склонным доверять мнению своих амбициозных помощников.

После возвращения в Индию Александр Бёрнс был назначен в суд Синда, где занимался контролем торговых соглашений с княжествами о судоходстве по [Инду](#). В [1836 году](#) он нанес очередной визит в [Кабул](#) к Дост Мохаммаду и снова был встречен со всем почтением.

Когда известие о русском десанте на Босфоре достигло Калькутты, лорд Окленд схватился за голову:

– Русские начали играть по-крупному! Первым их ходом стал Константинополь, вторым станет Индия!

– Вы понимаете, что мы должны что-то срочно предпринять! – буквально набросился он на прибывшего из Кабула с отчетом Бёрнса.

– Понимаю! – хладнокровно ответил тот.

– Что именно?

– Прибрать к рукам Афганистан и навсегда оставить русских жариться в азиатских пустынях! – безапелляционно заявил Бёрнс.

– Но это же полноценная война! – замахал было руками Окленд.

– По-моему, лучше воевать с дикарями в Афганистане, чем с русской армией в Индии! – осадил его Бёрнс. – Выбор за вами!

Во время визита к генерал-губернатору Бёрнс пытался убедить его поддержать на [афганском](#) троне Дост Мохаммада.

– Только правитель Кабула и наш друг Мохаммад сможет удержать афганцев в кулаке и обезопасить Индию от русского вторжения! – убеждал генерал-губернатора Бёрнс.

Лорд Окленд только вздыхал. К этому времени свой выбор он уже сделал, прислушавшись к своему помощнику – главному секретарю компании Уильяму Макнахтену.

Главный секретарь советовал восстановить на кабульском престоле вовсе не Дост Мохаммада, а его конкурента Шуджи-шаха и уже всю подкупал в его пользу афганских вождей. Об этом генерал-губернатор и известил Бёрнса.

– Но ведь ваш Шуджи слаб и не сможет объединить Афганистан! – в отчаянии бросил Бёрнс.

– Во-первых, не «ваш», а наш», а, во-вторых, если вы не готовы к данной миссии, я найду замену. Вы же возвращайтесь на Инд считать мешки с товарами!

– Интересы Англии для меня превыше всего! – вскинул голову Бёрнс.

– И компании! – дополнил его недовольный генерал-губернатор.

– И компании! – упавшим голосом повторил обиженный Бёрнс. – Клянусь, я сделаю все, что в моих силах для возведения во власть Шуджи-шаха.

Забегая немного вперед, скажем, что решение лорда Окленда будет иметь самые трагические последствия для Британской Индии...

Думается, что лорд Окленд и его секретарь не испытывали к Бёрнсу большого доверия, но лучшего агента у них не было. Поэтому именно Бёрнс снова был отправлен в Афганистан для возведения на трон человека, которого открыто презирал. Другой его задачей было любой ценой не допустить в Кабул русских. Из этой поездки Бёрнс уже не вернется...

Большая Игра становилась все жестче...

Глава восьмая

После разгрома Турции в 1829 году и подписании [Адрианопольского мирного договора](#) Россия приобрела [Черноморское побережье](#). Однако контроль над берегом и ближайшими к нему горами был неполным. [Горцы, противостоявшие русским властям](#), немедленно получили поддержку Британии, Франции и даже польской эмиграции. Первую скрипку, разумеется, как всегда, играла Англия. Большая Игра набирала все большие обороты, и свободолюбивые горцы Кавказа появились как нельзя кстати. Разумеется, в Лондоне понимали, что рано или поздно, но Россия наведет в Кавказских горах порядок. Но чем больше и дольше она будет отвлекать свои силы на решение кавказских дел, тем больше и дольше ослабит давление России на Востоке. В этом и был главный смысл данного акта Большой Игры. Поэтому через Босфор к кавказским берегам потянулась вереница шхун и фелюк с оружием и порохом.

Когда российский посол в Лондоне Поццо ди Борго выразил на сей счет протест министру иностранных дел Пальмерстону, тот ответил с английским цинизмом:

– Англия должна исполнить свою роль покровительницы независимости народов, и если овцы молчат, то пастух должен говорить!

– Пусть пастух говорит, но зачем возить ружья и порох? – возразил Боццо ди Борго.

На это Пальмерстон ответил с еще большим откровением:

– Я ношу под сердцем план крестового похода против России, так как ваш император угрожает Вселенной. Именно поэтому моя задача сделать так, чтобы Вселенная ополчилась на Россию!

– Владения английского короля простираются от Вест до Ост-Индии, и наш император, насколько я знаю, этой вашей Вселенной не угрожает! – парировал российский посол.

– Возможно, сегодня все обстоит именно так, но я должен думать о дне завтрашнем!

На этом протокол приема был исчерпан.

А поток контрабандного оружия на Кавказ все увеличивался... Бесконечно это продолжаться не могло, и ответные меры были приняты.

Между тем политическая ситуация на юге России стремительно ухудшалась. В мае 1832 года египетский паша Мухаммед Али поднял мятеж против турецкого султана и захватил Сирию. А так как султан [Махмуд II](#) отказался подтвердить притязания паши на Египет, тот продолжил захват турецких провинций. Опасаясь раздела Османской империи и усиления влияния Франции и Англии в регионе, российский император [Николай I](#) предложил турецкому султану военную помощь для борьбы с Египтом.

В ноябре 1832 года в Стамбул был направлен личный представитель императора генерал-лейтенант Николай Муравьев, пообещавший султану военную помощь Черноморского флота. Послы Англии и Франции встретили приезд Муравьева с недовольством, так как сами опасались русского усиления на Ближнем Востоке. Пытаясь убедить султана Махмуда во враждебности России, они одновременно провоцировали мятежного египетского пашу на продолжение войны с сюзереном. И вскоре после поражения в декабре 1832 года турецкой армии в [битве при Конье](#) возникла непосредственная угроза захвата египтянами Стамбула. Либеральный кабинет Пальмерстона заколебался, рассчитывая, что Россия не решится действовать односторонне, без поддержки союзника.

Не видя другого выхода, султан Махмуд обратился к императору Николаю с просьбой прислать Черноморскую эскадру и войска для защиты своей столицы. Счет времени шел буквально на часы.

– Я всегда остаюсь врагом мятежа и верным другом султана! – заявил Николай I и отдал приказ на отправление в Босфор Черноморского флота с десантом.

Когда английский посол Джон Понсонби пытался образумить султана от столь рискованного шага, как дружба с Россией, тот только вздохнул:

– Когда человек тонет и видит перед собой змею, то он даже за нее ухватится, лишь бы не утонуть!

20 февраля 1833 года русская эскадра в составе 4 линейных кораблей и 5 фрегатов с 30-тысячным десантным корпусом на борту под командованием контр-адмирала Михаила Лазарева вошла в Босфор. Через месяц подошла и вторая эскадра, а затем и третья. Русский десантный корпус, насчитывавший к этому времени 40 тысяч человек, расположился лагерем на азиатском берегу Босфора.

Прибытие Черноморского флота на Босфор вызвало протесты со стороны Франции, требовавшей от султана удаления русских кораблей. Но Махмуд, наоборот, просил о прибытии все новых и новых русских войск...

Тогда французский адмирал Руссен в противовес России предложил свое посредничество между султаном и мятежным пашой Мухаммедом, но и это ни к чему не привело. Наоборот, для демонстрации силы и дружбы с Турцией был произведен торжественный смотр десантных войск в присутствии султана, а затем и смотр султаном кораблей Черноморского флота. Одновременно генерал-лейтенант Николай Муравьев прибыл в [Александрию](#), где заставил Мухаммеда Али остановить свои войска, двигавшиеся к Стамбулу.

В мае 1833 года для руководства десантным корпусом и переговоров с султаном и египетским пашой в Стамбул прибыл чрезвычайный посланник [Николая I](#) генерал-адъютант Алексей Орлов. Его нажим, присутствие многотысячного русского десанта на Босфоре и нежелание войны с Россией вынудили мятежников отвести свои войска за горы Тавра. Мухаммед Али согласился ограничиться Сирией и отказался от планов захвата Стамбула. После эвакуации египетских войск начался вывод и русского десантного корпуса. Покинул Босфор и Черноморский флот.

Наградой России за помощь султану Махмуду стал [Ункяр-Искелесийский договор](#). Отныне Турция закрывала Черноморские проливы для любых стран, кроме России. Что и говорить, Петербург достиг всех своих целей в Турции.

Английские политики усмотрели в [Ункяр-Искелесийском договоре](#) превращение Турции в протекторат русского царя. Британский министр иностранных дел Пальмерстон был взбешен запретом на появление в Черном море английского флота и направил в Петербург энергичный протест. В ответ наши с нескрываемой издевкой ответили, что просто сделали то, что Британия давно сама хотела сделать, но, увы, не смогла...

Пальмерстон отверг ответ как «легкомысленный и оскорбительный», хотя знал, что он был близок к правде. Триумфальные победы русских над турками и персами в 1828 и 1829 годах делали ситуацию вообще угрожающей. Отношения между двумя державами стремительно ухудшались.

* * *

Еще ранее, согласно Адрианопольскому миру, подписанному между Петербургом и Стамбулом в сентябре 1829 года, к России перешла большая часть восточного побережья [Черного моря](#), включая [Анапу](#), [Суджук-Кале](#), [Сухум](#) и [Поти](#). Кроме этого, Османская империя отказалась от любых притязаний на т. н. Черкесию, территорию исторического проживания черкесов ([адыгов](#)). Ну а так как те еще бунтовали, под предлогом изоляции региона от чумы на Черном море была введена блокада Кавказской береговой линии. В марте 1832 года в Петербурге было принято решение: «Для сохранения Российских владений от внесения заразы и воспрепятствования подвоза военных припасов горским народам, военные крейсера будут допус-

кать по черноморскому восточному берегу иностранные коммерческие суда только к двум пунктам – [Анапа](#) и [Редут-Кале](#), в коих есть [карантин](#) и [таможни](#)...»

За несколько лет Черноморский флот России надежно блокировал побережье Кавказа. Теперь с контрабандой для воинствующих черкесов стало совсем туго. Ежегодно корветы и бриги под Андреевским флагом перехватывали до полусотни шаланд с оружием, порохом и другими военными припасами. В ящиках наши офицеры находили старые английские ружья «Brown Bess», прозванные британцами «тетушка Бесс». Ружья были старые, но для горцев подходили, как никакие другие, из-за простоты и надежности. Самое главное, их были тысячи. Попадались и французские «шарлеви́лли», но далеко не в таком количестве.

– Кажется, в Лондоне решили нас перевооружить! – хмыкали наши офицеры, осматривая очередную «тетушку», на цевье которой красовалась обязательная британская корона.

Оружие всегда стоит больших денег. Столько золота у нищих горцев, разумеется, не было. Поэтому всю контрабанду щедро оплачивали англичане.

Ну, а где крутятся большие деньги, там всегда есть желающие положить их в свой карман. По этой причине, несмотря на частые задержания, контрабандисты у кавказских берегов не переводились. По большей части наши крейсера захватывали небольшие шаланды да фелюки, но случались и большие уловы.

Так, в мае 1836 года бриг «Кастор» перехватил у абхазского берега английскую шхуну «Лорд Чарльз Спенсер», под завязку набитую оружием. Груз отобрали, а шхуну отправили восвояси. Лондон выразил протест. Наши лишь пожали плечами. Обеспокоенный начальник Главного Морского штаба князь Меншиков запрашивал командующего Черноморским флотом, не видит ли тот предпосылок к обострению с Англией. На это адмирал Лазарев отвечал: «У нас все мирно, и готовимся не на войну, а к смотру». Но к осени внешнеполитическая обстановка изменилась.

В Англии действия Черноморского флота у кавказских берегов были расценены как нарушение принципа [свободы торговли](#). Российская агентура доносила, что Форин-офис, что-то затевает.

Вскоре выяснилось, что появление «Чарльза Спенсера» у абхазских берегов не было случайностью. Провокацию лично организовал первый секретарь британского посольства в Стамбуле Дэвид Уркварт с одобрения посла Джона Понсонби. Если в начале карьеры Уркварт слыл записным эллинофилом, то затем быстро перекрасился в еще более яркого туркофила и, соответственно, в русофоба. В 1833 году Уркварт возглавил английское торговое представительство в Турции, которое, разумеется, занималось больше политикой, чем своими прямыми делами. Тогда, будучи очень близок к советнику султана [Махмуда II](#) Решид-паше, Уркварт пытался спровоцировать Англию на вторжение в Египет для оказания помощи туркам. Но в планы Лондона это тогда не входило, и инициативному дипломату дали по рукам.

После этого Уркварт не унялся. Заниматься бумажными секретарскими делами ему было скучно, и он мечтал стать активным участником Большой Игры. Чтобы обратить на себя внимание, Уркварт издал весьма скандальную книгу «Англия, Франция, Россия и Турция», в которой обвинил Петербург в коварных планах по захвату Стамбула и аннексии Персии. Более того, для России, по мнению Уркварта, эти захваты должны были стать лишь прелюдией к завоеванию Индии.

Он писал: «Вся Оттоманская империя немедленно перейдет от нас к ней (к России. – *В.Ш.*), к тому времени она (Турция. – *В.Ш.*) станет нашим явным врагом. Вооруженные силы, оружие, границы, крепости, сокровища и флот Турции, сейчас призванные действовать против России, станут действовать против нас – вымуштрованные, объединенные и направляемые ею. Поглотив Турцию, Россия затем поработит Персию. Персы, народ многочисленный, терпеливый и воинственный, будут Россией обучены и направлены без каких-либо проблем и больших затрат».

Уркварт нимало не сомневался, против кого они будут направлены. Склонных к грабёжам персов не придется долго уговаривать, если пообещать им в качестве трофеев баснословные сокровища Индии.

«Россия, – писал он в заключение, – выбирает свой момент... она не может просчитаться и упустить такой момент, как этот. На этом сосредоточены весь ее ум, энергия и ресурсы. Она начнет свое наступление только тогда, когда будет полностью уверена в успехе».

При этом у Уркварта был свой собственный рецепт обуздания русской экспансии – мятежная Черкесия.

* * *

Предупреждение Уркварта пришлось на тот момент, когда складывалось впечатление, что Россия снова пришла в движение. Дополнительно к увеличению своих флотов русские значительно усилили и свое присутствие на Кавказе – плацдарме, с которого почти наверняка можно было начать любое дальнейшее продвижение в Турцию или Персию. Теперь, когда русофобия достигла небывало высокого уровня, Уркварт не испытывал недостатка в слушателях.

Несколько раз англичанин с контрабандистами даже посетил прибрежные черкесские селения. Вернувшись, Уркварт заявил, что черкесы напоминают ему его родных шотландцев, мол, такие же доверчивые и бестолковые, а потому нуждаются в его руководстве. После этого он начал строчить прокламации. Если почитать прокламации Уркварта народам «свободной Черкесии», то создается впечатление, что написано все было не в первой половине XIX века. А в первой половине XXI! Идентично все – и слова, призывы, рассуждения и выводы!

Из воззвания Дэвида Уркварта: «Сопrotивляясь России, кавказские народы оказывают бесценную услугу Англии и Европе. Если русская армия захватит Кавказ, уже никто и ничто не сможет остановить ее победную поступь дальше на юг, восток или запад и помешать царю стать полновластным хозяином в Азии и Европе. Черкесы являются стражами Азии... Вы единственные из народов мира, кто узрел истинное лицо России. Потому-то вы одни и противитесь ее власти. Но вы должны увидеть и истинное лицо Европы. Ваша безопасность в борьбе с Россией была гарантирована знанием ее слабостей, ваша защита от Европы будет заключаться в знании ее вероломства».

Честно говоря, сложно сказать, на кого были рассчитаны прокламации Уркварта. Возможно, их читали в Форин-офис, но вряд ли в горных аулах...

Разумеется, что секретарь посольства – это не та фигура, которая что-то решает самостоятельно, но деятельный дипломат, имеющий поддержку в высоких кабинетах, может сделать многое. Первыми помощниками в деле провокаций на Кавказе у Уркварта стали беглые поляки во главе с Адамом Чарторийским. То, что позволял себе Уркварт, выходило далеко за рамки обычной дипломатии. В 1834 году он в очередной раз вместе с контрабандистами высадился на кавказском берегу у шапсугов и издал там прокламацию, призывающую все горские народы объединиться в священной войне против России.

– Не покупайте русские товары! – вещал Уркварт, собрав старейшин. – Я лично пришлю вам все, что только просите!

Шапсуги, кивая папахами Дауд-бею (как они именовали Дэвида Уркварта), даже газават обещали, но отказываться от русских товаров не торопились.

После перехвата «Спенсера» Уркварт задумал еще более масштабную провокацию. На этот раз для нее зафрахтовали океанскую шхуну «Виксен».

– В случае удачи нашего плавания мы получим доказательство того, что русские *de facto* не владеют берегами Кавказа, а в случае неудачи – возможность спровоцировать конфликт между нашими странами. При этом Петербургу, несомненно, придется оправдываться!

Лорд Понсонби, слушая своего эксцентричного секретаря, покачивал лысеющей головой:

– Идея неплоха, но я все же запрошу разрешение у Лондона.

Вскоре разрешение пришло. Владельца шхуны Джона Белла инструктировал лично Уркварт.

– Вам надлежит следовать напрямик к Суджук-Кале! – очертил он холеным пальцем будущий маршрут шхуна по карте.

– Но ведь там стоит русская брандвахта и нас гарантированно поймают! – подскочил опытный Белл. – Не лучше ли найти какой-то дикий берег?

– Ни в коем случае! – рассмеялся Уркварт. – В том-то и дело, что тебя должны поймать! Поэтому не русские должны искать тебя, а та должен сам найти их.

– А что дальше? – нервно спросил шкипер, понимая, что невольно становится пешкой в какой-то серьезной игре.

– А дальше мы раздуем из твоего ареста вселенский скандал и объявим России войну!

– Неужели из-за моей скромной особы будут такие последствия? – ужаснулся рыжий шкипер.

– Когда-то из-за уха Дженкинса мы изгнали испанцев из Вест-Индии. Почему бы теперь из-за уха Белла не поставить на колени Россию! – расхохотался собственной шутке Уркварт. – Не робей, Джон! Все уже продумано и просчитано! Тебе надо лишь хорошо сыграть свою маленькую роль!

Пока Уркварт готовил операцию, посол лорд Понсонби убеждал султана Махмуда II, что тому будет оказана любая помощь, «если он будет действовать как султан, а не как вассал русского царя».

Махмуд некоторое время уходил от прямого ответа, понимая, что должен быть благодарен Николаю I, который несколько лет назад спас его от мятежного египетского паши Мухаммеда Али. Но Понсонби был настойчив и хитер. Вскоре он убрал с пути упиравшегося раис-эфенди, после чего сдался и сам Махмуд.

* * *

12 ноября 1836 года очередной отряд российских судов, обеспечивающих крейсерскую блокаду побережья Кавказа, заметил в море неизвестное двухмачтовое судно.

Командир отряда контр-адмирал Эсмонт вызвал к себе сигналом бриг «Аякс» и, когда тот щегольски «обрезал корму» флагмана, прокричал его командиру в жестяной рупор:

– Николаша, догони мерзавца и вытряси из него душу!

– Прикажете потопить! – перекрывая шум ветра, отозвались шканцы «Аякса».

– Топить не надо! – хмыкнул Эсмонт. – Хватай за ноздрю и тащи в Геленджик, а ежели заартачится, причеши картечью!

– Понял, Самуил Андреевич, отделаю в лучшем виде!

Круто кренясь на набегавшей волне, «Аякс» сделал лихой разворот и, наполнив паруса попутным зюйд-вестом, бросился в погоню за уже едва видимым на горизонте парусом.

Командир брига капитан-лейтенант Вульф был парнем отчаянным и азартным. А потому, поручая ему погоню за очередным контрабандистом, Эсмонт был уверен – этот не подведет.

Погоня получилась сложной, так как начался шторм. Но Вульф дело свое знал и на следующий день отыскал беглеца в бухте Суджук-Кале. Шхуна стояла на якоре, и от нее сновали к берегу шлюпки, на которых перевозился какой-то груз. На самом берегу была видна толпа горцев, принимавших груз. На все сигналы прекратить выгрузку и прибыть на борт «Аякса» с документами шкипер Белл ответил отказом.

– Зарядить холостым! – велел Вульф.

Только после выстрела трехфунтовой пушки с «Виксена» прокричали, что готовы двигаться за русским бригом. Вскоре оба судна вышли из бухты, а чтобы у англичан не возникло

никаких неправильных мыслей, на борт шхуны была послана досмотровая партия. Когда шесть матросов во главе с мичманом Перелешиным поднялись на «Виксен», шкипер встретил их откровенным хамством.

– Вы находитесь на палубе британской шхуны, поэтому потрудитесь объяснить цель вашего прибытия!

– Цель нашего прибытия простая! – шмыгнул простуженным носом Павел Перелешин. – Проверка документов и досмотр груза на предмет военной контрабанды!

– Я заявляю свой протест!

– Протест принимается! – широко улыбнулся Перелешин. – А теперь давайте судовую роль и накладные бумаги...

Проверка показала, что трюмы шхуны были заполнены солью. Когда же наши матросы лопатами разгребли соль, то в ней нашли и оружейные стволы, бочки с порохом и английские ружья. Военная контрабанда была налицо!

В Геленджике шхуна была арестована. Началось расследование.

Часть оружия, к сожалению, со шхуны все же успели свезти. В пользу этого говорила пустая часть кормового трюма шхуны и изменение ее осадки, что указывало на недавнее пребывание значительного груза на борту судна. О наличии огромного объема военной контрабанды говорил и допрос команды и шкипера «Виксена», в показаниях которых было немало подозрительных противоречий. Кроме этого, Белл был пойман с поличным, когда занимался свозом на берег оружия.

В декабре 1836 года факт военной контрабанды подтвердила и английская пресса. Так как судно было захвачено стоящим на якоре во время разгрузки, то на основании положения 1832 года оно было объявлено русскими властями призом. Шкипер Белл был арестован при каюте.

После окончания расследования «Виксен» с русской командой под охраной «Аякса» был направлен в Севастополь, но из-за шторма судно вынуждено зашло в Феодосию. Прибыв туда, Белл нашел возможность передать письмо английскому консулу в Одессе Джону Эмсу. В письме он излагал свой протест против задержания и просьбу о покровительстве.

Уже через несколько дней французский консул в Одессе Ксавье Оммер де Гель так докладывал о случившемся в Париж: «Вот факт, а вот вызванные им предположения: некоторые лица даже из высших кругов общества предполагают, что захваченное у берегов Черкесии судно было умышленно туда направлено лордом Понсонби, а следовательно, и английским правительством, с целью решительно и остро поставить вопрос о блокаде и пересмотреть его. Верить этому дает повод выбранное англичанином место побережья для выгрузки своих товаров, потому что как раз между Суджук-Кале и Геленджиком находились военные суда, ускользнуть от которых не было никакой возможности». Французский дипломат не знал, что накануне газета «Монинг хроникэл» опубликовала следующее сообщение, полученное от собственного корреспондента из турецкой столицы: «Шхуна «Виксен»... отплыла из Константинополя с инструкцией прорвать... блокаду, установленную Россией у берегов Черкесии... Груз судна состоит, главным образом, из пороха – статьи, запрещенной русским тарифом, но именно поэтому и тем более (этот факт) высоко оценивается, с точки зрения решительного характера экспедиции, так как это дает возможность испытать законность (установленной) блокады... Прошло лишь два года с тех пор, как мистер Дэвид Уркварт, в то время еще пионер этого дела, стремившийся использовать все средства, которые бы могли способствовать его успеху, пренебрегая всеми трудностями и подвергая себя серьезному риску, проник внутрь интересующей его страны. С тех пор он убежден, что эффективное сопротивление России нужно оказывать именно здесь». Данная информация была отправлена журналистом этой газеты Джоном Лонгвортом, арестованным вместе с командой шхуны на «Виксене». Британский посол в России

лорд Дархем (не втянутый в интригу Уркварта) поначалу был удовлетворен разъяснениями по делу «Виксена», однако российского министра Карла Нессельроде предупредил:

– Английский народ ничего не понимает в иностранных делах, но за пределами ревнив к чести своего флага. Поэтому достаточно одной метко кинутой спички, чтобы вызвать пожар!

Именно такую спичку и выбросил на страницы британских газет Уркварт:

– Я раздую инцидент с «Виксеном» до небывалых размеров, после чего кабинет министров будет просто обязан вступить в серьезный конфликт с Россией.

Европейское общество извещалось, что гордые кавказские горцы хотят создать некую демократическую Черкессию, а злобный русский царь строит им козни, для чего пригнал на Кавказ миллион своих солдат.

После этого занервничал уже смертельно страдающий от туберкулеза султан [Махмуд II](#).

Чрезвычайный посланник в Турции Бутенев успокаивал турок: «Нелепость этих выдумок и затей – очевидна, и как только они будут обнаружены, их подвергнут осмеянию. Ни одно правительство, как бы оно ни было дурно расположено к России, не посмеет признаться в этом и покровительствовать подобным выходкам, понимая всю их бесплодность против могущественной России. Они, скорее всего, являются делом лиц, ослепленных беспокойными страстями и больше всего абсолютным незнанием действительного положения дел. Авторитет России не будет поколеблен, ей нечего бояться. Можно будет пожалеть только тех безумных спекулянтов, которые предпримут посылку оружия, военного снаряжения и других контрабандных товаров на берега Абхазии и Черкесии. Они потеряют свои капиталы, их суда будут конфискованы со всей строгостью законов о контрабанде и о нарушении санитарных установлений».

Нашего посла в Лондоне Карла Поццо ди Борго вызвали в министерство иностранных дел. Генри Пальмерстон заявил ему:

– Должен официально предупредить вашего царя, что, если «Виксен» будет конфискован вместе с грузом, Англия выступит с официальным протестом, который будет иметь серьезные последствия.

– Ваш протест встретит категорический отказ императора, который не отступит ни перед какими последствиями, вызванными случившимся актом правосудия! – ответил посол.

22 февраля 1837 года российским посольствам и миссиям в Европе было предписано иметь в виду, что Россия не допустит, чтобы ее территориальные права, основанные на трактатах, заключенных с Турцией, были обсуждаемы некой третьей державой, которая в них не участвовала. Под «третьей державой» недвусмысленно подразумевалась Англия.

Разъяснения были даны и британскому послу в Петербурге лорду Дархему, который заявил, что удовлетворен. Но не посол принимал решения.

Как и было обещано, злосчастный «Виксен» был конфискован и передан в состав Черноморского флота, став 10-пушечной шхуной «Суджук-Кале». Что касается шкипера Белла и его команды, то их отправили в Одессу, откуда они убыли в Англию с попутным судном.

Вслед за этим, как и рассчитывал Уркварт, последовало резкое ухудшение русско-британских отношений. Пальмерстон был по-прежнему непреклонен.

– Я категорически отказываюсь принять ваши объяснения, – заявил он при очередной встрече с графом Поццо ди Борго. – И вообще позиция Англии такова, что Россия не имеет никаких прав на Кавказ!

– Вы отказываете России в ее завоеваниях? – округлил брови посол.

– Я лишь констатирую сегодняшнюю позицию Англии! – ответил Пальмерстон.

– За сегодняшним днем придет следующий, и что будет тогда, знает лишь Господь!

У Пальмерстона слова с делами не расходились, и вскоре оппозиционные тори поставили в парламенте вопрос о международном статусе Черкесии, не признавая за Турцией права уступать территорию, никогда ей не принадлежавшую, России, а за Россией – право ею владеть.

Парламентарии требовали сохранить мир путем... угрозы войны, а также обеспечить свободу английской торговли в Черном море через присутствие там королевского военного флота.

Прочитав очередное донесение Поццо ди Борго, император Николай I сокрушенно покачал головой:

– Это война! Страшная война!

Вызванному в Министерство иностранных дел лорду Дерхэму граф Нессельроде объяснил:

– Наш император ни за что не изменит своего образа действий и будет защищать права России во что бы то ни стало.

В подтверждение этих слов вскоре последовал приказ Николая привести в состояние боевой готовности армию и флот, а Черноморскому флоту быть в готовности к перевозке 5-го пехотного корпуса на Босфор в течение 24 часов.

Между тем провокации у черноморских берегов продолжались. В апреле 1837 года бывший владелец «Виксена» Белл отправился из Константинополя в Трапезунд, где нанял турецкую фелюгу и купил серьезный груз пороха. Затевалась новая провокация. Впрочем, наша разведка в Турции на этот раз сработала, и вскоре начальник Главного Морского штаба князь Меншиков уже знал о новой английской затее.

В мае 1837 года Белл тайно высадился у абхазов, выгрузил порох и снова начал агитировать горцев на войну с русскими, обещая поставки свинца и пороха. А чтобы горцы осознали свою ответственность перед Лондоном, он подарил абхазам знамя якобы от... британского монарха.

Самое удивительное, что с контрабандой в Абхазию прибыл и некий авантюрист Лонгворт, который представился доверчивым абхазам личным посланником английского короля. В ответ за головы Лонгворта и Белла была объявлена премия в 10 тысяч рублей серебром, позднее ее объем серьезно вырос, но поймать английских агитаторов так и не удалось. Белл и Лонгворт продолжили свои вылазки к кавказским берегам, распространяя антирусские воззвания и слухи.

В мае 1837 года командующий войсками [Кавказской линии](#) генерал-лейтенант Вельяминов докладывал кавказскому наместнику фон Розену: «Прошлогодние английские агенты вручили собранию горцев бумагу от имени своего правительства, с которою советуют им явиться к начальствующему на Кавказе и объявить, что они совершенно смирятся; чтобы он с своей стороны прекратил военные действия, что Россия не имеет на них никакого права, как на народ, независимость коего всеми признана». В случае нашего отказа принять эти условия английские эмиссары предлагали черкесам отправить посольство в Стамбул, так как султан и египетский папа якобы уже подготовили флот из 300 кораблей с десантом и грузом всего необходимого для войны.

– Нам недвусмысленно угрожают применением силы, а потому надо готовиться к обороне кавказского побережья от англичан! – принял к сведению письмо барон Розен.

* * *

Зимой 1837 года казалось, что война между двумя великими державами вот-вот разразится. С декабря 1837 года под личным наблюдением Николая I военные инженеры приступили к модернизации укреплений Кронштадта – строились кирпичные и каменные форты и батареи, облицованные гранитом. На артиллерийских позициях устанавливалась мощная артиллерия. Хуже дело обстояло с Севастополем, где все укрепления были старыми, а новые рavelины только достраивались.

Надо сказать, что в планах Лондона был предусмотрен даже поход английской армии в Персию! Для этого армия Ост-Индской компании была срочно доведена до 147 тысяч (из них европейской пехоты – 13 тысяч, туземной – 134).

Но война так и не состоялась. Причина отказа Англии от нее была банальна – Англия просто не нашла себе союзника для борьбы с Россией, Франция не хотела рисковать участием в войне за свободу плавание у берегов Черкесии в союзе с Англией, тем более что в это время усиливались ее собственные противоречия в Северной Африке с Турцией и Испанией. Еще менее желала войны Австрия. Даже турки, прикинув, что война в любом случае будет вестись на их территории, повернулись к Лондону спиной. Ну, а в одиночку воевать англичане не при-
выкли.

После этого наступила пауза. А затем в Лондоне сделали вид, что ничего собственно и не произошло. Дело «Виксена» было предано полному забвению. Фактически, несмотря на то что Англия попортила нам немало нервов, Петербург свою позицию отстоял и под угрозы Туманного Альбиона не прогнулся. Пошел на попятную и воинственный Пальмерстон, который, выступая, теперь невнятно говорил:

– Мы отрицаем принадлежность Черкесии России *de facto*, но не оспариваем власть Петербурга над Анапой, Поти и Суджук-Кале.

Вскоре Уркварт был отозван из Турции. Связи при дворе не помогли, а его главный заступник – король Вильям IV – вскоре умер.

Вернувшись в Англию, Дэвид Уркварт попытался было начать борьбу с Пальмерстоном, обвиняя главу Форин-офис, что тот был подкуплен русскими. Но Пальмерстон легко отбил эти наскоки, и Уркварт навсегда исчез из большой политики. Любопытно, что Карл Маркс в переписке со своим другом Энгельсом считал Уркварта «форменным маниаком» в его обвинениях Пальмерстону и поклонении туркам. Ненависть же Уркварта к России Маркс считал вполне обоснованной и справедливой...

Уркварт, главный русофоб того времени, многое сделал для того, чтобы восстановить британское общественное мнение против Петербурга и углубить пропасть между двумя державами. В самом деле, современные советские историки возлагают определенную вину за сегодняшние проблемы Кавказа на британское вмешательство в регионе и даже утверждают, что Шамиль был британским агентом. Разумеется, сопротивление, которое встретили там русские, удержало их от дальнейшей военной экспансии и несколько лет действовало как ограничитель их честолюбивых намерений в остальных частях Азии. Потому благодаря Уркварту и его последователям Кавказ стал частью поля битвы Большой Игры.

Оставшийся в Турции посол Понсонби притих и начал наконец-то заниматься только своими прямыми делами.

И все же действия англичан принесли нам немало вреда. После диверсий Белла шапсуги стали вести себя более дерзко и решительно. Поэтому император Николай велел адмиралу Лазареву усилить крейсерство у берегов Кавказа.

Для осуществления эффективной блокады побережья Кавказа следовало усилить Черноморский флот. 26 мая 1835 года император утвердил его новые штаты. Флот должен был иметь 69 судов: три 120-пушечных, двенадцать 84-пушечных линейных кораблей; четыре 60-пушечных, три 44-пушечных фрегата, пять корветов, десять бригов, шесть шхун, четыре тендера и два военных парохода. Реализация этой программы фактически воссоздавала мощный русский флот на Черном море, но требовала значительных капиталовложений. Стоимость трехдечного линкора равнялась 2,5 миллиона рублей, двухдечного – 1,9 миллиона, 60-пушечного фрегата – 1,4 миллиона. Одним из инициаторов этой программы являлся возглавивший Черноморский флот вице-адмирал Михаил Лазарев.

В январе 1836 года князь Меншиков (к этому времени уже морской министр) поставил перед Лазаревым вопрос о возможных действиях в случае появления английского флота в Чер-

ном море. Дело в том, что к середине 30-х годов XIX века английский Средиземноморской флот был усилен до полутора десятков вымпелов, включая шесть новейших линейных кораблей. В ответ Лазарев предложил разные варианты действий. В случае дружелюбного поведения Турции предполагался десант на Босфор, в противоположном варианте – действия по обстоятельствам, в зависимости от сил противника. В любом случае Лазарев считал необходимым усиление Черноморского флота и укрепление его главной военно-морской базы – Севастополя. В сентябре 1836 года Николай I выделил 6 миллионов рублей на усиление боевого состава Черноморского флота, строительство в Севастополе нового адмиралтейства и возведение дополнительных береговых укреплений. Одновременно началось планирование десантной операции на Босфор.

План Босфорской операции так и остался на бумаге, но наши крейсерские эскадры у берегов Кавказа были усилены до двух десятков вымпелов. Летом 1837 года эскадра Черноморского флота высадила десант в районе Адлера, где было основано новое укрепление. Таким образом, был взят под контроль последний участок побережья, удобный для стоянки кораблей.

Сражение за Кавказ Англия России проиграла вчистую. Впрочем, от реванша на Черном море Лондон не отказался. Пройдет не так уж много времени, и Форин-офис начнет готовить там новую войну. Это война войдет в английскую историю как Восточная, а в российскую – как Крымская...

* * *

Среди тех, кто разделял опасения Уркварта, но не одобрял его излишне прямолинейных методов, были британский посол в Константинополе лорд Понсонби и Джон Макнейл, назначенный посланником в Тегеран. Сам Макнейл давно работал в Персии, несколько лет прослужил в Тегеране под руководством опытного политика Джона Киннейра и воочию видел усиление там русского влияния. Помимо всего прочего, в Петербурге не без оснований подозревали, что он был замешан в смерти несчастного Грибоедова, когда русское посольство в Тегеране восемь лет назад было захвачено толпой фанатиков.

Дожидаюсь своего назначения посланником в Тегеран, Макнейл написал и анонимно издал книгу «Прогресс и нынешнее положение России на Востоке», в которой подробно описал все территориальные притязания России со времен Петра I как в Европе, так и в Азии. Любопытно, что на протяжении книги англичанин ссылается на известную к тому времени фальшивку «Завещание Петра Великого». Разумеется, что дипломат такого ранга не мог не знать истинную цену «завещанию», но если для пользы дела нужен подлог, пусть будет подлог...

Далее Макнейл рассуждал следующим образом: «Если Турция покорится Петербургу, это будет представлять серьезную угрозу интересам Британии в Европе и на Средиземном море, тогда как оккупация Россией Персии может окончательно решить судьбу Индии».

Надо сказать, что Джон Макнейл постарался на славу. Книга содержала большую складную карту, показывавшую пугающее усиление русской экспансии за предыдущие полтора века. Кроме этого, к карте была приложена таблица, показывающая пугающий рост населения России в результате этих аннексий и других территориальных приобретений. По расчетам Макнейла с петровских времен население России увеличилось в четыре раза – с 15 миллионов до 58 миллионов человек. В то же самое время русские границы придвинулись на 500 миль к Стамбулу и на 1000 миль к Тегерану.

«Любая часть этих обширных приобретений, – писал Макнейл, – была получена вопреки мнению, желаниям и интересам Британии. Расчленение Швеции, раздел Польши, захват турецких провинций и тех земель, что были отделены от Персии, – все это наносило вред британским интересам». Именно последние два слова и определяли причину авторского гнева. «Русские, – добавлял Макнейл, – достигли всего хитростью, добиваясь своих целей посредством

последовательных вторжений, ни одно из которых не казалось достаточно важным, чтобы из-за него разорвать дружеские отношения с великими державами Европы».

Прогноз Макнейла был, как и прогноз Уркварта в его книге «Британия и Россия», мрачен и пессимистичен, но с ним согласились многие тогдашние политики, не говоря уже о русофобах и журналистах. Читатели книги Макнейла были убеждены, что следующая экспансия России – это всего лишь вопрос времени, и только жребий решит, будет он направлен против Турции или Персии.

Премьер-министра Англии Пальмерстона книга привела в восторг, так как на тот момент она стала настоящим катехизисом Большой Игры. Ну а анонимность книги была условной. Так как весь британский истеблишмент прекрасно знал имя автора.

Прибыв на свой новый пост в Тегеране, Макнейл, к своему ужасу, обнаружил, что влияние России при дворе персидского шаха стало гораздо сильнее, чем перед его отъездом в Лондон. В лице посла графа Симонича Макнейл столкнулся с профессиональным и не слишком щепетильным противником. Впрочем, и Макнейл был далеко не новичком в политических интригах.

– Я настроен решительно сделать все, что в моих силах, чтобы расстроить персидскую игру царя Николая! – говорил он в минуты откровения.

Вскоре Макнейл уже слал в Лондон панические письма. В которых писал, что русские начали скрытно передвигать войска в сторону Герата и Кабула – двух главных ворот, ведущих к Британской Индии. Зачем и почему английский посол обманывал своих начальников и будоражил британский бомонд, совершенно непонятно. Ведь русские полки на тот момент находились в весьма далеком от Афганистана Оренбурге, и никто никуда оттуда идти пока не собирался... Возможно, бывший врач просто набивал себе цену, а возможно, сознательно провоцировал обострение между двумя державами. Как бы то ни было, но именно усилиями Уркварта и Макнейла Большая Игра была подведена к тому, чтобы вступить в новую более опасную фазу.

Глава девятая

В начале XIX века север Средней Азии представлял собой огромный и еще весьма мало-изученный мир. Между туркменской долиной Узбой, протянувшейся от [Сарыкамышской котловины](#) до [Каспийского моря](#) и Амударьи, с одной стороны, и границами с Афганистаном и Персией, с другой, простирались огромные земли, которые, по единодушному мнению русских путешественников, представляли собой «безотрадную пустыню». Обитали там племена кочевников, которые испокон веков занимались не столько разведением скота и сельским хозяйством, сколько работоторговлей и грабежами. Похищали, как правило, персов, казахов, а потом попробовали переключиться и на русских колонистов – по мере приближения границ Российской империи к Каспию. Кочевые племена и банды буквально терроризировали российские окраины. Причем действовали они не сами по себе. За ними стояли Кокандское и Хивинское ханства, Бухарский эмират. Подстрекали к набегам, финансировали их, а потом скупали добычу. Большая часть казахов еще в XVIII веке приняли подданство России, но соседи не только их грабили, но и подбивали к бунтам и набегам. Кокандские ханы, кроме того, любой ценой (включая подкуп) стремились заполучить российских солдат, которых использовали для обучения собственного войска. Так продолжалось много лет, пока на границе не появились русские войска.

После этого в набеге кидались уже самые дерзкие и отвязные. Одним из таких разбойников был казахский султан Саржан Касымов, мечтавший ни много ни мало, а о возрождении Золотой Орды. Во главе, разумеется, со своей особой. По этой причине русских он ненавидел, и где мог, там пакостил. Ну, а так как одному против России ему было страшно, Касымов заручился поддержкой кокандского хана.

Какое-то время Касымов ограничивался мелкими нападениями, но затем решил играть по-крупному.

И в мае 1834 года на север, чтобы помочь своему союзнику Касымову, двинулся уже ташкентский правитель Лашкар кушбеги с шеститысячным войском. Официально это выглядело как поддержка борьбы султана Касымова против русских порядков в степи. На самом деле цель была прозаической – захватить огромный кусок казахской территории, чтобы потом законно обирать казахские аулы. Приблизившись к нашим границам, Лашкар кушбеги возвел на казахской земле крепость Уллу-Тау.

Чтобы пресечь эту дерзость, тогдашний [генерал-губернатор Западной Сибири](#) Иван Вельяминов решил послать к Уллу-Тау отряд под командованием полковника Семена Броневского – роту пехоты, сборный казачий полк Сибирского войска, под командой есаула Ивана Карбышева и шесть пушек. При отряде были и казахи, выполнявшие служившие разведчиками и обозниками.

19 мая отряд Броневского вышел в степь. Как писал в своих воспоминаниях сам командир отряда: «Быстрый марш мой в глубь степи простирался от линии прямо на юг за 1000 верст, ибо я рассуждал, что чем далее встречу врагов, тем они менее сделают вреда нашим киргизцам (современным казахам. – *В.Ш.*), отхлынувшим при первом известии ближе к линии. Нападающим, вследствие такого соображения, досталось разорить только некоторые дальние волости, но разорять со всеми ужасами азиатского свирепства и так совершенно без причины – только чтобы грабить».

Вторую половину пути, на протяжении 500 верст, отряд не встретил ни одного аула. Степь словно вымерла. Дело в том, что казахи, опасаясь набега кокандцев, ушли к казачьим станицам. На подходе к горам Уллу-Тау Броневский послал в разведку казаков. Те пробрались к находившейся там кокандской крепости, осмотрели ее и вернулись.

– Так что крепость сложена из камня и дерна, имеет же пушки и гарнизон немалый! – браво доложил командовавший разведкой казак.

– Каково будет твое мнение на сей счет, Иван Семенович? – поинтересовался полковник Броневский у Карбышева.

– Думаю, Семен Богданович, что лучшее из всего, что можно придумать, – это атаковать! – ответил есаул.

Так и порешили.

* * *

Чтобы атаковать крепость неожиданно с рассветом, последние 25 верст казаки и пехота проделали в ночной тишине. Еще не выглянуло солнце, как казаки стремительно захватили пасшиеся недалеко от крепости кокандские табуны, не дав бежать ни одному табунщику. Когда кокандцы, проснувшись, протерли глаза, то обнаружили свою крепость уже окруженной русскими.

На всякий случай кокандцы решили поугадать русских стрельбой из пушек и ружей – а вдруг русские испугаются и уйдут. Увы, кокандская хитрость не помогла.

Наблюдая, как зарываются в землю, не долетая, ядра, Броневский только хмыкал – чего зря добро переводят!

Чтобы не проливать зря кровь, полковник решил дать защитникам крепости одуматься и не стал сразу идти на штурм. Вместо этого послал к коменданту крепости парламентаря. Вот как впоследствии описывал это сам Броневский: «Между тем, доставлен ко мне с бекета, пойманный казаками, возвращавшийся из аулов в крепость от своей невесты расфранченный и видный собою кокандец. Он казался довольно покоен, хотя был на веревке. Я шутками моими его более ободрил, предлагая ему ехать к своим в крепость и объявить коменданту, чтобы немедленно сдался, в противном случае будет худо. Кокандец с благодарностью на это согласился и поехал тотчас».

Увидев парламентаря, кокандцы стрельбу прекратили.

Спустя некоторое время из укрепления вышла делегация, которая была принята Броневским в поставленной наскоро походной палатке. Делегаты заявили, что они с симпатией относятся к русским, но крепость они построили на казахской территории, которая издавна принадлежит Коканду, и уходить отсюда не намерены.

Когда Броневскому надоело слушать этот вздор, он, прервав очередного оратора, заявил:

– Если в течение двух часов не сдадитесь, то вам придется испытать силу русского оружия!

Понурые переговорщики удалились.

Когда срок ультиматума истек, а из крепости никакого ответа не поступило, Броневский приказал начать бомбардировку крепости из пушек.

На наш первый залп кокандцы ответили также огнем. Но когда внутри крепости разорвалось несколько начиненных порохом гранат, в крепости началась паника.

– Смотрите! Смотрите! – закричали вокруг солдаты. – Кажись, наша берет!

Броневский навел подзорную трубу туда, куда указывали солдаты, и увидел, как с крепостного флагштока медленно сползает вниз кроваво-красное кокандское знамя, а вместо него лихорадочно поднимают огромную белую простыню.

После этого отворились ворота крепости, и оттуда вышел комендант с ближайшим окружением, неся на атласной подушке ключ от крепости.

– Мы просим пощады! – разом прокричали вышедшие и также дружно рухнули на колени.

Взяв ключ, Броневский повертел его в руках. Ключ был железный и тяжелый.

Бронеvский искал среди вышедших старшин Лашкара кушбеги и Саржана Касымова, но их не было. Как сообщил комендант, они покинули крепость и поспешно ушли на юг, когда Бронеvский с казаками еще только начинали свой поход.

– Никаких неприятностей никто вам причинять не будет! – объявил полковник свою волю побежденным. – Пусть ваши воины выходят поодиночке из крепости и складывают оружие.

Все было беспрекословно исполнено. Спустя час перед полковником уже была груда сабель, копий и фитильных ружей, а поодаль теснилась испуганная толпа пленных.

После этого всем пленникам был роздан необходимый провиант, на всех дали и сотню лошадей, с тем чтобы гарнизон мог добраться до границ своего ханства. Но прежде чем отпустить пленников, Бронеvский заставил их скрыть построенные укрепления.

Когда от крепости Уллу-Тау осталась лишь гора камней и земли, кокандцев отпустили. С отпущенными пленниками Бронеvский передал Лашкару кушбеги и Саржану Касымову письма, в которых предупредил, чтобы они впредь не пытались нападать на российских казахов, «в противном случае гнев Великого Монарха возяготеет на них».

Подводя итог походу, Бронеvский написал: «Благоуспешным действием вся степь наша очищена от врагов и подданные волости остались неприкосновенны, получив на самом деле удостоверение, до какой степени наше Правительство, приняв их (казахов) однажды под свое покровительство, готово на их защиту».

Возвращаясь, Бронеvский отделился от отряда с адъютантами и шестью казаками и прямой дорогой двинулся в Кокчетавский окружной приказ, а оттуда в Петропавловскую крепость. Передвижение вдоль берега Ишима маленькой группы всадников не осталось без внимания кочевавших вокруг казахов. Местный султан Габбай-Дулла-Вали-хан лично выехал навстречу, чтобы поблагодарить русских избавителей. Поставлена огромная юрта из белых войлоков, устланная коврами. Обменявшись подарками, отобедав и отдохнув, Бронеvский со спутниками продолжили путь домой с чувством исполненного долга. После этого в степи на некоторое время наступило затишье.

Но прошло время, испуг перед русскими притупился, и кокандцы вместе с казахскими разбойниками снова стали тревожить мирные кочевья.

* * *

Время в Азии течет так медленно, что кажется, будто оно совсем остановилось. Из века в век все остается неизменным: выжженные солнцем степи, безмолвные пустыни, да бредущие по ним караваны.

Медленно и мерно шагают верблюды, позванивают колокольчики на их шеях, покачиваются в такт ходьбе дремлющие погонщики. Так было тысячу лет назад. Так происходит и сейчас.

Вот движется по бескрайним просторам на север очередной караван. Не близок его путь. От Бухары до русского Оренбурга две с половиной тысячи верст, на что уйдет полгода. Еще столько же обратно. Сходил погонщик три десятка раз с караваном – вот и жизнь прошла.

Если бы можно было окинуть с высоты взглядом всю огромную Азию, то взору предстали бы тысячи и тысячи караванных троп.словно огромная кровеносная система, пронизывают они огромные просторы, питая их жизнью. Караванные пути – основа основ Центральной Азии. Им подвластно все: ханства и царства, народы и цивилизации. Порой кажется, что им подвластно само время.

За край этой огромной караванной ойкумены зацепился город Оренбург – крайний российский форпост в Азии. Если Астрахань являлась южными воротами России в Азию, то Оренбург был воротами северными. Основанный в середине XVIII века Оренбург защищал

российские границы от кочевников и был местом торговли. Именно сюда шли караваны из среднеазиатских ханств и Китая. Именно оттуда Россия распространяла свое влияние в казахские степи и далее.

Император Александр I учредил в Министерстве иностранных дел особый Азиатский департамент, «имеющий главным предметом своим дела азиатских народов, России подвластных, а равно и тех, с коими сие государство находится в торговых или других каких-либо сношениях...».

В ведении Азиатского департамента, кроме всего прочего, находились дела кочевых народов, обитающих в Кавказской, Астраханской и частью Саратовской губерниях, а также дела всех орд киргиз-кайсаков (нынешних казахов). При этом казахи, вступившие в российское подданство, состояли в ведомстве оренбургского военного губернатора, а частично – Оренбургской пограничной комиссии.

Пограничная комиссия являлась фактическим филиалом МИДа и ведала дипломатическими отношениями с казахскими и среднеазиатскими ханствами, следила за происходящими в них событиями, собирала и изучала материалы по истории и географии, экономике и этнографии этих стран. Вступление казахов в российское подданство требовало постоянного участия наших дипломатов. В отношении с ханствами Средней Азии Россия в первой половине XIX века исходила, прежде всего, из интересов развития торговли, обеспечения безопасности торговых караванов и возвращения российских пленников, находившихся там в рабстве.

Руководил пограничной комиссией дипломат и разведчик, один из выдающихся деятелей Большой Игры барон Григорий Федорович Генс. Выпускник Инженерного корпуса, он всю свою службу прослужил в оренбургских степях, проведя не один год в рискованных степных экспедициях и поездках, зарекомендовав себя превосходным переговорщиком и топографом, строителем укреплений и этнографом. Заслуги Генса не остались без внимания. За свою честную службу его регулярно повышали в чинах, а грудь начальника пограничной комиссии украшали ордена Святой Анны с алмазами и Георгий 4-й степени.

Какие задачи ставила перед собой Россия в Азии в первой половине XIX века? Прежде всего, Азия являлась огромным рынком для российских товаров, который следовало освоить раньше англичан. Для этого необходимо было подружиться со среднеазиатскими ханами, установив дипломатические отношения, и обезопасить караванные пути. Отдельной задачей являлось вызволение из тамошнего рабства русских людей.

К началу XIX века стало очевидно, что осуществлять проникновение в Среднюю Азию через Астрахань, Персию и восточное побережье Каспийского моря крайне затратно и неперспективно. Именно тогда Петербург и обратил свой взгляд на Оренбург – заштатный губернский городок на краю империи. За Оренбургом начинались бескрайние киргизские степи, за которыми среди песков располагались все еще недостижимые Бухара и Хива. Именно этот город и стал на долгие годы стартовой позицией нашего проникновения в Азию в XIX века.

Что представлял собой Оренбург того времени? Основу города составляла крепость, построенная посреди степи, при слиянии рек Урал и Ор. Оренбург являлся, прежде всего, военным городом и местонахождением военного губернатора, который одновременно является и командиром отдельного Оренбургского корпуса. Здесь находился штаб корпуса и проживали наиболее высокие чины с многочисленными адъютантами.

Надо сказать, что при этом Оренбург был городом весьма небедным. Приграничная торговля приносила хороший барыш не только купцам, но и простым горожанам. По свидетельству современников, драгоценные металлы завозили в таких размерах, что наша сторона не успевала противопоставить этому потоку нужное количество ответных товаров. Только в одном каменном Гостином дворе губернского центра действовало более 300 лавок, а годовой таможенный сбор доходил до 85 тысяч тогдашних рублей. В центре Оренбурга находился и большой торговый двор с многочисленными лавками как для здешних купцов и лавочников,

так и для купцов бухарских и хивинских, которые ежегодно приводили сюда большие караваны.

В отличие от Астрахани, которая возникла хаотично, Оренбург с самого начала строился планомерно и четко, по европейским лекалам. Фактически он был вторым городом после Петербурга, где при закладке была соблюдена правильность геометрических форм. Крепость и город строились одновременно. Оренбург начинался на набережной, а заканчивался у Самарских ворот. С главной улицей не стали мудрствовать, а назвали просто – Большая. В центре города, как и положено для столицы губернии, дом губернатора, главный собор, дворянское собрание, казармы и купеческие дома. За крепостным валом вне защищенной части Оренбурга раскинулся форштадт – Голубиная слободка, населенная казаками и калмыками, башкирами и киргизами, бухарцами и ссыльными, отставными солдатами, пришлым торговым людом, а также попавшими в плен в 1812 году французами, прижившимися на новом месте. Зимой Оренбург заносило снегами, а мороз бывал таков, что на лету замерзали птицы. Что касается снежных бурь, то злее их не было больше в России. Летом, наоборот, невыносимая жара, а по улицам носились смерчами тучи пыли.

Дома в Оренбурге по большей части деревянные и одноэтажные. Те, кто побогаче, выделялись большими дворами и многочисленными хозяйственными постройками. Самый солидный дом в городе – резиденция генерал-губернатора, из окон которого открывался красивый вид на южную степь. Многонациональный состав города обусловил присутствие православных, протестантской и католической церквей, а также нескольких мечетей. В полутора верстах к югу от города, на левом берегу Урала, находился большой меновой двор, внутри которого размещались сотни маленьких каменных лавок. В просторном дворе церковь, а также дома для таможенников и надзирателей. Поскольку здесь ежегодно меняли у киргизов тысячи овец, на меновом дворе сооружено из дерева несколько вместительных загонов. В западной части города, в степи, находились большой караван-сарай, госпиталь, а также большой тенистый сад, принадлежащий военному губернатору. К саду из города вела аллея, большинство деревьев которой, увы, засохли.

Улицы города, за исключением Большой, не вымощены, но так как почва состояла из твердого песка, в дождливую погоду грязи было мало. На улицах всегда полно экипажей и повозок, телег и арб, ржали лошади, истошно кричали ослы и верблюды.

По традиции при генерал-губернаторах проживала солидная свита гвардейских офицеров и чиновников – составлявших местное высшее общество. В разных местах города, но особенно вблизи от мечетей проживали татары. Практически все были торговцами, а некоторые ремесленниками. Образованные татары устраивались на службу в государственные учреждения в качестве переводчиков. Киргизы служили в Оренбурге в большом количестве как рассыльные и наемные рабочие. Для этого они получали от пограничной службы разрешительные справки, которые надо было ежегодно обновлять и платить за это один рубль. Проживающие в Оренбурге бухарцы в большинстве являлись торговыми служащими богатых бухарских домов, хозяева которых навсегда или на несколько лет осели в Оренбурге. Башкиры в значительном количестве зимой и осенью жили в Оренбурге, где они вместе с казаками обеспечивали патрули и другие службы. Размещались башкиры при этом в собственном стане, расположенном недалеко от города. По свидетельству современников, в Оренбурге проживали также немцы и поляки.

Бывший в те годы в Оренбурге граф фон Хельмерсен писал: «На каждом шагу самая пестрая смесь, поражающие взгляд контрасты в чертах лица, одежде, языке и обычаях. Рядом с бледными европейцами во фраках и круглых фетровых шляпах передвигаются загорелые киргизы и бухарцы, живописно одетые и со своеобразными манерами. Здесь – беседует группа элегантно одетых дам и господ на беглом русском и французском, там – раздается жесткое и грубое звучание киргизского языка. Со стороны церквей звучит пронизывающий звон коло-

колов, от минарета мечети – мусульманский призыв муллы. Русские переняли в своей одежде кое-что от киргизов и бухарцев, так, например, многие казаки и другие люди одеваются в грубые хлопчатобумажные халаты бухарцев и хивинцев и в широкие кожаные штаны киргизов. Зимой киргизские меховые шапки пользовались большим спросом у всех мужчин. Шубы из лошадиной шкуры волосяным покровом наружу, так называемые ергаки, являлись одеждой всех сословий без различия, а полные костюмы из таких же шкур по европейскому покрою представляли собой излюбленную охотничью одежду».

* * *

Оренбургский купец средней руки имел караван до полусотни верблюдов, более мелкие объединялись в артели. Хороший верблюд брал на спину тюк в 16 пудов. Поэтому средний караван вез до восьмисот пудов товара. Лучшими верблюдами в степи всегда считались верблюды Каршинской степи, что раскинулась у подножия Зеравшанского хребта. Каршинские верблюды были самые выносливые. Если обычный верблюд проходил в день не более двенадцати верст, то каршинец может одолеть более полутора десятков. И хотя на первый взгляд разница не слишком велика, за месяцы пути преимущество каршинских верблюдов весьма заметно. Заполучить несколько десятков каршинцев было мечтой любого караванщика, но по карману это было далеко не всем, т. к. каршинцы стоили гораздо дороже остальных среднеазиатских бактианов.

Путь любого каравана пролегал от одного караван-сарая до другого, как у торговых судов от порта до порта. Только в караван-сараях караванщики чувствовали себя в безопасности. Там можно было отдохнуть, узнать новости, развьючить и напоить верблюдов. Торговля товарами производится зачастую не на базарах, а прямо в караван-сараях. В больших караван-сараях выбор товаров был всегда настолько велик, что каждый мог найти себе желаемое по имеющимся средствам. Сабли и кольчуги, наконечники стрел из кости, стали и железа... Тут же древки для стрел из карагача, ясеня или бамбука, дамасские сабли, щиты, ювелирные изделия, алмазы и рубины, изумруды и гранаты, бирюза и оникс... Всегда большим спросом пользовались металлы – золотые и серебряные слитки, медные, свинцовые и стальные листы. Неизменно в большом выборе имелись бумага и дрова, войлок и строительный лес, зерно и фрукты, овощи и сладости и конечно же хлеб. Рядом с большими караван-сараями располагались небольшие базары, где торговали кормом для верблюдов и лошадей. Там же можно было нанять новых погонщиков, поменять деньги у местных менял.

Сосредоточение больших богатств в одном месте всегда привлекало лихих людей. Поэтому караван-сарай имели крепкие стены и вооруженную охрану, а порой даже медные пушки. Но нападали разбойники не часто. Дело в том, что каждый караван-сарай имел свою «крышу» со стороны местных властей, а порой и от самих разбойников. Поэтому грабить купцов предпочитали подальше от караван-сарая в местах безлюдных и диких. Да и нападали на караваны в основном отмороженные казахские и туркменские разбойники – басмачи и карокчи. Более серьезные люди предпочитали договариваться.

Что и говорить, Оренбург того времени был городом, совершенно непохожим на остальные губернские города России, а начинавшаяся прямо за его околицей Великая степь манила многих искателей приключений. Здесь на самом краю империи можно было легко сложить голову и столь же легко разбогатеть или сделать блестящую карьеру. Если в Америке того времени существовал живший по своим законам Дикий Запад, то у нас был свой, не менее дерзновенный Дикий Восток... Именно здесь на «Диком Востоке» России тогда жили и вершили историю самые отчаянные герои Большой Игры...

* * *

В 1833 году в Оренбург прибыл назначенный генерал-губернатором и командующим отдельным Оренбургским корпусом 39-летний генерал-майор Василий Алексеевич Перовский. Такого молодого губернатора Оренбург еще не видывал. Современники пишут, что Перовский был очень красив собой, рост имел выше среднего, «взгляд имел строгий и суровый», имел изящные великосветские манеры и обладал необыкновенною физической силой, так что свободно разгибал подковы. При этом новый губернатор был чрезвычайно обаятельным и приятным в общении человеком. Подражая императору Николаю, Перовский любил отобедать гречневой кашей в горшочке с солеными огурцами. То же блюдо всегда предлагал и гостям. Чиновники меж собой так и говорили:

– Кто у нас сегодня на соленые огурцы к губернатору!

В то же время Перовский был прекрасно образован, дружил с Жуковским, приятельствовал с Пушкиным, Карамзиным. Известно, что впоследствии Пушкин, во время проезда своего в Оренбург, остановился именно у Перовского. Ко всему прочему, Перовский являлся представителем высшей аристократии, т. к. являлся незаконным сыном графа Алексея Кирилловича Разумовского, племянника морганатического мужа императрицы Елизаветы Петровны. При этом Перовский имел в Петербурге множество врагов (главным образом из-за своей безукоризненной честности), которые ставили ему палки в колеса всякий раз, как только представлялся случай. Своих врагов Перовский не боялся и презирал, но от их интриг страдал и мучился.

До своего приезда в Оренбург генерал Перовский прошел хорошую боевую школу. В восемнадцать лет участвовал в Бородинском бою, где ему оторвало пулей палец на руке (поэтому он носил потом вместо пальца золотой наперсток), при выступлении французов из Москвы попал в плен. В феврале 1814 года ему удалось бежать и присоединиться к русской армии. После этого участвовал во многих боях. Вернувшись в Россию, был зачислен в Генеральный штаб, сопровождал великого князя Николая Павловича в его путешествии по России. В турецкую войну 1828 года отличился под Анапой, где был тяжело ранен.

Единственно, что омрачало начало нового правления в Оренбурге – небольшой чин Перовского. Дело в том, что начальником расположенной тогда в Оренбурге 26-й пехотной дивизии являлся генерал-лейтенант Жемчужников, а начальником бригады – генерал-майор Стерлих. Генералы были весьма заслуженными военачальниками, причем оба намного старше Перовского в чинах. Поэтому оба ждали, что Перовский как вновь приезжий первым нанесет им визит. Но Перовский этого не сделал. Тогда генерал Жемчужников написал военному министру, испрашивая указаний, как ему поступить в данном случае... В ответ за нарушение субординации ему предложили подать в отставку, что тот и сделал. Так же поступил и Стерлих.

А чтобы исключить впредь подобные недоразумения, вскоре из Петербурга Перовскому прислали указ с приложенными генерал-лейтенантскими эполетами.

Теперь Перовский мог править вверенным ему огромным краем, не оглядываясь ни на кого, и генерал-лейтенант засучил рукава...

Следует отметить, что, имея обширные полномочия и права командира отдельного корпуса, Перовский крайне неохотно предавал суду служащих, как военных, так и гражданских чиновников, и принципиально отказывался утверждать смертные приговоры.

Перво-наперво губернатор стал собирать вокруг себя людей толковых и надежных, невзирая на их чины. Так, чиновником для особых поручений Перовский взял врача Владимира Даля (будущего великого словесника). Бывший ссыльный поляк Томаш (Фома) Зан, сотрудники пограничной комиссии братья Николай и Яков Ханьковы были привлечены к изучению Оренбургского края и казахского приграничья. Фактически Перовский создал собственное

разведывательное бюро. Впоследствии все трое, кто больше, кто меньше, стали участниками Большой Игры.

В канцелярии Перовского трудился в качестве переводчика IX класса от Азиатского департамента Министерства иностранных дел выпускник Царскосельского лицея Николай Ханьков. Пока он большую часть времени усиленно учил восточные языки и составлял служебные бумаги. Однако уже тогда сослуживцы его называли не иначе, как гениальным юношей. Пройдут годы, и Ханьков станет одним из самых блестящих игроков Большой Игры. В свое время мы о нем еще не раз будем говорить. Пока же просто запомним его имя.

Глава десятая

А несколькими годами ранее в Большую Игру со стороны России вступил новый игрок – Ян Виткевич – [российский офицер](#) и [востоковед](#). Родился Виткевич в [1808 году](#) в мелко-поместной [литовской](#) семье. Учился в [гимназии](#) в [Вильно](#). В [1823 году](#) за участие в тайной польской организации «Черные братья» был приговорен к сдаче в [солдаты](#) «без выслуги лет», т. е. навечно. Тянуть солдатскую лямку молодого заговорщика отправили далеко на восток – в оренбургские степи, в 5-й линейный батальон Отдельного [Оренбургского](#) корпуса, размещенный в заштатной Орской крепости.

К удивлению начальства, солдат Виткевич оказался блестяще образован и эрудирован. Кроме всего прочего, он свободно владел немецким, английским, французским, польским и русским языками. За недолгое нахождение в крепости, общаясь с местными жителями и купцами, Виткевич освоил фарси, узбекский, киргизский и чагатайский. Разъезжая по делам службы, Виткевич подолгу задерживался в становищах и аулах, где изучал обычаи и нравы казахов, постигал законы ислама. Спустя пару лет он уже поражал собеседников, цитируя на память Коран целыми главами.

В [1829 году](#) Виткевич познакомился с известным немецким ученым и путешественником [Александром Гумбольдтом](#), который выпросил его у начальства в качестве переводчика на время путешествия по азиатской части России. При этом Виткевич, значительно превысив свои задачи, помимо работы переводчиком стал фактически правой рукой всемирно известного натуралиста во всех его изысканиях.

Помощью Виткевича Гумбольдт остался очень доволен, высоко оценив деловые качества и ум своего помощника. Ученый был настолько тронут печальной судьбой молодого человека, что по прибытии в Оренбург ходатайствовал о смягчении его участи перед военным губернатором. Не забыл Гумбольдт о своем переводчике и в Петербурге. В конце концов, по ходатайству академика опального инсургента в [1830 году](#) произвели в [унтер-офицеры](#).

При этом оренбургский генерал-губернатор граф Сухтелен просто закрыл глаза на постановление суда о сдаче в солдаты «без выслуги лет». Как говорится, суровость российских законов компенсируется их невыполнением, тем более на окраинах. Впрочем, понять начальство можно, где еще найти в диком степном краю столь толкового эрудита-полиглота!

Следует сказать, что Виткевичу определенно повезло на начальников. Председатель [Оренбургской пограничной комиссии барон фон Генс](#), разглядев в скромном унтер-офицере несомненный талант разведчика, забрал Виткевича к себе.

В августе 1831 года Виткевич встречал в Оренбурге афганского принца Ша-заде и участвовал в переговорах о цели его прибытия в Россию и дальнейших планах. При этом Виткевич, как обычно, значительно превысил свои полномочия переводчика, выведав подробные сведения о самом принце, его родственниках, деловых связях в Афганистане и Бухаре, о степени влияния принца на политику государства. Докладом инициативного подчиненного Генс был очень доволен. Участвуя в переговорах с афганцами, Виткевич вначале познакомился, а затем и подружился с дипломатическим чиновником делегации Гуссейном-Али. Впоследствии эта дружба сыграет в судьбе Виткевича решающую роль.

А затем были новые командировки в степь. Надо сказать, что унтер-офицер Виткевич в одну из поездок по степи на свой страх и риск своевольно побывал... в Бухаре. Сопровождаемый всего лишь двумя верными казаками, он верхом за семнадцать дней по глубокому снегу, через замерзшую Сырдарью совершил переход в Бухару. Большие темные глаза, черная борода, обстриженная макушка и смуглое лицо делали храброго поляка похожим на мусульманина. Ну, а соответствующая одежда, знание языка и обычаев явились залогом того, что в нем никто так и не опознал европейца. Результаты этой рискованной поездки были довольно скромными,

так как Виткевич, чтобы не вызвать гнев начальства, вынужден был быстро вернуться. Но свои качества смелого и предприимчивого агента он тогда продемонстрировал.

К моменту очередного возвращения Виткевича в Оренбург там скончался от сердечного удара губернатор Сухтелен, узнавший накануне о любовных похождениях своей жены. Вместо него и был назначен генерал-майор Василий Перовский.

Новый генерал-губернатор, как мы уже говорили, был человеком деятельным, поэтому его помощники в Оренбурге не засиживались. Что касается Виткевича, он был направлен в глубь [Киргиз-Кайсацкой \(Казахской\) степи](#) для разбора взаимных претензий между кочевыми родами. Во время поездки портупей-прапорщик собрал полезные сведения о путях через степи, нравах местного населения. Пришлось участвовать Виткевичу и в приграничных стычках с разбойничьими шайками казахов.

Надо сказать, что Перовский занимался не столько обыденными делами губернатора, сколько вопросом усиления российского влияния в южных степях.

Так, он решил послать своего разведчика в Бухару, выяснить, что там происходит и не пробрались ли туда англичане. Посоветовавшись с Генсом, решили послать Виткевича. Так как он все еще числился ссыльным, Перовский запросил на это разрешение императора. Ответ Николая I был передан ему через военного министра графа Чернышева: «Его Величество хотя и изволил признать прежние поступки его (Виткевича. – *В.Ш.*), за которые он назначен на службу в Оренбургский Отдельный корпус, следствием его тогдашней молодости, но, находя неудобным вверять столь важное поручение подобному лицу, высочайше предоставляет Вам, милостивый государь, избрать для отправки в Бухарию другого опытнейшего и благонадежного чиновника». В дополнение военный министр мотивировал отказ тем, что у Виткевича, по данным военного министерства, нет даже офицерского чина. В результате в Бухару (под именем мирзы Джафара) был командирован преподаватель Оренбургского военного корпуса Петр Демезон. Перовский был крайне раздражен неудачей своего ходатайства – приходилось менять принятое решение, да еще и оправдываться перед начальством, а этого самолюбивый генерал-губернатор не выносил.

Как и предчувствовал Перовский, поездка Демезона была напрасной тратой времени и денег. Корпусной учитель ничего толком не выяснил и сам едва не лишился жизни, когда подвергся нападению разбойных казахов. Слушая сбивчивый доклад насмерть перепуганного Демезона, Перовский кусал губы. Ему нужен был профессионал!

* * *

Как бы то ни было, но решать вопрос с Бухарой было надо. Поэтому в мае [1832 года](#) Перовский добился для Виткевича чина [портупей-прапорщика](#). Это был еще не полноценный офицерский чин, но даже эти скромные погоны открывали для Виткевича совершенно новые возможности.

В один из дней генерал-губернатору Оренбурга сообщили, что местные поляки, огорченные «несчастливым последствием польской революции», задумали мятеж. Они якобы планировали убийства губернатора и коменданта, захват Оренбурга и последующее распространение мятежа по всей Оренбургской губернии. Агент уверял, что в заговор вовлечены не только поляки, но и несколько десятков русских солдат и казахов. Руководителями заговорщиков были названы трое служителей Оренбургской пограничной комиссии, среди них и Виткевич. Получив известие о заговоре, Перовский приказал арестовать всех подозреваемых, создать следственную комиссию и произвести дознание. Аресты были произведены, но комиссия ничего толком выяснить так и не смогла. До сих пор историки спорят, а был ли заговор.

При этом против Виткевича никаких улик вообще не было. Свидетели говорили только, что он собирался бежать в Хиву. На очных ставках Виткевич с гневом отрицал преступный замысел.

– Говорили ли о побеге в Хиву? – спрашивали следователи.

– Разумеется, говорил! – утвердительно кивал Виткевич. – Но не о побеге, а о поездке! Кстати, кроме Хивы, я мечтаю посетить и Бухару, и Коканд!

Когда о результатах дознания доложили Перовскому, тот облегченно вздохнул:

– Отстаньте от Виткевича и больше никогда не трогайте!

Через пару недель было закончено и все следствие. Все завершилось оправдательной резолюцией, которая выражала волю Перовского.

А вскоре Генс отправил Виткевича в очередную поездку по степям с немецким ботаником Лессингом. Как обычно, Виткевич вел переговоры с казахскими старшинами, занимался изучением местности и составлял карты, проделав с Лессингом путь от Орска до Гурьева.

Пока портупей-прапорщик мыкался по степям, Перовский вызвал к себе барона Генса. После крепкого и густого кофе, которое запивали холодной водой (по-восточному), казачок-чубукчи подал раскуренные трубки. Генс достал из кармана собственный мундштук и, вставив в трубку, с наслаждением затянулся.

– Настало время вплотную заняться ханством Бухарским, – заявил Перовский после первой затяжки, – как думаешь, кого можно послать в их логово.

– Хороших ребят у меня несколько, но лучший один, – ответил, глядя в глаза, Генс.

– Кто же?

– Виткевич! – без всяких раздумий ответил Генс.

– Кандидатур достойный, но не слишком ли молод? – спросил испытующе Перовский, хотя для себя в отношении Виткевича все уже давно решил.

– Это его единственный недостаток! – усмехнулся Генс.

Затянувшись трубкой, он дал понять, что других кандидатов просто не рассматривает.

– Что ж, тогда его и готовь! – кивнул Перовский, поняв намек председателя пограничной комиссии. – Я тоже, кроме него, для столь сложной поездки не вижу никого.

Едва Виткевич вернулся в Оренбург, Генс вызвал к себе портупей-прапорщика:

– Готов ли ехать в Бухару?

– Почту за честь! – вскинул голову Виткевич.

– В каком обличье ты желал бы отправиться в Бухару? Купцом или муллой?

– Я русский офицер! – гордо вскинул голову Виткевич, потом запнулся. – Почти офицер! Поэтому мне оскорбительно скрывать свое имя и звание!

– Тогда не будем терять времени, ибо дело предстоит серьезное и опасное! – кивнул Генс.

Однако не все было так просто. Дело в том, что в Оренбурге в тот момент располагалось английское евангелистское общество. Официально якобы занимаясь христианским миссионерством среди казахов, члены миссии на деле шпионили в интересах Британской Ост-Индской компании. Едва заступив на должность, Перовский сразу же поднял вопрос об уничтожении вражьего гнезда. Но император Николай, не желая осложнять и так весьма непростые русско-английские отношения, пока с этим решением медлил.

Когда год назад Перовский послал в Бухару своего чиновника Петра Демезона, английский посол в Петербурге устроил министру иностранных дел Нессельроде форменный скандал.

Скрыть от англичан подготовку к новой экспедиции в Бухару возможным не представлялось. Поэтому, посоветовавшись, Перовский и Генс пошли на хитрость. Перовский официально направил Виткевича в глубь Казахской степи якобы для очередного разбора взаимных претензий между казахскими родами, «где пребывание его, в особенности на Сырдарье, может доставить нам полезные сведения и о странах Средней Азии». Кроме того, Виткевичу надлежало также найти и освободить оренбургского казака Степанова с женой, захваченных

в плен степными разбойниками. Для большей убедительности он даже получил соответствующую инструкцию. Узнав об этом, члены миссии успокоились. Оренбургские офицеры ездили в степи постоянно, и нечего важного для английских шпионов в том не было.

Чтобы исключить любую утечку, Генс все свои указания по предстоящей разведке давал Виткевичу только устно. Благо память у того была феноменальная. В Бухаре портупей-прапорщик должен был заняться сбором политической информации о делах в [Центральной Азии](#), и, прежде всего, между [Кокандским](#), [Хивинским](#) ханствами и [Бухарским эмиратом](#), о взглядах их правителей на Россию. Отдельной задачей Перовский приказал вызнать все возможное о британских устремлениях в Азии.

* * *

9 ноября 1835 года, получив на расходы три тысячи рублей, Виткевич покинул Оренбург с одним из попутных торговых караванов. Поскольку бухарцы и хивинцы призывали казахов не подчиняться России, Виткевичу вменялось в обязанность, находясь в степи, внушать казахам, что чужеземцы толкают их на преступления в своих корыстных целях, добиваться, «чтобы они их у себя не терпели». Кроме этого, он должен был разъяснять казахам вредность междоусобиц и взаимных грабежей, «вообще нужно объяснять, что правительство старается единственно о пользе их, желая водворить и упрочить в Орде совершенное спокойствие».

Урегулировав вопрос с возвращением из плена казака Степанова с женой, Виткевич решил, что на этом формальная часть его миссии завершена. Встретив идущий в Оренбург караван, он передал записку для Генса, в которой была всего одна фраза: «Обстоятельства принудили...» Это значило, что с этого момента портупей-прапорщик приступает к выполнению своей главной задачи – отправляется в Бухару.

Встречный караван еще не скрылся из вида, как Виткевич достал из походного саквояжа военную форму. Перепуганный проводник, увидев это, упал на колени:

– Тебя казнят еще у ворот Бухары, а вместе с тобой лишат головы и меня несчастного!

– Я посланник генерал-губернатора Оренбурга, и этим все сказано! С твоей же головы не упадет ни один волос! – уверил старика Виткевич, а для полного успокоения вручил ему золотой империал.

Позднее историки отметят, что поведение Виткевича с самого начала его миссии было весьма отлично от поведения тогдашних английских офицеров-разведчиков в Средней Азии. Последние, боясь разоблачения, в обязательном порядке маскировались под купцов и дервишей. Виткевич же прибыл в Бухару в русском мундире! Такого в истории Бухары еще не было.

* * *

В середине 30-х годов XIX века Бухара являлась центром всей среднеазиатской торговли, а следовательно, и центром среднеазиатской политики. Крупнейшее и богатейшее ханство во многом определяло вектор политических предпочтений недоверчивых азиатских ханов. Именно от нее на юг и север, на запад и восток пролегают караванные пути. Хива, Коканд, Самарканд, Карши, Шахрисабз, Термез и Хорезм начисто проигрывали торговую конкуренцию Бухаре.

Бухарское ханство располагалось в плодородных долинах реки Зеравшан. К началу XIX века в Бухарском ханстве проживало около трех миллионов человек, узбеков, таджиков, туркмен, персов, евреев и цыган. Крупнейшим городом наряду со столицей был Самарканд. Кроме того, к числу заметных центров принадлежали Карши, Меймене, Каракуль, Катта-Курган. Важную роль играла также крепость Джизак в северо-восточной части ханства, опираясь на которую бухарцы собирали дань с кочевников-казахов. Во многих бухарских городах были хорошо

развиты ремесла. Сама Бухара славилась шелковыми и хлопковыми тканями. На полях выращивались хлопок и рис, пшеница и кунжут, процветали садоводство и огородничество. Бухара активнее прочих ханств вела торговлю с Россией, как вывозя свои товары, так и закупая русские, а также являясь главным транзитным торговым пунктом на пути в Персию и Индию.

Особой статьей дохода в Азии всегда было взимание торговых пошлин. Их собирают все и везде. Поэтому купцы и странствующие торговцы вынуждены задира́ть цены на товары. Впрочем, так было всегда и это никого не удивляет. Только в Бухаре, в отличие от других ханств, пошлина всегда небольшая.

В 1826 году в Бухаре умер очередной эмир Хайдар и трон перешел к его старшему сыну Хуссейну. Однако младший сын Батур-хан, правивший городом Карши, тоже возжелал стать эмиром. Желая захватить власть, он выступил на Бухару с войском, но, когда навстречу вышло войско старшего брата-эмира, повернул вспять. Впрочем, вскоре Хуссейн скончался то ли от болезни, то ли от яда. Теперь Батур-хан как следующий по старшинству получил полное право на престол. Однако бухарские вельможи, боясь его мести, решили передать власть третьему сыну Хайдара Омару. В ответ Батур-хан снова собрал войско и захватил Самарканд, провозгласив там себя эмиром. Затем его войско подошло к Бухаре и осадило ее. Умный Батур-хан сговорился со столичными военачальниками, и те, соблазненные щедрыми посулами, открыли ему ворота. Спасая жизнь, Омар-хан бежал в туркменские земли, а оттуда в Герат. А Батур-хан, став эмиром, принял имя Насрулла. Правил Насрулла твердо и жестоко. В том ему помогал верный кушбеги (первый министр) Султан-хан-ходжа, страстно любящий поэзию и алхимию.

К России, в отличие от других ханов, Насрулла был настроен достаточно дружелюбно, так как видел в том и торговую, и политическую выгоду. При этом реальных отношений между Бухарой и Петербургом все еще не было. Между тем англичане уже нащупывали, со своей стороны, подходы к Бухарскому ханству. Поэтому перед Виткевичем стояла задача положить начало дружеским отношениям между двумя державами.

* * *

Итак, в начале января [1836 года](#) Виткевич прибыл в Бухару. По городу он открыто разъезжал в мундире портупей-прапорщика, сопровождаемый лишь верным узбеком Шапулатом. Видя его, местные жители изумлялись, а дервиши, показывая грязными пальцами, кричали:

– Этот русский приехал к нам неспроста! Он посланник Белого царя, который вскоре придет сюда сам. Так предсказано еще пророками! Правоверные, пока не поздно, кайтесь в своих грехах!

Так как Виткевич был представителем генерал-губернатора, а не российского императора, эмир Насрулла в аудиенции ему отказал. Однако Виткевич несколько раз имел долгие и весьма доверительные беседы с всемогущим кушбеги Султан-ходжой.

Беседы шли о состоянии русско-бухарской торговли. При этом Виткевич настаивал на выдаче находящихся в неволе русских пленников. Между делом кушбеги рассказал Виткевичу, что совсем недавно в Бухаре побывал англичанин Александр Бёрнс. Эта информация была исключительно важной. Так как полностью подтверждала опасения Перовского, что Британская Ост-Индская компания уже запустила свои руки в Среднюю Азию.

Когда же Султан-ходжа начал рассказывать, что если Бухара будет поставлять в Индию свои товары, то быстро разбогатеет. Так, по крайней мере, говорил кушбеги англичанин Бёрнс.

На это Виткевич только рассмеялся:

– Думаю, что ваш гость вас обманул. Англия никогда не будет покупать ваш хлопок и сушеные фрукты, так как в Индии этого добра достаточно, а больше Бухаре торговать просто нечем! А вот Россия как раз покупать хлопок и фрукты у вас будет. Кроме того, повернув-

пишь спиной к России, Бухара лишится русского железа, меди, других изделий российской промышленности.

– Но это могут нам привезти англичане! – насупился кушбеги.

– Увы, англичане же чего-либо подобного им доставлять не будут. Индия настолько огромна, что сама все это легко поглощает! К тому же, если генерал-губернатор Оренбурга узнает, что вы торгуете с англичанами, он немедленно арестует все бухарские товары.

В тот день кушбеги и портупей-прапорщик расстались весьма холодно. Но уже на следующей встрече Султан-ходжа был на редкость улыбчив и предупредителен, а об англичанах и не упоминал. Однако, когда речь зашла об освобождении русских пленников, кушбеги закатил в потолок глаза:

– Этот вопрос может решить только его величество эмир!

– Так пусть он его и решит! – настаивал Виткевич.

– Для этого мы должны быть уверены в вашем добрососедстве. К тому же рабы стоят больших денег, и мы понесем убытки. Пусть Белый царь предложит нашему эмиру выкуп, а мы подумаем... – начал наводить тень на плетень кушбеги, и Виткевич понял, что в эту поездку данный вопрос ему не решить.

В Бухаре Виткевич также встретил прибывшего из Кабула своего старого знакомого афганского дипломатического чиновника Гуссейна-Али. На этот раз Гуссейн-Али возглавлял афганскую дипломатическую миссию, которая направлялась в Петербург. Дело в том, что умный и прагматичный эмир Афганистана [Дост Мохаммад](#), узнав о двойной игре англичан, которые решили свергнуть его с престола, спешил заручиться поддержкой России. Это оказалось как нельзя кстати! Совершенно неожиданно Россия получала могущественного союзника прямо на пороге Индии! Для Виткевича эта встреча была как нельзя кстати.

Как бы между делом Виткевич встретился с выходцем из Индии английским агентом влияния купцом Низаметдином, еженедельно отправлявшим отчеты о бухарских делах своему резиденту в Кабуле. Низаметдин усиленно интересовался связями России с Хивой, Новоалександровским укреплением на Каспийском море, новой русской военной линией в Казахской степи. Не раскрывая деталей, Виткевич ответил на ряд его вопросов, после чего задал свои. Как ему удалось установить, Низаметдин на следующий же день отправил срочное донесение в Кабул. В свою очередь, Виткевич получил нужную ему информацию о характере присутствия англичан в Бухаре.

Войско эмирата Виткевич оценил в двенадцать тысяч человек. Меньшую часть их составляли аламань – некое подобие старых русских стрельцов. Большую часть ополченцы-кайсаки.

«Ополчение из кайсаков, – отмечал Виткевич, – из кочующих узбеков и другой сволочи, могло бы составить до 50 тыс. менее чем полувооруженных ратников; но собрать их действительно дело весьма трудное, а заставить их драться и содержать в целом составе своем сколько-нибудь продолжительное время – еще труднее, даже невозможно. У кого продовольствие вышло, тот едет домой; и все войско нередко исчезает в несколько дней, может быть, в самую роковую минуту, которая должна решить участь похода и целого ханства!» В Бухаре имелось восемнадцать старых пушек, из которых только четыре с лафетами. Одна пушка, подаренная персами, имела вензель императрицы Елизаветы Петровны. В бою бухарцы обычно привязывали пушку к арбе и так стреляли. Получалось, прямо скажем, не очень. Мелкие фальконеты бухарцы прикрепляли к седлам верблюдов. Толку от этой артиллерии также было немного.

В целом деятельность скромного портупей-прапорщика в Бухаре была на редкость плодотворной. Данные ему поручения Виткевич, как всегда, намного перевыполнил. Во время поездки Виткевич вел подробные путевые заметки, в которые, как профессиональный разведчик, записывал все, что увидел и услышал.

Возвращался Виткевич в Россию не один, а со своим другом Гуссейном-Али. В феврале 1936 года портупей-прапорщик покинул Бухару, а 18 апреля уже прибыл в Орскую крепость.

* * *

Генерал-губернатор Перовский результатами миссии Виткевича остался доволен. В награду Перовский тут же назначил Виткевича своим адъютантом. Любопытно, что создание сводного обзора собранной Виткевичем информации было поручено его приятелю – чиновнику канцелярии генерал-губернатора Владимиру Далю. Перовский лично, с большим вниманием, изучил доставленные Виткевичем сведения о Бухаре и Средней Азии, после чего направил в Министерство иностранных дел подробный доклад, в котором изложил обстоятельства и цели визита Гуссейна-Али, описал, со ссылкой на Виткевича, его личные качества и признал полезным принять афганского посланца в Петербурге, а просьбы Дост Мохаммада по возможности удовлетворить, сделав его другом России. Ведь в этом случае Дост Мохаммад наглухо перекрыл бы англичанам доступ в среднеазиатские ханства.

Перовский писал графу Нессельроде: «Англичане имеют агентов своих в Кабуле и даже в Бухаре, которые действуют там совершенно против нас и потому необходимо, чтобы наше правительство вошло в ближайшие связи с владельцами азиатскими, сопредельными владениями Ост-Индской компании, а ближайших к нам удерживало непрерывным наблюдением за действиями их мерами твердыми в пределах уважения к могуществу и достоинству империи Всероссийской... В случае отправления Гуссейна-Али в столицу я полагал бы придать ему помянутого прапорщика Виткевича... Виткевич приехал сюда, будучи еще почти ребенком, по тринадцатилетнем пребывании своем здешнем крае вполне искупил вину свою примерным усердием, с коим исполняет все налагаемые на него поручения. Он прикомандирован уже несколько лет к Пограничной комиссии, знает хорошо татарский и персидский языки, может в столице надежным служить переводчиком при расспросах кабульского посланца и сверх этого может дать Азиатскому департаменту подробный отчет касательно всех отношений здешних со степью и с соседними областями Средней Азии». В приложенной к письму приписке Перовский начертил: «Если бы сочли записку эту достойною обратить на себя внимание государя императора, то это было бы для меня тем приятнее, что Виткевич небезызвестный вам, нуждается в том, чтобы замолвить за него доброе слово и стоит этого в полной мере... Вы, милостивый государь, найдете в нем человека дельного, толкового, знающего дело свое, человека практического, который более способен действовать, чем писать и говорить, человека, знающего степь и отношения ее гораздо лучше, чем кто-либо знал и знает ныне...»

Вскоре после письма разрешение на допуск Гуссейна-Али в столицу было получено. При этом Перовскому было велено соблюдать максимальную секретность, чтобы англичане ничего не пронюхали. Граф Нессельроде писал в Оренбург: «...чтобы все распоряжения, какие Вы признаете за нужное учинить по сему предмету, произведены были с крайнею осторожностью, дабы никто не мог подозревать ни качества сего присланного к нам афганца, ни цели его прибытия...»

Итак, предложение Перовского в Петербурге было принято и Виткевичу было разрешено сопровождать в столицу афганского посла. Однако, увидев у себя в штабе на скромном мундире Виткевича золотой адъютантский аксельбант, Перовский затопал ногами:

– Ян, не позорь меня своим видом в столице!

И тут же вручил Виткевичу эполеты подпоручика.

– Это тебе больше к лицу!

* * *

2 июля 1836 года Виткевич и Гуссейн-Али прибыли в Петербург и остановились в меблированных комнатах трактира «Париж» на Малой Морской улице, о чем Виткевич рапортом доложил Перовскому.

Вскоре начались длительные секретные переговоры с посланцем Дост Мохаммад-шаха. Виткевич, разумеется, участвовал во всех переговорах Гуссейна-Али с русскими властями – переводил и консультировал. По итогам переговоров личным распоряжением императора Николая Виткевичу были пожалованы эполеты поручика.

Учитывая, что это был первый официальный контакт с Афганистаном, переговоры прошли как нельзя лучше. После их завершения начальник Азиатского департамента Родофиникин предложил Виткевичу перейти на службу в министерство:

– Вы еще молоды и сможете сделать блестящую дипломатическую карьеру. Для начала обещаю чин коллежского асессора и тысячу годового жалованья против ваших пятисот!

Виткевич скромно отказался:

– Я не привык к столицам, зато хорошо чувствую себя в казахских степях! Ну, а за заботу спасибо!

– От таких приглашений не отказываются, – покачал головой действительный тайный советник. – Не пожалейте в будущем!

– Не пожалею! – отозвался Виткевич.

Прознав кое-что о переговорах и о Виткевиче, с ним начал искать встречи английский посол Джон Джордж Лэмбтон. Англичанин буквально подстерегал подпоручика и, наконец, встретил его прямо на Дворцовой площади. К удивлению, Виткевич и Лэмбтон оказались внешне очень похожи между собой. Англичанина это очень развеселило:

– Если я переоденусь в ваше платье, а вы в мое, то мы сможем долго дурачить наше окружение.

– Будь мы простыми обывателями, это бы действительно было забавно, но и вы, и я являемся носителями многих секретов, а потому такое переодевание будет сочтено государственной изменой, причем как со стороны моего, так и вашего начальства.

В ответ на это Лэмбтон доверительно сообщил своему собеседнику, что очень любит поляков и страдает за потерю Польшей своей независимости, после чего уже сразу перешел к делу:

– Кстати, мы могли бы с вами обменяться некоторыми секретами, что, несомненно, пошло бы на пользу как Англии, так и польскому делу, за которое вы так много выстрадали.

Таким образом, Лэмбтон открыто вербовал Виткевича! Момент действительно был решающий.

Смерив презрительным взглядом своего визави, Виткевич вскинул голову:

– Да, я поляк по рождению, но если вы внимательно посмотрите на мой мундир, то увидите мундир русского офицера. Уходите или я вгоню вам в грудь свою саблю.

– Когда-нибудь вы очень горько пожалеете о своей гордыни и несдержанности! – криво усмехнулся Лэмбтон и, приподняв цилиндр, удалился.

В мае 1837 года Гуссейн-Али стал готовиться к возвращению на родину. Вместе с ним решено было направить и поручика Виткевича: «...С тем, чтобы офицер этот, как знающий восточные языки, сопровождал его до самого Кабула и вручил подарки, следующие к афганским владельцем, если только министр наш в Персии граф Симонич найдет эту посылку Виткевича в Афганистан возможною».

В Министерстве иностранных дел Виткевичу вручили инструкцию, которой ему предписывалось «собрание всяких сведений об Афганистане и других местностях» и ставилась задача

договориться с местными купцами о торговле с Россией, а в устной беседе с ним директор Азиатского департамента был взволнован:

– На тебя, Ян, вся наша надежда. Ты знаешь расклад политических сил в Кабуле, имеешь связи, о тебе уже слышан и афганский эмир. Поэтому, кроме тебя, послать нам некого.

– Что я должен сделать? – посерьезнел Виткевич.

– Ты должен был выяснить, какой именно союз предлагает нам Дост Мохаммад, и установить с ним дружеские связи. Обещай эмиру, что Петербург поможет ему деньгами, оружием и товарами, разумеется, в случае выполнения ряда наших политических условий, главное из которых – полный разрыв с англичанами. Можешь смело обещать два миллиона рублей наличными и еще на два миллиона оружия и товаров. Кроме этого, ты должен нейтрализовать английского резидента в Кабуле.

– Я постараюсь сделать все, что только возможно! – заверил Виткевич.

– Сделай и то, что невозможно! – поставил точку в разговоре Родофиникин.

Глава одиннадцатая

Кратчайший путь в Афганистан пролегал через Кавказ и Персию. Именно этим путем и отправились Виткевич и Гуссейн-Али. Дорога обошлась без происшествий. В Тегеране Виткевич встретился с новым русским посланником графом Симоничем.

Иван Симонич был человеком удивительной судьбы. Далматинец по происхождению, он начал службу в наполеоновской армии и в 1812 году участвовал в походе на Россию. В [сражении под Красным](#) Симонич был взят в плен и отправлен на жительство в [Казань](#). Там в Казани Симонич вскоре женился. После свержения Наполеона Далмация вошла в состав [Австрии](#), и Симонич, не желая служить австрийскому двору, попросился на российскую службу. В 1816 году он был принят в чине капитана в Кременчугский пехотный полк, при этом служил старательно. Спустя четыре года Симонич был произведен в майоры и переведен на Кавказ командиром егерского батальона. Там он участвовал в многочисленных походах против горцев. Особенно же отличился в Елизаветпольском сражении с персами в 1826 году, получив тяжелое ранение и Георгия 4-й степени. Затем Симонич не менее храбро воевал с турками. Между тем карьера бывшего наполеоновского капитана шла в гору. В 1830 году Симонич был произведен в генерал-майоры, вскоре после чего последовало назначение его послом в Персию. Уже известный нам участник Большой Игры капитан Генерального штаба Николай Муравьев (будущий генерал Муравьев-Карский) называл Симонича человеком храбрым и доброй души, чадолюбивым отцом, но нераспорядительным и слабым полковым командиром. Какой был из Симонича дипломат, Муравьев не написал, а жаль! Что касается историков, то они оценивают миссию Симонича положительно.

Узнав о задачах миссии поручика, Симонич был обрадован, так как и сам являлся сторонником поддержки Дост Мохаммад-шаха в его борьбе с англичанами.

В это время Симонич вел в Тегеране собственную сложную политическую игру, склоняя молодого персидского Мохаммед-шаха к аннексии Герата.

В 30-е годы XIX века Герат являлся [полунезависимым ханством](#). В 1836 году Ост-Индская компания поддержала стремления Герата к полной независимости от Персии, что ухудшило отношения Англии и Тегерана. Этим пользовался наш посол в Персии генерал Симонич, который без особого труда склонил персидского шаха на свою сторону, подстрекая его к захвату непокорного Герата.

В случае успеха этого предприятия Персия вклинивалась в афганские владения, и наш посол получал возможность прямого контакта с тамошними властелинами и в первую очередь с Дост Мохаммадом. Ну, а от Афганистана до Индии, как говорится, всего один Хайберский перевал...

– Верните эту жемчужину, захваченную коварным ханом Камраном, и потомки назовут вас великим! – льстил он самолюбию молодого властелина Персии.

При этом Симонич заверял шаха, что уже штурмовал немало крепостей в Европе и прекрасно знает, как это делается.

– Я буду сопровождать вас в походе и помогу в захвате Герата! – соблазнял он Мохаммеда.

Интрига Симонича имела полный успех, и шах начал лихорадочную подготовку к походу, который должен был его прославить. Проведав о происках Симонича, английский посол Джон Макнейл пришел в ужас. На его глазах русские руками персов готовили вторжение в сопредельную с Индией страну, а он был бессилен этому помешать...

В июле 1837 года шах Мохаммед наконец-то выступил в поход против Герата с 25 тысячами пехоты и девятью тысячами иррегулярной кавалерии. Артиллерия персидской армии насчитывала шесть десятков пушек.

Увы, шах Мохаммед не унаследовал никаких военных талантов от своего отца принца Аббаса Мирзы. Фактически персидской армией командовал визирь Хаджа-Мирза-Агасы и генерал Симонич. Вместе с деятельным [Симоничем](#) в походе участвовал капитан Генерального штаба [Бларамберг](#) и несколько членов российской миссии.

26 октября персидская армия подошла к стенам пограничной гератской крепости [Гуриан](#) и, овладев ею за неделю, двинулась дальше. 11 ноября персы уже появились в окрестностях самого Герата. Город-крепость защищал трехтысячный гарнизон во главе с Яр-Магомет-ханом, которому помогал уже знакомый нам английский капитан [Поттинджер](#).

Дальше начались странности. В первый же день шах приказал блокировать двое ворот, но остальные три оставались свободными более трех месяцев, что дало возможность защитникам города свободно подвозить припасы и увеличить гарнизон.

Разбив лагерь к юго-западу от города, персы решили захватить ближайшую к ним башню Бурдж-Хакистер и начали ее обстреливать из пушек. Однако бомбардировка велась крайне бестолково: большинство ядер попадало в город, не нанося башне никакого вреда...

Симоничу приходилось нелегко. Помимо своих прямых дел советника, ему приходилось все время быть настороже. Дело в том, что рядом с ним в осадном лагере Мохаммед-шаха находился английский майор Чарльз Стоддарт – элегантный тридцатилетний красавец с вьющимися волосами. Чтобы быть в курсе всех дел под Гератом, английский посол в Тегеране Генри Эллис отправил вместе с персидской армией своего военного секретаря майора Стоддарта. При этом Стоддарт был сведущ в военном деле, особенно в артиллерии.

Ситуация сложилась для персов и для Симонича неприятная. В осажденном Герате всем верховодил английский лейтенант Поттинджер, а в их собственном лагере официально собирал информацию для Поттинджера Стоддарт. Раздосадованный этим обстоятельством, Симонич неоднократно убеждал персидского шаха удалить английского шпиона:

– Я не сомневаюсь, что у Стоддарта есть канал тайной связи с Гератом и все наши замыслы сразу же становятся известны там! Так воевать нельзя! Англичанина надо немедленно изгнать!

На это Мохаммед-шах лишь качал головой:

– Я не менее вас ненавижу инглизов, но сейчас мы находимся на грани войны с ними, и я не хочу давать удобного повода для этого!

– Уж англичане повод всегда найдут, когда им будет надо! – пробурчал себе под нос Симонич, возвращаясь с аудиенции в свою палатку.

Пребывание Виткевича в Тегеране осенью 1837 года было настолько засекречено, что даже английский посол Джон Макнейл, внимательно отслеживавший все телодвижения русских дипломатов, так ничего и не узнал.

Поэтому появление Виткевича под Гератом стало для Стоддарта громом среди ясного неба.

Надо сказать, что, следуя джентльменским традициям Большой Игры, Виткевич пообщался и со своим противником Стоддартом. Разведчики даже вместе отобедали, говоря на отвлеченные темы, но одновременно прощупывая друг друга. Участники Большой Игры никогда не упускали возможность личного знакомства с оппонентами, чтобы лучше узнать друг друга и вывести планы соперника. Такие поединки случались нечасто, но участники Игры никогда их не избегали, так как считали словесные дуэли вершиной настоящего мастерства. Во время своего интеллектуального поединка Виткевич полностью переиграл Стоддарта.

Вечером Виткевич сообщил Симоничу:

– Стоддарт примерный служака и дело в свое знает, но уровень его значительно ниже, чем у знаменитого Бёрнса. Ему недостает гибкости и хитрости.

– И слава Богу! – перекрестился Симонич. – Нам тут еще новых Бёрнсов не хватало!

Калейдоскоп участников Большой Игры поистине невероятен. Вот и теперь в далекой Персии серб и поляк замыслили пророссийский заговор в Кабуле против англичан!

По просьбе Симонича шах разрешил Виткевичу и его казакам безопасный проход по своим владениям. Провожая поручика, Симонич его трижды расцеловал и перекрестил:

– С Богом!

И отвернулся, чтобы тот не увидел набежавшую генеральскую слезу.

Вскоре после отъезда Виткевича майора Стоддарта срочно отозвали в Тегеран. Это еще больше взволновало Симонича. Пользуясь случаем, он сообщил о своих тревогах Мохаммед-шаху. Тот лишь безмятежно рассмеялся:

– Вначале вы требовали от меня изгнать этого инглиза из лагеря, когда же он сам ускакал, вы снова недовольны!

– Все именно так, – кивнул седой головой Симонич. – Ускакал Стоддарт не просто так. Сейчас в Тегеране посол Эллис готовит вам, а соответственно и нам, какую-то большую пакость!

– Какую именно? – разгладил бороду молодой шах.

– Это мы очень скоро узнаем! – вздохнул Симонич.

Все именно так и вышло. Вскоре Стоддарт снова появился в персидском лагере под Гератом. На этот раз он привез ультиматум английского правительства о том, что если осада Герата не будет немедленно снята, английский флот войдет в Персидский залив и высадит там большой десант, который начнет захват персидских городов.

Тут уж Мохаммед-шаху стало не до улыбок.

– Что мне теперь делать? – тревожно спрашивал он вызванного русского посла.

– Выхода у вас, а соответственно и у нас, к сожалению, нет! – честно признался Симонич. – Можно, конечно, еще потянуть время, но сворачивать шатры и убираться из-под Герата восвояси придется все равно, пока англичане не оттяпали у вас сразу несколько провинций. Надо признать, ваше величество, эту партию мы им проиграли!

* * *

А проблем хватало и у Виткевича. Вскоре после его отъезда прямо в дороге внезапно скончался его верный друг и спутник Гуссейн-Али. С его смертью Виткевич лишился влиятельного союзника и теперь мог рассчитывать только на себя. А неделю спустя вдалеке внезапно показалась группа вооруженных всадников. Даже беглого взгляда было понятно, что это не купцы. Две группы медленно сближались. Виткевич и его спутники на всякий случай приготовили оружие.

– По количеству мы лишь немного уступаем, а это значит, что если это местные разбойники, то отобьемся! – приободрил казаков Виткевич.

Каково же было его удивление, когда во главе всадников он опознал европейца. Обе группы остановились на расстоянии выстрела, изучая друг друга.

– Кто вы такие? – первым крикнул Виткевич вначале по-персидски, а потом по-тюркски.

В ответ последовал ответ на фарси:

– Я английский офицер!

После чего кричавший привычно козырнул. Сказать, что Виткевич был удивлен, значит, не сказать ничего.

– А вы кто такие? – спросил в свою очередь англичанин, хотя по одежде казаков и самого Виткевича обо всем можно было уже вполне догадаться.

– I am a Russian officer! – на чистом английском ответил Виткевич, козырнув в ответ, чем вверх кричавшего ему всадника в не меньшее изумление.

После этого обе группы съехались и началось уже более близкое знакомство. Как оказалось, Виткевич случайно наткнулся на лейтенанта Генри Роулинсона, который с проводниками и охраной проводил рекогносцировку приграничных с Афганистаном персидских областей. По неписаным законам Большой Игры разведчики противоборствующих сторон при личных встречах стремились быть взаимно вежливы. Вот и теперь, раскинув совместный бивуак, Виткевич с Роулинсоном выпили, перекусили и, раскурив трубки, завели разговор, стремясь пощупать друг друга. Один спрашивал, второй отвечал. При этом спрашивали много и конкретно, а отвечали неохотно и уклончиво.

«Их офицер, – написал позднее в своем донесении Роулинсон, – был молодым человеком изящного телосложения, с прекрасным цветом лица, яркими глазами и очень живым взглядом».

– Чем вызвано ваше появление в таких диких краях? – поинтересовался англичанин.

– Я везу подарки российского императора новому шаху Персии.

Данная легенда была вполне правдоподобной, так как шах именно в этот момент находился на расстоянии дневного перехода, следуя во главе своей армии на захват Герата. Фактически и сам Роулинсон направлялся в лагерь шаха, везя с собой письмо посла в Персии Джона Макнейла.

– А чем вызвано ваше появление здесь? – немедленно отыграл Виткевич.

– О, я просто любознательный английский путешественник...

– Наверно, вы интересуетесь местной флорой и фауной? – ехидно поинтересовался Виткевич.

– Как-то так, – без всякого энтузиазма ответил собеседник, панически испугавшись, что сейчас его начнут расспрашивать о белуджистанских медведях и [безоаровых козлах](#).

Но русский поручик деликатно промолчал.

Позднее в своем донесении Роулинсон написал, что в легенду Виткевича он тоже не поверил, так как не без оснований заподозрил, что тот со своим маленьким отрядом направляется в Кабул. При этом Роулинсон понимал, что если это действительно так, то в Лондоне и Калькутте появление русского разведчика в афганской столице грозит серьезными последствиями для англичан.

Передохнув и переговорив, офицеры расстались. При этом оба направились в ставку персидского шаха, хотя и разными дорогами. Вскоре после расставания с Роулинсоном отряду Виткевича пришлось отбиваться от нападения местных кочевников, которых, как он утверждает, натравил на него именно вежливый англичанин. Впрочем, никаких доказательств этого Виткевич в своих письмах не привел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.